
**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
«ВОПРОСЫ ОБРАЗОВАНИЯ:
ЯЗЫКИ И СПЕЦИАЛЬНОСТЬ»**

Синячкин В.П. — доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка и межкультурной коммуникации факультета гуманитарных и социальных наук РУДН — *главный редактор серии*

Бахтикиреева У.М. — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и межкультурной коммуникации факультета гуманитарных и социальных наук РУДН — *заместитель главного редактора, ответственный секретарь редколлегии*

Члены редколлегии

Джусупов М. — доктор филологических наук, профессор Ташкентского государственного университета мировых языков (Узбекистан, Ташкент)

Ефремов А.П. — доктор физико-математических наук, профессор, заведующий кафедрой физики факультета русского языка и общеобразовательных дисциплин РУДН

Жаркынбекова Ш.К. — доктор филологических наук, профессор Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева (Казахстан, Астана)

Иванова А.С. — кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой русского языка № 4 факультета русского языка и общеобразовательных дисциплин РУДН

Кожневска-Берчиньска И. — доктор филологических наук, профессор Высшей экономической школы (Польша, Варшава)

Куриленко В.Б. — кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой русского языка медицинского института РУДН

Маслова В.А. — доктор филологических наук, профессор Витебского государственного университета им. П.М. Машерова (Республика Беларусь)

Прошина З.Г. — доктор филологических наук, профессор, профессор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Руденко-Моргун О.И. — доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры русского языка № 3 факультета русского языка и общеобразовательных дисциплин РУДН

Тлостанова М.В. — доктор филологических наук, профессор, Линчёпингский Университет, Линчёпинг, Швеция

Шустикова Т.В. — доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка № 2 факультета русского языка и общеобразовательных дисциплин РУДН

EDITORIAL BOARD
BULLETIN OF PEOPLES' FRIENDSHIP
UNIVERSITY OF RUSSIA.
SERIES OF EDUCATION ISSUES:
LANGUAGES AND SPECIALITY

Prof. Vladimir Sinyachkin — Peoples' Friendship University of Russia, Moscow — Editor-in-Chief

Prof. Uldanai Bakhtikireeva — Peoples' Friendship University of Russia, Moscow — Vice-editor, Managing Secretary

Members of editorial board

Prof. Mahanbet Dzhusupov — Uzbekistan State University of World Languages, Tashkent, Uzbekistan

Prof. Aleksandr Efremov — Peoples' Friendship University of Russia

Prof. Sholpan Zharkynbekova — Eurasian National University named after L.N. Gumilyov, Astana, Kazakhstan

Dr. Anna Ivanova — Peoples' Friendship University of Russia

Prof. Joanna Korzeniewska-Berczyńska — Szkoła Główna Handlowa w Warszawie, Poland

Dr. Viktoriya Kurilenko — Peoples' Friendship University of Russia

Prof. Valentina Maslova — Vitebsk State University named after P.M. Masherov, Belarus

Prof. Zoya Proshina — Lomonosov Moscow State University, Russia

Prof. Olga Rudenko-Morgun — Peoples' Friendship University of Russia

Prof. Madina Tlostanova — Linköping University, Linköping, Sweden

Prof. Tatiana Shustikova — Peoples' Friendship University of Russia

ВЕСТНИК Российского университета дружбы народов

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в 1993 г.

Серия

**ВОПРОСЫ ОБРАЗОВАНИЯ:
ЯЗЫКИ И СПЕЦИАЛЬНОСТЬ**

2016, № 3

Серия издается с 2004 г.

Российский университет дружбы народов

СОДЕРЖАНИЕ

От редакционной коллегии серии	7
ОБЩЕЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ	
Никитенко Т.В. Снижение значения слова при переходе из диалектов в общее употребление	9
Файзрахманова Ю.С. Лексические инновации: кореизированные английские слова	18
Бахшиева Ф.С. Асимметрия языкового кода и мотивы игры с зоонимами в русском и азербайджанском языках	28
Омашева Ж.М. Словообразовательно-мотивационный анализ названий в казахском и русском языках	40
ПСИХОЛИНГВИСТИКА: ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ	
Лавицкий А.А. Ценности-концепты «Витебск» и «Владимир» в региональном языковом сознании (на материале поэтического интернет-дискурса)	51
Чжу Жуйшуан. «Ответственность / 责任» в языковом сознании современных китайских учащихся	68

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЯЗЫКОВОГО ОБРАЗОВАНИЯ.
ЛИНГВОДИДАКТИКА, МЕТОДИКА**

Черкашина Т.Т. Речевой жанр как модель формирования инструментальной коммуникативной компетенции	76
Липатникова О.Н. Формирование навыков формального общения у детей дошкольного и школьного возраста	85

**РУССКАЯ И РУССКОЯЗЫЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА:
ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ И ОБУЧЕНИЯ.
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД**

Khorev Andrei V. Bakhtin: the dangers of dialogue	92
Подобрий А.В., Лукиных Н.В. Художественное время как категория национальная (на примере русской литературы 1920-х годов)	109
Заврумов З.А. Иронический нарратив в художественном тексте: параметры когнитивного моделирования.....	117
Berest V.A. Conceptual artwork as a polycode text.....	124
НАШИ АВТОРЫ	130
ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ	132

BULLETIN of Russian Peoples' Friendship University

SCIENTIFIC JOURNAL

Founded in 1993

Series

**PROBLEMS OF EDUCATION:
LANGUAGES AND SPECIALITY**

2016, № 3

Series founded in 2004

Peoples' Friendship University of Russia

CONTENTS

Editorial	7
GENERAL AND COMPARATIVE LINGUISTICS	
Nikitsenka T.V. Pejorative sense development due to a word shifting from dialects to common use	9
Fayzrakhmanova Yu.S. Lexical innovations: Koreanized English words.....	18
Bakhshiyeva F.S. The asymmetry of the language code and motives for playing games with zoonyms in Russian and Azerbaijani.....	28
Omasheva Zh.M. Word formative and motivational analysis of medicinal herbs names in the Kazakh and Russian languages	40
PSYCHOLINGUISTICS: LANGUAGE CONSCIENCE	
Lavitski A.A. The values-concepts of Vitebsk and Vladimir in regional language conscience (based on poetic internet discourse)	51
Zhu Ruishuang. Free associative experiment of the word “responsibility / 责任” embodying linguistic consciousness in modern Chinese students	68

THEORY, LINGUODIDACTICS, METHODOLOGY

Cherkashina T.T. Speech genre as a pedagogical method organized and demanded an innovative model of forming tool of communicative competence 76

Lipatnikova O.N. Building communication skills with pre-schoolers and schoolchildren at home and at school 85

RUSSIAN LITERATURE: PROBLEMS OF LEARNING AND TEACHING. INTERDISCIPLINARY APPROACH

Хорев А.В. Бахтин: опасности «диалога» 92

Podobrii A.V., Lukinykh N.V. Art national as national category (by the example of Russian literature 1920 s years) 109

Zavrumov Z.A. Ironic narrative in the literary text: parameters of cognitive modeling.... 117

Берест В.А. Произведение концептуального искусства как поликодовый текст 124

OUR AUTHORS 130

INFORMATION FOR AUTHORS 132

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Уважаемый читатель!

Журнал продолжает публикацию научных работ в области лингводидактики, языкознания, прикладной лингвистики, педагогики.

С целью увеличения междисциплинарных исследований решением нового состава редколлегии к публикации принимаются статьи по теоретической и исторической культурологии.

Журнал является международным по тематике материалов, составу авторов и рецензентов.

Цель журнала — освещение научной деятельности известных ученых России и других стран, молодых ученых и аспирантов.

Задачи журнала: публикация результатов научных исследований по актуальным проблемам лингводидактики, теории языка, языков народов зарубежных стран, прикладной лингвистики, теории и методики профессионального образования, теоретической и исторической культурологии.

Тематические рубрики будут варьироваться, всегда отражая при этом спектр заявленных научных приоритетов серии.

Издание адресовано широкому кругу представителей гуманитарного знания.

E-mail: edulangjournalrudn@pfur.ru

EDITORIAL

The Journal's Profile

Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Education Issues Series: Languages and Specialty is a peer-reviewed journal publishing scholarly articles in the fields of language education, linguistics, pedagogy.

In 2016 for publication will be accepted articles in the fields of cultural studies.

The journal is an international publication both in its scope and authors. It publishes articles by renowned Russian and foreign scholars, young researchers and postgraduate students. Articles can be published in English.

The purpose of the journal is to bring forward and disseminate the most up-to-date research in the academic fields of language education, linguistics, pedagogy, cultural studies.

The Journal's objectives include:

- publication of scholarly articles and reviews on the urgent problems of language education, (Applied) Linguistics, Pedagogy and Cultural studies;
- presentation of original research in the field of Russian, Romance, Germanic and Slavic languages, the languages of Russia and the CIS as well as other European, Asian,

African, American and Australian languages; theory of translation and intercultural communication;

— discussion of topical issues in contemporary theoretical and applied linguistics, as well as in the area of cultural studies.

The journal will introduce a number of special sections focusing on the range of the series research priorities.

The journal is addressed to philologists, philosophers, scholars in cultural studies, specialists in Language education and Applied Linguistics. Its authors are PhDs, post-graduate students, PhD candidates and MA students both from Russia and abroad.

E-mail: edulangjournalrudn@pfur.ru

ОБЩЕЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

СНИЖЕНИЕ ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА ПРИ ПЕРЕХОДЕ ИЗ ДИАЛЕКТОВ В ОБЩЕЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ

Т.В. Никитенко

Витебский государственный университет им. П.М. Машерова
Московский проспект, 33, г. Витебск, Беларусь, 210038

В статье рассматриваются лексемы современного английского языка (британского варианта), которые вошли в общее употребление из территориальных и социальных диалектов. *Цель* исследования — установить, подвергаются ли территориальные и социолектные единицы процессам пейорации при переходе в общее литературное пространство. *Материал* для исследования был извлечен из Большого оксфордского словаря. Отмечается, что территориальные диалекты на протяжении XVI—XX вв. незначительно пополнили современную подсистему негативно-оценочной лексики английского языка. Социолектные единицы проникают в британский литературный стандарт главным образом на протяжении XIX—XX вв., при этом отмечается тенденция к их увеличению со второй половины XX в., что может свидетельствовать об усилении демократизации языка. Делается *вывод*, что в большинстве случаев территориальные и социальные диалектизмы функционируют как частно- или общеоценочные предикаты еще до того, как переходят в общее употребление, и не получают дополнительных негативно-оценочных значений в литературном использовании.

Ключевые слова: литературный язык, территориальные диалекты, социальные диалекты, британский вариант английского языка, пейоративное значение, стилистическая маркированность

Введение

Литературный язык, территориальные и социальные диалекты в совокупности составляют формы существования национального языка. Взаимоотношения отдельных форм могут быть различными в разных языках, а также в разные периоды истории одного языка. *Цель* настоящей работы — установить, происходит ли актуализация дополнительных негативно-оценочных сем в семантике внутриязыковых заимствований при их переходе в литературный язык. Иными словами, предпринята попытка установить, подвергаются ли территориальные и социолектные единицы процессам пейорации при переходе в общелитературное употребление.

Исследование выполнено на материале английского языка (британского варианта). Источником фактического материала стал самый полный английский толковый словарь в 20 томах — Большой оксфордский словарь [1], составленный на исторических принципах. Семантическое развитие анализируемых слов в диахроническом аспекте устанавливалось по Большому оксфордскому словарю (2-е изд., 1998), историческому Словарю сленга и нестандартного английского языка Э. Партриджа (8-е изд., 1984), электронным корпусам текстов. Изучаемая лексика тематически разнородна и представлена всеми знаменательными частями речи. Все анализируемые единицы являются негативно-оценочными в современном употреблении, попали в английское литературное пространство (представляя его кодифицированную или некодифицированную часть) из британских территориальных и/или социальных диалектов.

Основными методами, используемыми в данной работе, являются описательный, сопоставительный, в рамках которого проводится историко-семантический анализ, метод словарных дефиниций, корпусный анализ.

Следует уточнить, как представлены примеры в тексте статьи. После слова, выделенного курсивом, приводится его оценочное значение и дата фиксации в этом значении в общем употреблении по данным лексикографических источников или корпусов текстов со ссылкой в круглых скобках.

Современный английский литературный язык начинает формироваться на базе лондонского диалекта со второй половины XIV в., который становится общепринятым в Англии в конце XV в., в Уэльсе, Шотландии и Ирландии — в XVI в., на территориях вне Британских островов — в XVII в. [2. С. 163]. Кодификация литературной нормы осуществлялась в первой половине XVIII в., главным стремлением которой, по словам В.Н. Ярцевой, стало отделение книжно-письменной речи от разговорной [3. С. 194—195]. Собственно термин *Standard English* ‘литературный английский язык’ появляется во второй половине XVIII в. [2. С. 164].

Современный английский язык имеет устоявшуюся норму, богатую стилистическую систему, характеризуется полифункциональностью и наличием территориальных национальных вариантов. Разговорная речь входит в литературный стандарт, представляя его некодифицированную часть. Общебританский вариант английского языка включает местные диалекты, которые сложились исторически в результате географической изоляции некоторых территорий.

Переход территориальных диалектизмов в общее употребление

Все формы, существовавшие до XV в., в Большой оксфордский словарь включаются на равных правах, так как в древнеанглийский и среднеанглийский периоды английский язык существовал в форме территориальных диалектов. Таким образом, в данном исследовании в группу заимствований из территориальных диалектов как одного из возможных источников пополнения современного пласта негативно-оценочной лексики включаются лексические единицы, которые вошли в общее употребление после сложения литературной нормы — с XVI в. и позже.

Согласно полученным данным, заимствования из диалектов ранненовоанглийского периода среди современных негативно-оценочных лексем представ-

лены в малом количестве. Данный вывод соотносится с общим положением диалектизм в XVI—XVIII вв. по отношению к английской норме, которая, как выше отмечалось, в XVI в. уже сформировалась на основе лондонского диалекта. М. Гёрлах указывает на слабую представленность местных диалектов в лексике литературного стандарта, в то время как литературный образец оказывал значительное влияние на местные и региональные формы языка [4. С. 474].

К диалектизмам ранненовоанглийского периода, например, относят лексико-семантический вариант ‘тупой, сумасшедший’ прилагательного *soft* [5. С. 1110], который впервые в письменных источниках зафиксирован в XVII в. (1622) [1. Vol. XV. С. 927]. Одной из версий появления слова *dolt* ‘идиот, дурень’, которое засвидетельствовано в XVI в. (1543), является диалектное происхождение [1. Vol. IV. С. 942].

В первой половине XIX в. зафиксировано максимальное количество диалектизм в английском стандарте. Многие из отмеченных диалектных слов вошли в общее употребление, функционируя как сленгизмы или низкие коллоквиализмы, например:

jumped-up ‘самоуверенный из-за того, что быстро выбился в люди’ (30-е гг. XIX, разг. с ~ 1870) [1. Vol. VIII. С. 309; 5. С. 632];

piffing ‘незначительный, мелкий’ (кон. XIX, разг. с 20-х гг. XX) [1. Vol. XI. С. 805; 5. С. 879];

swanky ‘щеголеватый’ (40-е гг. XIX) [1. Vol. XVII. С. 351; 5. С. 1182].

Некоторые единицы сразу входят в разговорную речь, пр.: *(to) primp* ‘наряжать-ся’ (нач. XIX) [1. Vol. XII. С. 488].

Количество диалектизм, вошедших в общее употребление в XX в., незначительно; со второй половины XX в. отмечается некоторое увеличение диалектных слов, ассимилированных английским стандартом. Возможно, это объясняется тем, что в современной педагогике Великобритании «господствует доктрина “уместности”», суть которой состоит в том, чтобы приучить школьников пользоваться литературным английским, не подрывая престижа местных разновидностей языка» [6. С. 374]. Из этого следует, что в данный момент в современном британском английском отношении к местным диалектам достаточно лояльное, что, в свою очередь, способствует большему проникновению диалектных форм в общее употребление. Как и в предыдущие века, диалектные единицы в британское литературное пространство преимущественно проникали через сленг, например:

samey ‘однообразный и скучный’ (20-е гг. XX) [1. Vol. XIV. С. 430];

cack-handed ‘неуклюжий’ (XX) [5. С. 172].

Единицы, рассмотренные выше в примерах, функционировали в диалектах как оценочные предикаты еще до того, как перешли в общее употребление. В подавляющем большинстве случаев они попадали в британский стандарт с дополнительной стилистической характеристикой, которая придавала им более экспрессивный и эмоциональный характер. В процессе ассимиляции, однако, часто бывшие диалектные слова избавлялись от стилистически сниженной маркированности путем перехода в разряд разговорной лексики.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о шотландском языке, или скотс. Известно, что Шотландия сохраняла независимость до конца XVI в., в ней сформировался свой литературный образец. Однако потеря политической самостоятельности в XVII в. имела негативные последствия для развития шотландского языка — это низвело его до уровня диалекта. В настоящей работе заимствования из шотландского, начиная с XVII в., причисляются к заимствованиям из территориальных диалектов.

У единиц шотландского происхождения зафиксированы случаи снижения значения при переходе в общее употребление, которое происходило, однако, по моделям, характерным и для литературного английского. Например, в британском стандарте выделяется группа оценочных номинаций человека, связанных с его положением в обществе, где объектом оценки становится человек незначительного происхождения, младший по званию, рангу и т.д. Семантика подобных слов легко подвергается процессам пейорации, например: *boor*, *peasant*, *plebeian* и т.д. Так, слово шотландского происхождения *flunkey* ‘ливрейный лакей’ фиксируется в общем употреблении в 1782 г., презрительное значение ‘подхалим, лизоблюд’ отмечено в письменных источниках в 1855 г. [1. Vol. V. С. 1103]. Параллельно слово меняет стилистическую окраску: с середины XIX в. функционирует как разговорная единица, в XX в. вновь становится стилистически нейтральной [5. С. 411].

Отмечены случаи, когда в скотс лексема функционировала как литературная, а затем «понижив» стилистический статус, переходила в общebritанское употребление. Например, сращение *has-been* в значении ‘человек, утративший прежнее положение; чьи лучшие дни уже позади’ впервые упоминается в 1606 г. [1. Vol. VI. С. 1138]. На протяжении XVII—XIX вв. данная лексема существовала в скотс [5. С. 534]. Э. Партридж отмечает, что к 20—30-м гг. XIX в. слово функционировало в общем употреблении как разговорная единица, а с XX в. полностью лишилось стилистической маркированности [5. С. 534].

Переход социальных диалектизмов в общее употребление

Социальные диалекты английского языка, согласно М.М. Маковскому, включают профессиональные диалекты, арго и сленг [7. С. 8—9]. Не вызывает сомнения принадлежность профессиональных языков и арго к социолектизмам. Однако существуют разные трактовки и виды сленга, от которых зависит его принадлежность к социолектной лексике. Так, В.А. Хомяков различает общий сленг и специальный сленг [8. С. 72]. Общие сленгизмы занимают промежуточное положение между литературным стандартом и специальным сленгом и обладают следующими характеристиками: 1) относительно устойчивы в определенный период; 2) широко распространены и общепонятны; 3) имеют ярко выраженный эмоционально-экспрессивный характер; 4) имеют тенденцию проникать в литературное пространство [8. С. 39; 9. С. 10]. Специальный сленг включает в себя такие социальные варианты речи, как кент (арго), профессиональные и корпоративные жаргоны [8. С. 70—71]. Таким образом, к заимствованиям из социолектов относятся кентизмы (арготизмы) и лексика профессиональных диалектов, которые вошли в общее употребление. Общий сленг, по функциональным характеристикам совпадающий с русским современным просторечием, не рассматри-

вается как социально маркированная подсистема, характерная для речи определенной группы, поскольку, как было отмечено выше, является общепринятым и общенародным, но противостоит литературному стандарту как особое средство сниженной речи.

Формирование кента (арго) в английском языке относят к первой половине XVI в. [10. С. 233]. Язык «социального дна» Лондона приобретал распространение в силу прилива большого количества бродяг из деревень в столицу, которые его усваивали [8. С. 48]. Помимо этого, популяризация кента происходила на театральной сцене в XVI—XVII вв. [10].

Словарь деклассированных элементов в первую очередь связан с преступным миром, отношениями с правоохранительными органами и честными гражданами. Например, на протяжении XIX—XX вв. в кенте фиксировались единицы со значением ‘доносить’, ‘стукач’, которые в современное употребление вошли в том же значении и классифицируются как частные оценки, ср.:

- (*to*) *snitch* ‘доносить на (кого-л.); ябедничать’ (1801) [1. Vol. XV. С. 858];
(*to*) *squeal* ‘доносить; выдавать (кого-л.)’ (1846) [1. Vol. XVI. С. 408; 5. С. 1138];
grass ‘стукач, доносчик’ (XX) [1. Vol. VI. С. 770].

Кент также выступает источником некоторых негативно-оценочных единиц, семантика которых отражает явления, входящие не только в сферу интересов деклассированных элементов. Значение таких слов связано с отрицательными явлениями, отклонениями от нормы, общепринятого стандарта поведения. Большинство из зафиксированных нами подобных единиц проделывают примерно следующий путь. Кентизм проникает в сленговое или разговорное употребление, далее, будучи популяризированным, становится частью литературного некодифицированного пространства с соответствующим стилистическим маркером. Например, лексема *flash* в значении ‘кричащий, бросающийся в глаза; (о людях) показной’ начала функционировать в кенте (1785) [1. Vol. V. С. 1012—1013]; со второй половины XIX в. (~ 1870) классифицируется как низкий коллоквиализм [5. С. 402]. В настоящее время *flash* ‘шикарный; показной’ является экспрессивным частнооценочным предикатом, характерным прежде всего для разговорной речи. Ср.: *I can tell you where he is. Chatting up Eleanor Darcy in a flash restaurant* ‘Я могу тебе сказать, где он сейчас находится. Заигрывает с Элеонорой Дарси в каком-нибудь роскошном ресторане’ (F. Weldon. *Darcy’s Utopia*, 1991).

У некоторых кентизмов, освоенных литературным языком, отмечаются новые оценочные значения, как, например, у глагола *hijack*, который появился в американском кенте в значении ‘остановить транспортное средство и изъять его груз (огрابتь)’, позже в общем американском и британском употреблении расширил значение: ‘захватить самолет в результате боя и заставить пилота изменить курс’. В результате семантического переноса у лексемы зафиксировано неодобрительное оценочное значение ‘получить контроль над чем-л. (собранием и т.д.), особенно с целью пропаганды своих целей или интересов’ [1. Vol. VII. С. 234], лишённое дополнительной стилистической окраски и функционирующее в текстах различных жанров. Ср.: “... *carefully crafted attempt to hijack the environmental agenda*” «... тщательно продуманная попытка завладеть программой работы собрания по

вопросам загрязнения окружающей среды» (D. Adamson. *Defending the world: the politics and diplomacy of the environment*, 1990). Как видится, в подобных случаях появление переносного частно-оценочного значения у слова не связано с его происхождением, так как социолектная единица, освоенная литературным стандартом, функционирует подобно другим его членам, не имеет иных отличных факторов и способов развития полисемии.

Среди ассимилированных британским английским кентизмов фиксируются общеоценочные предикаты, как например *schmuck*. Данная единица впервые отмечена в 1892 г. в значении ‘презренный и неприятный человек’ [1. Vol. XIV. С. 627]. Вначале слово функционировало в кенте, затем — в начале XX в. — в общем сленге [5. С. 1018—1019]. В настоящее время эта лексема употребляется преимущественно в разговорной речи и художественной литературе как экспрессивно-оценочное средство, ср.: “*The guy was a schmuck, if you want my opinion...*” «Если тебе интересно мое мнение, то парень просто лопух» (J. Smith. *A masculine ending*, 1988).

Несмотря на длительную историю существования английского кента, среди современных негативно-оценочных лексем, по нашим данным, кентизмы представлены незначительно. В основном появление пейоративных единиц из числа ассимилированных арготических элементов фиксируется в XIX—XX вв. Кентизмы, проникая в литературную речь, часто расширяют свое значение и утрачивают (частично или в полной мере) эмоционально-экспрессивную окраску. Те арготические единицы, которые усвоены современным британским стандартом и являются оценочными, функционировали как частные или общие оценки еще до перехода в общее употребление.

В ранненовоанглийский период профессиональные и корпоративные жаргоны крайне неактивно пополняли негативно-оценочную лексику английского литературного языка. Среди ранних социолектизмов, функционирующих в современном британском варианте, выделяют, например, *crony* ‘закадычный друг’ (1650) [5. С. 271]. С момента появления и приблизительно до середины XVIII в. лексема функционировала в университетском сленге, перейдя затем в общее разговорное употребление. Жаргонизмы на протяжении XIX—XX вв. чаще пополняли фонд негативно-оценочных средств современного британского английского. Отмечается тенденция к увеличению социолектных единиц в общем употреблении со второй половины XX в. Генетически жаргонизмы разнородны, их тематика во многом определяется тем, какую социальную группу они представляют, например:

stodge ‘тяжелая, сытная еда’ (1894) [5. С. 1158; 1. Vol. XVI. С. 744] — школьный жаргон;

quisling ‘предатель’ (1940) [1. Vol. XIII. С. 42; 5. С. 951] — военный жаргон;

(*to*) *scrounge* ‘побираться’ (1914—1918) [1. Vol. XIV. С. 748; 5. С. 1027] — военный жаргон;

Eurocrat ‘чиновник, работающий в каком-л. из властных институтов Европейского Союза’ (1961) [1. Vol. V. С. 440] — политический жаргон.

В некоторых случаях лексема появляется в общем употреблении в результате сочетания нескольких источников: слово или его отдельный лексико-семанти-

ческий вариант заимствуется из другого варианта английского языка в жаргон замкнутой социальной группы британского английского, а затем становится общеупотребительным. Нами зафиксированы случаи, когда американский вариант стал источником заимствований в социолекты британского английского. Например, лексема *floozy* (также *floosie*, *floozie* [1. Vol. V. С. 1079]) впервые отмечена в 1902 г. в американском сленге; в 40-х гг. XX в. (1946) в жаргоне ВМС Великобритании данная лексема зафиксирована в значении ‘девушка (как сопровождающая)’ [5. С. 409]. В общем употреблении данная лексическая единица появляется с конца 40-х гг. XX в. в своем современном значении ‘проститутка; девушка для хорошего времяпровождения’ [5. С. 409]. В таком значении слово функционирует в настоящее время. Ср.: “... *the man she admired so much, thought she was some cheap little floozy*” «...мужчина, которым она так восхищалась, полагал, что она была какой-то дешевой, никчемной девкой» (S. Holland, S. Richmond. *Ungoverned passion*, 1993).

Большинство из рассмотренных нами социолектных единиц вошли в общее употребление, функционируя как общие сленгизмы или коллоквиализмы. Данная стилистическая характеристика может утрачиваться в процессе использования слова в языковом коллективе, что является свидетельством полной ассимиляции внутриязыкового заимствования литературным стандартом. Согласно нашим данным, большинство негативно-оценочных единиц в современном английском языке из числа бывших жаргонизмов являлись оценочными по своей семантике еще до перехода в общее употребление.

Заключение

Заимствования из территориальных диалектов на протяжении XVI—XX вв. незначительно пополнили современную подсистему негативно-оценочной лексики английского языка. Современные пейоративные слова и значения, появившиеся из числа диалектизмов и датируемые XVI—XVIII вв., малочисленны. В XIX веке отмечено некоторое увеличение диалектных единиц, вошедших в общее употребление на фоне общего значительного роста оценочных лексем; в XX в. количество диалектизмов несколько сокращается. В большинстве случаев диалектизмы функционировали как частно- или общеоценочные предикаты еще до того, как перешли в общее употребление. При переходе у бывших диалектных форм фиксировалась дополнительная стилистическая маркированность (фамильярность, сниженность и т.д.), которая с течением времени может утрачиваться.

Социолектные единицы проникают в британский литературный стандарт главным образом на протяжении XIX—XX вв., при этом отмечается тенденция к их увеличению в XX в., что может свидетельствовать об усилении демократизации языка, более частом использовании субстандартных и нелитературных форм в разных видах коммуникации. Как и в случае с территориальными диалектами, при переходе в общее употребление социолектизмы кроме приобретения стилистической маркированности, как правило, не подвергались дополнительным процессам пейорации.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] The Oxford English dictionary. In 20 vol. / prepared by J.A. Simpson, E.S.C. Weiner. 2nd ed. Oxford: Clarendon Press, 1989. 20 vol.
- [2] *McArthur T.* On the Origin and Nature of Standard English // *World Englishes*. 1999. Vol. 18, № 2. P. 161–169.
- [3] *Ярцева В.Н.* Развитие национального литературного английского языка. М.: Наука, 1969. 286 с.
- [4] *Görlach M.* Regional and Social Variation // *The Cambridge History of the English Language*. Vol. III: 1476–1776 / ed. by R. Lass. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. P. 459–538.
- [5] *Partridge E., Beale P.* A Dictionary of Slang and Unconventional English. 8th ed. London: Routledge and Kegan Paul, 1984. 1400 p.
- [6] *Германова Н.Н.* «Стандартные языки» в устно-письменном континууме: (англоязычная теория литературных языков) // *Устные формы литературного языка: история и современность* / отв. ред. В.Я. Порхомовский, Н.Н. Семенюк. М.: Эдиториал УРСС, 1999. С. 353–381.
- [7] *Маковский М.М.* Английские социальные диалекты. М.: Высшая школа, 1982. 135 с.
- [8] *Хомяков В.А.* Введение в изучение слэнга — основного компонента английского просторечия. Вологда: Волог. гос. пед. ин-т, 1971. 104 с.
- [9] *Partridge E.* Slang To-day and Yesterday. 4th ed. London: Routledge and Kegan Paul, 1979. 476 p.
- [10] *West W.N.* Talking the Talk: Cant on the Jacobean Stage // *English Literary Renaissance*. 2003. P. 228–251.

Для цитирования: Никитенко Т.В. Снижение значения слова при переходе из диалектов в общее употребление // Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2016. № 3. С. 9–17.

PEJORATIVE SENSE DEVELOPMENT DUE TO A WORD SHIFTING FROM DIALECTS TO COMMON USE

T.V. Nikitsenka

Vitebsk State University named after P.M. Masherov
Moskovskij Prospekt, 33, Vitebsk, 210038

The article considers the lexical units of Modern British English which have entered the common use from regional and social dialects. The aim of the study is to find out whether regional and social lexemes undergo additional pejorative sense development while shifting from non-standard language forms to standard British English. The data for the research has been extracted from “The Oxford English Dictionary”. It is stated that within the period of the XVI—XX cc. the regional dialects of Great Britain didn’t contribute a lot to enriching pejorative lexis. The lexemes from the social dialects entered the Standard English language mostly within the period of the XIX—XX cc. with the tendency to their growth in the second half of the XX c. The conclusion is made that in most cases regional and social units have functioned as pejorative means before they enter the common use so that they don’t acquire additional pejorative sense development in the standard language.

Key words: standard language, regional dialects, social dialects, British English, pejorative meaning, stylistic label

REFERENCES

- [1] The Oxford English dictionary. In 20 vol. / prepared by J.A. Simpson, E.S.C. Weiner. 2nd ed. Oxford: Clarendon Press, 1989. 20 vol.
- [2] *McArthur T.* On the origin and nature of Standard English // *World Englishes*. 1999. Vol. 18. № 2. P. 161–169.
- [3] *Jarceva V.N.* Razvitie nacional'nogo literaturnogo anglijskogo jazyka [The Development of the National Standard English Language]. Moscow: Nauka, 1969. 286 p.
- [4] *Görlach M.* Regional and social variation // *The Cambridge History of the English Language*. Vol. III: 1476–1776 / ed. by R. Lass. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. P. 459–538.
- [5] *Partridge E., Beale P.* A Dictionary of Slang and Unconventional English. 8th ed. London: Routledge and Kegan Paul, 2000. 1400 p.
- [6] *Germanova N.N.* «Standartnye jazyki» v ustno-pis'mennom kontinuumе: (anglojazychnaja teorija literaturnyh jazykov) [“Standard Languages” in the Oral and Written Continuum: the English Version Theory of National Languages] // *Ustnye formy literaturnogo jazyka: istorija i sovremennost'* [The Oral Forms of the Standard Language: History and Present-day Situation] / pod red. V.Ja. Porhomovskij, N.N. Semenjuk. Moscow: Editorial URSS, 1999. P. 353–381.
- [7] *Makovskij M.M.* Anglijskie social'nye dialekty [English Social Dialects]. Moscow Vysshaja shkola, 1982. 135 p.
- [8] *Homjakov V.A.* Vvedenie v izuchenie slenga — osnovnogo komponenta anglijskogo prostorechija [Introduction to the Study of Slang — the Integral Component of the English Informal Stratum]. Vologda, Volog. gos. ped. in-t, 1971. 104 p.
- [9] *Partridge E.* Slang to-day and yesterday. 4th ed. London: Routledge and Kegan Paul, 1979. 476 p.
- [10] *West W.N.* Talking the Talk: cant on the Jacobean Stage // *English Literary Renaissance*. 2003. P. 228–251.

For citation: Nikitsenka T.V. *Uhudshenie znachenija slova pri perehode iz dialektov v obshhee upotreblenie* [Pejorative sense development due to a word shifting from dialects to common use]. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Education Issues Series: Languages and Specialty*. 2016, no. 3, pp. 9–17. (In Russian)

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ИННОВАЦИИ: КОРЕИЗИРОВАННЫЕ АНГЛИЙСКИЕ СЛОВА

Ю.С. Файзрахманова

Камчатский государственный университет им. Витуса Беринга
ул. Пограничная, 4, г. Петропавловск-Камчатский, 683032

В статье рассматриваются основные типы корейзированных английских слов. Корейзированные английские слова представляют собой лексические инновации, созданные корейцами на материале английского языка для собственных коммуникативных нужд. Автор также проводит границу между корейзированными английскими словами и сложным комплексным феноменом под названием «конглиш».

Ключевые слова: лексические инновации; корейзированные английские слова; конглиш

Использование английского языка в различных социолингвистических контекстах вследствие его глобального распространения привело к диверсификации английского языка и к переходу от его бицентричности, основанной на двух вариантах, британском и американском, к плюрицентричности, проявляющейся в сосуществовании различных региональных вариантов английского языка. Категоризация вариантов английского языка представлена различными схемами [1; 2], но наиболее известной стала модель «трех концентрических кругов» Барджа Качру. Б. Качру выделяет три типа вариантов: английский язык как родной для говорящих (внутренний круг), английский язык как второй официальный (внешний круг), английский язык как иностранный (расширяющийся круг) [3]. До сих пор остается неоспоримым тот факт, что Южная Корея относится к странам расширяющегося круга, где английский язык используется не как государственный язык, а как язык межнационального общения. Действительно, корейцы не используют английский язык как отдельный самостоятельный языковой код в бытовом общении, однако отрицать присутствие английских лексических единиц в повседневной речи корейцев нельзя.

Корейзированные английские слова

В корейском языке есть английские слова, которые были заимствованы давно, однако по пути проникновения в чужеродную почву они частично или полностью изменили свое значение, приобрели дополнительные оттенки и коннотации. Наконец, в корейском языке есть целый ряд слов, которые сложно назвать заимствованными, потому что на самом деле ничего собственно и не заимствуется. В этом случае мы говорим о новых образованиях, строящихся на материале английского языка для нужд корейского общества и выполняющих определенную коммуникативную функцию. Такие лексические инновации, к которым мы можем отнести *гибридные образования, слова с измененным значением и новые слова (неологизмы)*, занимают уникальное положение, так как возникают они в основном в корейском языке, но на материале английского языка. Эти слова ориентирова-

ны только на корейцев и являются культурно маркированными, поэтому они могут быть непонятны как носителям английского языка, так и говорящим на других региональных вариантах.

Похожие лингвистические инновации в японском языке получили название «сделано-в-Японии» (made-in-Japan) [4]. Дж. Стэнлоу использует сложное слово «made-in...» с тем, чтобы подчеркнуть, что многие «английские» слова вовсе не были заимствованы из языка-донора, т.е. английского, а скорее созданы или модифицированы языком-реципиентом, т.е. японским. Есть все основания использовать образование «сделано-в-Корее» (made-in-Korea) для английских слов, созданных или модифицированных корейскими говорящими. Многие из этих корейзированных английских слов не имеют эквивалентов ни в британском, ни в американском английском, они созданы при помощи английского материала и отражают аспекты корейской культуры.

Гибридные образования

Корейцы проявляют креативность, смешивая корейские и английские слова, получая новые гибридные образования.

바뷔치 (Babwich) означает сеть магазинов еды быстрого приготовления, где продают в основном кимпаб (1) и сэндвичи [5]. 바뷔치 является культурно маркированным, так как несет в своем названии элемент традиционной корейской кухни (кимпаб) (рис. 1).

Рис. 1. 바뷔치 (г. Дэгу, 2015):

김밥 + 샌드위치 = 바뷔치

[gimbap + saendwichi = babwichi]

gimbap + sandwich = babwich

치케이크 (Happy Birthday chicken-cake) — это пример, обнаруженный в групповом чате корейского популярного мессенджера KakaoTalk. В чате речь шла о дне рождения одного из друзей. Обычно на день рождения дарят 생일케이크 (Happy birthday cake), но если кто-то любит курицу, то это может быть и 생일치킨

(Happy Birthday chicken). В чате кто-то из друзей проявил креативность, соединив два слова 생일치킨 (Happy birthday chicken) и 케이크 (cake), получил забавное сочетание курицы и торта на день рождения, 치케이크 (chicake) (рис. 2).

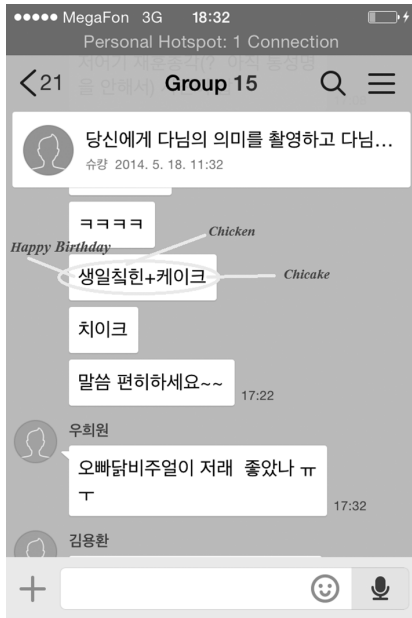

Рис. 2. Chicake (Kakaotalk messenger, 2015):
 생일치킨 + 케이크 = 치케이크
 [saengil chikin + keikeu = chikeikeu]
 Happy Birthday chicken + cake = (chicake)

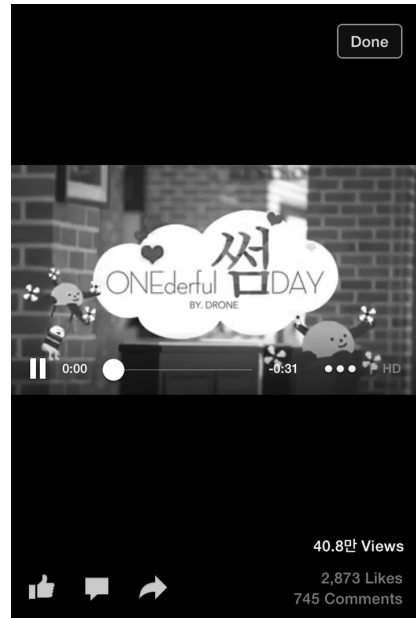

Рис. 3. ONederful썸 Day [7]

*ONederful*썸 Day представляет очень интересный пример языковой игры, основанной на созвучности морфем, сопровождающейся графогибридизацией (гибридизацией латиницы и хангыля) (рис. 3). В примере корейский элемент 썸 [seom] созвучен английскому *some*, при этом еще происходит замена первой части прилагательного *wonderful* на созвучное *one*. Интересно, что параллельное явление отмечается и в России, где, как отмечает А.А. Ривлина, английский язык в России используется в качестве важного дополнительного источника лингвистического творчества и языковой игры [6. С. 452]. Мы полагаем, что это верно и для корейско-английской языковой ситуации.

Слова с измененным значением

Другие слова изменили или модифицировали свое значение до такой степени, что стали непонятными для носителей английского языка. Наиболее известное корейзированное английское выражение 화이팅/파이팅 (Fighting!) не существует в английском языке со значением, с которым его используют корейцы «Давай! Вперед!» (Don't give up! Just do it!). Происхождение значения корейзированного «Fighting» неоднозначно, но главный момент заключается в том, что это выражение маркировано корейским лингвопрагматическим контекстом: оно отражает систему корейских ценностей, один из таких аспектов, как коллективизм, при-

ложение совместных усилий для достижения успеха (с «Fighting!» говорящий активно поддерживает другого в каком-либо начинании или в каком-либо действии) (рис. 4).

Рис. 4. 하이팅 [8]

Рис. 5. Fighting [9]

Приведем еще один пример (рис. 5). Выражение **원샷!** (One shot!) можно услышать за любым застольем или в барах, где продают алкогольные напитки. Оно представляет собой корейскую версию английского «Bottoms up!», когда человека заставляют выпить весь бокал или рюмку алкогольного напитка до дна. Употребление алкогольных напитков является важной частью культуры корейцев. Если в повседневной рутинной жизни корейцу очень сложно выразить свои эмоции, высказать свое мнение прямо, признаться в чувствах, то распитие алкогольных напитков в непринужденной обстановке с друзьями и коллегами помогает корейцам раскрепоститься, узнать друг друга ближе. Более того, культура потребления алкогольных напитков в Корее восходит к древней традиции празднования завершения сезонных работ. Эта «алкогольная культура» подчиняется особому этикету и имеет свои правила.

Следует отметить, что кореизированные английские слова находят много общего с «made-in-Japan» словами (японизированные английские слова). Джуджи

Ёнока отмечает, что приблизительно 40% корейзированных английских слов схожи с японизированными английскими словами [10. С. 40]. Историческое прошлое, когда в период японской колонизации многие английские слова попали в корейский язык через японский, и схожие лингвистические характеристики корейского и японского языков объясняют схожесть местной английской лексики.

Например, корейзированное *콘센트* (*consent*) используется в значении «розетка» (*an electric outlet*), что не соотносится ни с одним значением «*consent*» в британском или в американском английском, но используется со схожим, если не идентичным, значением как и японизированное «*consent*».

Еще один пример — *서비스* (*service*). Чтобы завлечь покупателя и заставить его прийти в магазин еще раз, многие бизнесмены дают дополнительные бонусы, называя это *서비스* (*service*). Если покупатель уже не в первый раз приходит в магазин и очень нравится продавцу, то в знак благодарности и симпатии он тоже может получить «*service*».

Новые слова (неологизмы)

빼빼로 데이 (*Pepero Day*) культурно маркирован. Это корейская версия дня всех влюбленных, только он отмечается 11 ноября (11.11). По этому поводу молодые люди дарят друг другу печенье-соломку «Пеперо» (*Pepero*), похожее на единички (рис. 6, 7). Если говорящие на других региональных английских не знакомы с корейским культурным контекстом, то они не смогут определить значение этого праздника.

Рис. 6. Pepero Day [11]

Рис. 7. 빼빼로 Day [12]

Polifessor образовано путем слияния основ *politician* и *professor* (рис. 8). Polifessor означает преподавателя университета, который оставляет работу в университете ради политической карьеры. В Корее такой уникальный феномен, как *polifessor*, вызывает противоречивое отношение в обществе. С одной стороны, еще со времен династии Чосон многие ученые занимали государственные должности. С другой стороны, отношение студентов к «полифессорам» достаточно негативное, так как именно студенты выступают жертвами этого феномена, недополучая знания от преподавателей, которые сделали ставку на политическую гонку.

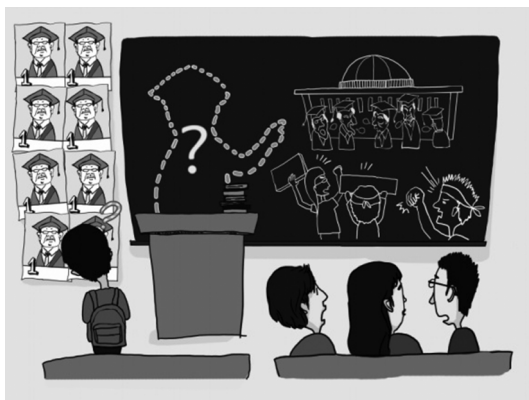

Рис. 8. Polifessor [13]

Корейзированные английские слова и конглиш (2)

Корейзированные английские слова могут функционировать в двух языковых матрицах: в корейском и английском языках. Они могут свободно переходить из корейского языка в английский язык и наоборот, и здесь сложно провести границу и отследить, где действительно было создано слово. Это стало причиной, как нам кажется, не совсем правильного понимания присутствия английских слов в корейском языке и привело к тому, что такие два разных явления, как корейзированные английские слова и конглиш, стали приравняться и рассматриваться как один языковой феномен [14; 15; 16]. Мы полагаем, что неверно было бы объединять феномен «конглиш» с корейзированными английскими словами в одну группу. Корейзированные английские слова представляют собой лингвистические единицы лексического уровня, которые могут существовать и функционировать в двух матрицах — в английской и корейской. Однако статус корейзированных английских слов в корейском и английском языках будет различаться. Используя термины «язык-матрица» (*matrix language*) и «язык-вкрапление» (*embedded language*), можно рассмотреть две возможные ситуации. С одной стороны, когда корейзированные английские слова используются в корейском языке, мы имеем дело с лексическими фрагментами из второго языка, то есть английского (L2), которые включены в язык-матрицу, корейский язык (L1). Однако, как уже было сказано выше, корейзированные английские слова, имея исходный материал из языка-донора, то есть английского (L2), созданы корейцами для своих собственных коммуникативных нужд, поэтому мы полагаем, что их

неверно было бы считать заимствованными словами. Это позволяет нам утверждать, что лексические фрагменты из английского языка (L2) становятся частью языка-матрицы, корейского языка (L1). С другой стороны, кореизированные английские слова могут быть включены в язык-матрицу, которым является английский язык (L2). В этом случае их появление мотивировано языком-вкраплением, то есть корейским языком (L1). Таким образом, есть основания полагать, что кореизированные английские слова заимствуются из корейского языка в интеръязык говорящего, то есть английский.

Конглиш, напротив, представляет собой целый лингвистический комплекс. С одной стороны, он может базироваться на подходе, который рассматривает его как интеръязык (*learner's English*). Тогда конглиш представляет собой серию языковых порождений на английском языке корейцем. Согласно американскому лингвисту Ларри Селинкеру, интеръязык представляет собой отдельную языковую систему, которая является продуктом попытки обучаемого воспроизвести изучаемый язык [17. С. 214]. Эта «отдельная языковая система», конглиш, подчиняется социопрагматическим и культурным законам языкового использования, но представляет собой индивидуальное, психолингвистическое явление. С другой стороны, ссылаясь на модель лектального континуума, представляющего собой совокупность разных лектальных зон (3), конглиш можно рассматривать как речь необразованных корейцев или как базилектную форму английского языка, в свою очередь, являющуюся частью функционального континуума, который мы называем вариантом. В этом случае он испытывает трансференцию корейского языка на всех уровнях (грамматике, лексике, синтаксисе и фонологии). В терминах «язык-матрица» и «язык-вкрапление» конглиш базируется на языке-матрице, английском (L2) с вкраплениями лексических, структурных и фонологических фрагментов из корейского языка (L1). Стоит отметить, что кореизированные английские слова естественным образом включены в конглиш, так же как и в другой лектальный уровень (мезолект и акролект), на котором могут говорить корейцы. Не важно, как хорошо говорят по-английски корейцы, только они, а не носители других вариантов английского языка способны порождать такие лексические инновации, как кореизированные английские слова. Тем не менее формы конглиш не делают конглиш отдельным вариантом английского языка, так же как и только кореизированные английские слова не переводят английский язык, на котором говорят корейцы, в разряд нового варианта. Как отмечает З.Г. Прошина «все эти три лекта (базилект, мезолект и акролект) в совокупности представляют собой вариант, используемый определенным лингвокультурным социумом, поэтому нельзя ассоциировать вариант лишь с одним лектом» [19. С. 125]. Однако новые структурные, фонологические и лексические особенности, обнаруженные на всех лектальных уровнях (базилект, мезолект и акролект), способствуют зарождению нового варианта английского языка.

Таким образом, кореизированные английские слова относятся к английскому ядру, однако отражают особенности корейского общества и ограничены корейским культурным контекстом. Такие лексические инновации являются индикаторами и маркерами корейской культуры, корейской идентичности и корейской

системы ценностей и норм. Корейзированные английские слова, возникающие на стыке корейского языка с английским, хотя и не делают английский язык, на котором говорят корейцы, новым региональным вариантом, однако будучи культурно маркированными, могут способствовать его зарождению.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Популярное блюдо корейской кухни. Корейская версия японских роллов, завернутых в сушеные листья морской капусты «**김**», наполненные рисом «**밥**», с добавлением различной начинки.
- (2) Слово «конглиш» (Konglish) образовано путем слияния двух слов «Korean» и «English» и чаще несет негативную коннотацию. В обыденной жизни конглиш рассматривается как плохой английский язык, на котором говорят корейцы.
- (3) Лектальные зоны характеризуют уровни владения английским языком в социуме. *Акролект* представляет собой верхнюю часть континуума и соответствует высокому уровню владения языком образованными людьми. *Базилект* соответствует низкому уровню владения языком необразованными пользователями. *Мезолект* занимает промежуточное положение между двумя другими и характеризует средний уровень владения языком или речь образованных пользователей в неформальной речевой ситуации [18].

ЛИТЕРАТУРА

- [1] McArthur, Tom. The English Languages? // English Today. 1987. № 11. P. 9—11.
- [2] Görlach, Manfred. The development of Standard Englishes // In Studies in the History of the English Language / ed. by Manfred Görlach. Heidelberg: Carl Winter, 1990. P. 9—64.
- [3] Kachru, Braj B. Standards, codification and sociolinguistic realism: The English language in the Outer Circle // English in the World: Teaching and Learning the Language and Literatures / Ed. by Randolph Quirk and Henry G. Widdowson. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. P. 11—30.
- [4] Stanlaw, James. Japanese English: Language and Culture Contact. Hong Kong: Hong Kong University Press, 2004. 375 p.
- [5] 바뷔치 (Babwich) // Daegufood. URL: <http://www.daegufood.go.kr/kor/sub/biz.asp?idx=40&gotoPage=1&snm=33&Tgubun=2> (время доступа 3 февраля, 2016).
- [6] Rivlina, Alexandra A. Bilingual creativity in Russia: English-Russian language play // World Englishes. 2015. № 34 (3). P. 436—455.
- [7] ONEderful 썸 Day // Facebook. URL: <https://www.facebook.com/CJONEcard/videos/798105886910848/> (время доступа 4 октября, 2015).
- [8] 화이팅 (Fighting) // Ezday. URL: http://www.ezday.co.kr/bbs/view_board.html?q_sq_board=5949078 (время доступа 24 февраля, 2016).
- [9] Fighting // Vingle. URL: <https://www.vingle.net/posts/558490-OppaFighting%EC%98%A4%EB%B9%A0%ED%99%94%EC%9D%B4%ED%8C%85#!> (время доступа 24 февраля, 2016).
- [10] Yoneoka, Judy. The Striking similarity between Korean and Japanese English vocabulary. Historical and linguistic relationships // Asian Englishes. 2014. № 8 (1). P. 26—47.
- [11] Pepero Day // Davidsworld. URL: <http://davidsworld.tistory.com/64> (время доступа 24 февраля, 2016).
- [12] 빼빼로 Day (Pepero Day) // Ajnews. URL: <http://www.ajunews.com/view/20141104084441800> (время доступа 24 февраля, 2016).
- [13] Ha, Jung-yun. Polifessors seeking to build a political life // The Yonsei Annals. October 29, 2009. URL: <http://annals.yonsei.ac.kr/news/articleView.html?idxno=848> (время доступа 2 февраля, 2016).
- [14] Tranter, Nicolas. Hybrid Anglo-Japanese loans in Korean // Linguistics. 1997. № 35. P. 133—166.

- [15] Kent, David B. *Speaking in Tongues: Chinglish, Japlish and Konglish*. KOTESOL Proceedings of PAC2, Seoul, 1999. P. 197—209.
- [16] Everest, Terri-Jo. *Konglish: Wronglish? // The English connection*. 2002. № (5). P. 23.
- [17] Selinker, Larry. *Interlanguage // International review of applied linguistics*. 1972. № 10. P. 209—241.
- [18] Platt, John T., & Weber, Heidi. *English in Singapore and Malaysia: Status, features, functions*. Kuala Lumpur: Oxford University Press, 1980. 292 p.
- [19] Прошина З.Г. Дистинктивные признаки вариантов английского языка, неродного для его пользователей // Вестник Череповецкого государственного университета. Серия: Филологические науки. 2014. № 3. С. 123—128.

Для цитирования: Файзрахманова Ю.С. Лексические инновации: корейзированные английские слова // Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2016. № 3. С. 18—27.

LEXICAL INNOVATIONS: KOREANIZED ENGLISH WORDS

Yu.S. Fayzrakhmanova

Vitus Bering Kamchatka State University
Pogranichnaya str., 4, Petropavlovsk-Kamchatsky, 683006

This article discusses main types of Koreanized English words. Koreanized English words are lexical innovations created by Koreans for their own communicative purposes using English linguistic material. The author draws the demarcation line between Koreanized English words and a complex phenomenon of “Konglish”.

Key words: lexical innovations, Koreanized English words, Konglish

REFERENCES

- [1] McArthur, Tom. *The English Languages? English Today*. 1987. № 11. Pp. 9—11.
- [2] Görlach, Manfred. *The development of Standard Englishes*. In *Studies in the History of the English Language* / ed. by Manfred Görlach. Heidelberg: Carl Winter, 1990. Pp. 9—64.
- [3] Kachru, Braj B. *Standards, codification and sociolinguistic realism: The English language in the Outer Circle*. *English in the World: Teaching and Learning the Language and Literatures* / Ed. by Randolph Quirk and Henry G. Widdowson. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. Pp. 11—30.
- [4] Stanlaw, James. *Japanese English: Language and Culture Contact*. Hong Kong: Hong Kong University Press, 2004. 375 p.
- [5] 바뷔치 (Babwich). Daegufood. URL: <http://www.daegufood.go.kr/kor/sub/biz.asp?idx=40&gotoPage=1&snm=33&lgubun=2> (accessed February 3, 2016).
- [6] Rivlina, Alexandra A. *Bilingual creativity in Russia: English-Russian language play*. *World Englishes*. 2015. № 34 (3). Pp. 436—455.
- [7] ONEderful썸 Day. Facebook. URL: <https://www.facebook.com/CJONEcard/videos/798105886910848/> (accessed October 4, 2015).
- [8] 화이팅 (Fighting). Ezday. URL: http://www.ezday.co.kr/bbs/view_board.html?q_sq_board=5949078 (accessed February 24, 2016).

- [9] Fighting. Vingle. URL: <https://www.vingle.net/posts/558490-Oppa-Fighting-%EC%98%A4%EB%B9%A0%ED%99%94%EC%9D%B4%ED%8C%85#!> (accessed February 24, 2016).
- [10] Yoneoka, Judy. The Striking similarity between Korean and Japanese English vocabulary. Historical and linguistic relationships. *Asian Englishes*. 2014. № 8 (1). Pp. 26—47.
- [11] Pepero Day. Davidsworld. URL: <http://davidsworld.tistory.com/64> (accessed February 24, 2016).
- [12] 짹 짹로 Day (Pepero Day). Ajnews. URL: <http://www.ajunews.com/view/20141104084441800> (accessed February 24, 2016).
- [13] Ha, Jung-yun. Polifessors seeking to build a political life. *The Yonsei Annals*. October 29, 2009. URL: <http://annals.yonsei.ac.kr/news/articleView.html?idxno=848> (accessed 4 February, 2016).
- [14] Tranter, Nicolas. Hybrid Anglo-Japanese loans in Korean. *Linguistics*. 1997. № 35. Pp. 133—166.
- [15] Kent, David B. Speaking in Tongues: Chinglish, Japlish and Konglish. *KOTESOL Proceedings of PAC2, Seoul, 1999*. Pp. 197—209.
- [16] Everest, Terri-Jo. Konglish: Wronglish? The English connection. 2002. № (5). Pp. 23.
- [17] Selinker, Larry. Interlanguage. *International review of applied linguistics*. 1972. № 10. Pp. 209—241.
- [18] Platt, John T., & Weber, Heidi. *English in Singapore and Malaysia: Status, features, functions*. Kuala Lumpur: Oxford University Press, 1980. 292 p.
- [19] Proshina Z.G. Distinktivnye priznaki variantov angliiskogo iazyka, nerodnogo dlia ego pol'zovatelei [Distinctive features of the English language varieties, non-native for its users]. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta [Cherepovets State University bulletin]*. 2014. № 3. Pp. 123—128.

For citation: Fayzrakhmanova Yu. S. *Leksicheskie innovacii: koreizirovannye anglijskie slova* [Lexical innovations: Koreanized English words]. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Education Issues Series: Languages and Specialty*. 2016, no. 3, pp. 18—27. (In Russian)

АСИММЕТРИЯ ЯЗЫКОВОГО КОДА И МОТИВЫ ИГРЫ С ЗООНИМАМИ В РУССКОМ И АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ ЯЗЫКАХ

Ф.С. Бахшиева

Бакинский славянский университет
ул. Сулеймана Рустама, 25, Баку, Азербайджан, AZ1014

Статья посвящена обыгрыванию зоонимов в русском и азербайджанском языках. Отмечается, что асимметрия знака выпукло представлена в сфере зоонимов, что носит закономерный характер с точки зрения познания человеком окружающего мира. Представления о животных формируют устойчивые когнитивные модели, так или иначе характеризующие ментальность народов. Одно и то же животное может предоставлять различные и даже противоположные мышлению и психологии различных народов коннотации. Сопоставление русского и азербайджанского языков в этом аспекте никогда не проводилось. Между тем важность подобного исследования не вызывает сомнения, особенно в рамках современного когнитивного языкознания. Исследование показывает, что азербайджанский язык испытывает сильное влияние русского языка в области осмысления образов животных. Если азербайджанский язык не создает параллелей, то заимствуются русизмы. Особенно характерно это явление для живой разговорной речи.

Ключевые слова: русский язык, азербайджанский язык, зооним, переосмысление, асимметрия языкового знака, ассоциативная модель

В настоящее время значительно усилился интерес к использованию знаков во вторичной функции. Особенную роль в этом сыграло формирование современной когнитивной парадигмы в языкознании. Появилось большое число работ, посвященных метафоре и ее роли в осмыслении человеком окружающего мира. Уже общепризнано, что метафора позволяет добиться максимально точного обозначения явления. Единица вторичной номинации в своей глубинной сути не столько называет, сколько выражает отношение к обозначаемому. Выражение отношения всегда экспрессивно, а экспрессия позволяет добиваться большего коммуникативного эффекта.

Названия животных во всех языках являются источником множества коннотаций. Одно и то же животное в картине мира различных народов пользуется различным «имиджем». Сопоставление языков в этом аспекте имеет большое значение для изучения языковой картины мира и в целом национальных менталитетов, особенно тех народов, которые жили и живут в очень близком соседстве. Русский и азербайджанский языки относятся как раз к таким языкам. В этой статье делается попытка сопоставительного изучения образов двух главных для человека животных — собаки и кошки.

Собака. Вряд ли найдется другое животное, занимающее в жизни человека такое же место, как собака. Действительно, собака сопровождает человека почти на всем его историческом пути. В русском языке основное номинативное значение слова *собака* определяется следующим образом: «домашнее животное семей-

ства псовых, родственное волку, используемое человеком для охраны, на охоте, в упряжке (на Севере)» [5, 4. С. 168].

Номинативные значения слов могут определяться по-разному в зависимости от предпочтений лексикографов, однако существуют объективные показатели, определяющие содержание соответствующего понятия. На наш взгляд, такие признаки, как использование в упряжке, характерное для Севера, не является определяющим для содержания понятия «собака». Для определения места понятия «собака» в парадигме «семейство псовых» достаточно указания одного признака — «домашний». Иными словами, из семейства псовых только собака является домашним животным. Следовательно, в дефиниции определяющими являются два признака: «семейство псовых» и «домашний».

В соответствующей статье из МАС приводится еще два значения этого слова, оба обладают коннотацией. Второе значение определяется как «бранное слово» и характеризуется отрицательной коннотацией, это грубо просторечное слово. Третье, напротив, характеризуется положительной коннотацией и определяется как «выражение одобрения или восхищения».

Таким образом, словарная статья отличается стройностью анализа, что непосредственно отражает стройность семантической эволюции слова. Интересно, что, несмотря на нейтральный характер основного номинативного значения, в нем в зародыше содержится программа коннотативного развития, как в направлении положительной, так и в направлении отрицательной коннотации. Собака служит человеку и, следовательно, заслуживает его одобрения и ласки. Одновременно, охраняя его, она проявляет враждебность и злость по отношению к чужим. Таким образом, в самом номинативном значении заложена биакцентная коннотация.

В соответствующей статье приводятся устойчивые (стандартные) сочетания сочетания со словом *собака*: *как собака, как собака на сене, как собак нерезаных, как кошка с собакой, каждая собака, ни одна собака, вешать (всех) собак, гонять собак, собаку съест, вот где собака зарыта, нужен как собаке пятая нога, с собаками не сыщешь* [5, 4. С. 168—169]. В каждом из этих стандартных выражений представлен один признак собаки, известный русским людям. Эти признаки поддаются счету, и в конечном счете образ собаки в сознании русского народа таков, каким он отражен и обыгран в этих выражениях.

Выражение *как собака* носит абсолютный характер, т.е. здесь нет указания на характер действия или состояния, делающего правомерным сравнение с собакой. В МАС отмечается, что это словосочетание употребляется с некоторыми глаголами, в сочетании с которыми оно означает «совершенно, совсем, очень сильно» [5, 4. С. 168] например: *устал как собака, голодный как собака*. На наш взгляд, в русском языке возможны и иные конфигурации с этим словосочетанием. Например, *набрасываться как собака, ругаться как собака* и т.п., где реализуется признак «злость» или «грубость». Ср. также такой русский стандарт, как надпись на воротах: *во дворе злая собака*.

Собака на сене реализует такой признак, как «охрана». Однако обыгрывание признака принимает неожиданный характер, поскольку собаку «обвиняют» в том, что «она хорошо охраняет». Хорошая охрана вместо положительной получает от-

рицательную оценку, т.е., хорошо охраняя, ни сам не ест, ни другим не дает. Фактически в структуре выражения представлен и контраст собаки и сена, т.е. сено собака не ест, даже если бы и плохо охраняла.

Как собак нерезаных реализует признак множества и отражает стандартную ситуацию картины бездомных собак, слоняющихся по улицам.

Как кошка с собакой в окружении имеет глагол *жить* и также отражает стандартную ситуацию, наблюдаемую этносом на протяжении столетий совместного проживания. Здесь реализуются такие семантические множители, как «злость», «неуживчивость», «плохо» и т.п.

Каждая собака, как и выражение *ни одна собака* реализуют когнитивный признак «на улице». Иными словами, собаки здесь узнаются по признаку «улица» или «бездомность», но связь обратная: если *каждая собака*, то, следовательно, «хорошо известно». Если *ни одна собака*, то, следовательно, никто.

Выражение *вешать всех собак* реализует такой признак, как «вина», «проступок». Фразеологизм *собаку съест* является фразеологическим сращением, поэтому невозможно соотнести концепт «собака» с каким бы то ни было определенным когнитивным признаком. Что касается фразеологизма *вот где собака зарыта*, то здесь актуально представление о том, что зарыто, т.е. спрятано, а не с собакой. Слово *собака* в структуре этого фразеологизма является пустым элементом и фактически факультативным. Его место является устойчивым, но функционально не релевантным.

Выражение *нужен как собаке пятая нога* строится на топосе, т.е. очевидности того факта, что у собаки четыре ноги. С этим связан и элемент гиперболы, содержащийся в риторическом вопросе. Наконец, *с собаками не сыщешь* реализует признак «сыск».

Кроме того, МАС выделяет метафорические значения в прилагательном *собачий*. Третье значение после двух номинативных: «очень тяжелый, невыносимый», четвертое — «в составе некоторых бранных выражений». МАС выделяет также пятое значение слова *собачий*: «как составная часть некоторых ботанических и зоологических названий; собачий лук, собачья петрушка» [5, 4. С. 169]. В конце статьи приводится фразеологизм *собачий нюх* в значении «обостренное чутье» [5, 4. С. 169]. Структура фразеологизма прозрачна, очевидно, что здесь реализуется когнитивный признак «нюх».

В МАС зафиксированы также глаголы *собачить кого* — «ругать» и *собачиться* — «ругаться» [5, 4. С. 169]. Следовательно, в сознании русского народа *собака* ассоциируется также с «бранью».

Таким образом, концепт «собака» в русском сознании ассоциируется с такими признаками, как «злость», «охрана», «защита», «поласкать», «потрепать по шерсти», «брань», «сильно», «много», «бродяжничество», «сыск», «очень тяжелый», «невыносимый», «острый нюх», «запах», «ругать», «ругаться». Что касается семантических множителей, то их, разумеется, значительно больше, но в процессе проводимого анализа важны когнитивные признаки концепта, а не семы, структурирующие значение слова. Выделенные признаки позволяют проследить игру со словом *собака* и производными в русском языке.

В азербайджанском языке эквивалентом русского слова *собака* является слово *it*. В Толковом словаре азербайджанского языка это слово зафиксировано в двух значениях. По первому дается следующая дефиниция: «домашнее животное, входящее в особую группу млекопитающих типа таких хищников, как волк и лиса» [8, 2. С. 606]. Второе значение квалифицируется как переносное и определяется следующим образом: «с плохим характером, злой на язык, драчун, ругатель, необходимый человек». Отмечается, что чаще всего это слово встречается с союзным словом *kimi*. Здесь же в качестве употребления (при втором значении) указывается возможность использования как бранного слова [8, 2. С. 606].

Таким образом, семантическая структура русского слова *собака* и азербайджанского слова *it* отличается отсутствием у азербайджанского эквивалента семантики ласки и одобрения, или восхищения.

Азербайджанское слово также создает целую парадигму устойчивых выражений, в структуре которых реализуется набор когнитивно значимых признаков. Эти признаки, как и в русском языке, создают устойчивые ассоциативные мосты, формирующие связь концепта «собака» с животным. Кроме того, эти признаки служат основой обыгрывания самого знака *it* в азербайджанском языке.

В статье на слово *it* после соответствующего знака приводятся фразеологические единицы с этим словом в качестве компонента. Большинство из них содержит хотя бы один когнитивный признак, характеризующий концепт «собака» в азербайджанском сознании и дающий возможность соответствующего обыгрывания этого слова в речи. Стандартные и устойчивые связи фиксируются в словарях и квалифицируются как узуальные. Перечень выражений со словом *it* начинается с фразеологизма *it da getdi, ip da* [8, 2. С. 606]. Конечно, семантическая структура фразеологизма содержит элемент комизма, т.е. собака ушла, хотя бы веревка осталась, а то и веревку унесла. Такой комический эффект направлен на гиперболизацию, т.е. «все пропало» и «окончательно пропало». Однако в структуре выражения представлен и совершенно нейтральный когнитивный признак, отражающий стандартную ситуацию: собак держат на привязи. Это своеобразный стандарт мышления, поэтому и не нужно объяснять, о какой веревке идет речь.

It daftərində adi yoxdur, т.е. «не записан даже в собачьей книге, нигде не упоминается, его никто не знает». Конечно, и здесь присутствует элемент гиперболизации, однако и в этом случае возможна реальная основа, давшая основание для обыгрывания. Возможно, и собаки были на учете, если и не были записаны, то жители села знали всех своих собак. Существенным для обыгрывания признаком является известность собак, как, впрочем, и других животных. Встречаются сельские жители, которые даже куриц знают по их принадлежности хозяевам.

It günü çəkmək. Эта ассоциация нам знакома по соответствующей парадигме русского языка. Ассоциативным признаком и в этом случае является «тяжесть жизни». Соотнесение тяжелой человеческой жизни с обычной жизнью собаки становится ментальным или этноментальным стандартом как русских, так и азербайджанцев.

Выражения *it kökündə, it günündə, it diriliyində* даются в двух значениях: первое определяется как «плачевный, неряшливый, грязный внешний вид»; второе —

«уставший, подавленный, измученный» [8, 2. С. 606]. Прямого соответствия этим ассоциациям в русском языке мы не находим. Однако в русском языке существует выражение *шелудивый нес*, которое на ассоциативном уровне соотносительно с указанными азербайджанскими выражениями.

Выражение *it ilində* не находит соответствия в русском языке, следовательно, в русском сознании отсутствует ассоциация собаки с древностью. Разумеется, и в азербайджанском языке такой ассоциации нет, однако она существовала, что и дало основание для образования такого выражения.

Фразеологизм *it yüyəsini tanımur* отражает стандартную ситуацию, в соответствии с которой каждая собака знает своего хозяина. Суть гиперболизации состоит в том, что «возможны ситуации, когда даже собака не узнает своего хозяина».

Выражения *itdən alıb itə vermək* и *itdən əskik eləmək* реализуют обычный для образа собаки когнитивный признак. Буквально фразеологизмы означают «вырвать у одного пса и отдать другому» и «сделать (опустить) ниже собаки». Хотя фразеологизмы даются как синонимичные, у них разные образные основы, следовательно, в них реализуются различные когнитивные признаки. В первом выражении реализуется признак «злость», во втором — «низость», «подлость». То же значение имеет и фразеологизм *itdən biabır etmək* [8, 2. С. 607]. В структуре данного выражения также представлен когнитивный признак «подлость», т.е. в сознании азербайджанцев концепт «собака» устойчиво ассоциируется с подлостью.

В структуре фразеологических единиц *itin sözüni demək* и *itə dönmək* реализуется признак «злость», «ярость», «неистовство». Правда, судя по статье из ТСАЯ, эти два фразеологизма являются абсолютными синонимами, чего на самом деле, конечно же, нет. Фразеологизм *itin sözüni demək* является полным эквивалентом русского слова *собачить*, т.е. «сильно ругать», в то время как *itə dönmək* буквально означает «превратиться в собаку». Такого рода метаморфоза означает «безумствовать, набрасываться на всех, как собака». Если в семантике первого выражения актуально ругать конкретно кого-то, то во втором важно, что в таком состоянии оказывается человек безотносительно к кому-то конкретно, он набрасывается на всех. Следовательно, он не кого-то ругает, не кто-то его рассердил, это его природа, его состояние.

Itin dilini bilir. Здесь собака выступает символом другого мира, недоступного человеку. В утверждении о знании особенностей этого мира содержится гиперболизация, непосредственно служащая экспрессии. Что касается обыгрывания слова *it*, то оно однозначно выступает обозначением запредельного для человека. Такое использование данного знака напоминает образ птиц в восточной мифологии. Ср.: Соломон понимал язык птиц и т.д.

Выражение *itin dişi motalın dərisi* использует символ собаки совершенно факкультативно, однако ясно, что присутствует мотивация. Если исходить из актуального значения выражения, то концепт «собака» здесь не реализует ни одного когнитивно значимого признака. Однако если учитывать образную основу, то в сознании носителей языка активизируется образ собаки, вцепившейся в бурдюк с сыром. Ситуация носит стандартный характер, но в структуре выражения используется не данный стандарт, а безразличие человека, которому дела нет ни до

собаки, ни до сыра. Именно в этом смысле образ собаки, как и образ бурдюка с сыром, является факультативным.

Itin sözünü demək означает «сильно ругать, говорить непристойности кому-л.», здесь образ собаки олицетворяет «низкое существо». Имплицитно в структуре выражения реализуется такой признак, как «вседозволенность», т.е. с собакой можно обращаться как угодно. Слово *it* в азербайджанском языке воплощает в себе все эти коннотации.

Выражение *itinə tək* на глубоком уровне отражает стандартную житейскую ситуацию. Когда чего-то очень много (каких-либо съестных продуктов), то дают и собакам. Следовательно, концепт «собака» здесь опосредованно реализует такой признак, как «обилие».

В структуре выражения *itlə çixarmaq (qovmaq)* реализуется основной для концепта «собака» когнитивный признак — «злость», «агрессия», «нападение». Фразеологизм означает «прогнать кого-л. с руганью, оскорблениями» [8, 2. С. 606].

Фразеологизм *itlə pişik kimi (dolanmaq)* является полным эквивалентом русского выражения *жить как кошка с собакой*. Можно сказать, что здесь реализуется стандартная ситуация из мира домашних животных. Следовательно, соответствующий стандарт характеризует и русское, и азербайджанское мышление. В качестве основного когнитивного признака в структуре фразеологизма реализуется «неуживчивость». Опосредованно представлен, разумеется, и такой признак, как «агрессия», причем агрессия ассоциируется с образом собаки.

В выражении *başına it oyunu açmaq (gətirmək)* слово *it* олицетворяет предел силы, напряжения, связывая это напряжение с негативом. Вряд ли здесь реализуется какой-либо когнитивный признак концепта «собака» в азербайджанской языковой картине мира. Однако сама ассоциация «негативного напряжения» дает возможность всячески обыгрывать слово *it* в азербайджанском языке.

В структуре выражения *kimin iti tutub* слово *it* олицетворяет злость, агрессию. Буквально фразеологизм означает «чья собака покусала?», т.е. «с чего так взбесился?», следовательно, здесь реализуется один из основных когнитивных признаков концепта «собака».

Фразеологизм *nə itim azıb?* также отражает стандартную ситуацию. Собака иногда теряется, а хозяин ее ищет, т.е. проявляет беспокойство. Буквально фразеологизм означает «что за собаку я потерял?», т.е. «какое мне дело, мне-то что за дело».

Интересно, что в перечень устойчивых словосочетаний и фразеологизмов с компонентом *it* авторы ТСАЯ не включают широко распространенное выражение-компаратив *it kimi*. На наш взгляд, оно носит абсолютный характер в данной парадигме и предполагает прецедентность образа собаки и соответственно знакомство носителей языка с данным прецедентным феноменом. Именно это и делает возможным употребление слова *it* в абсолютной позиции. Другое дело, что, как и все фразеологические единицы, выражение *it kimi* характеризуется собственным окружением. Следовательно, в сознании современных азербайджанцев *it kimi* согласуется в единой конфигурации с названиями определенных действий. Например, весьма устойчивой являются конфигурации *it kimi danışmaq, it kimi*

adamı qarmaq, it kimi özünü aparmaq, где слово *it* ассоциируется со «злостью», «лаем/руганью», «агрессией/нападками».

Таким образом, слово *it* в азербайджанском языке обладает широким спектром переносного употребления. В основном эти переносные употребления характеризуются отрицательной коннотацией. В азербайджанском языке отсутствует ласковое отношение к собаке и соответственно на основе ассоциации к человеку. Интересно также, что в азербайджанском языке не отмечается устойчивая конфигурация *верный как собака*. Проведенный анализ позволяет выделить и систематизировать следующие когнитивные признаки, на основе которых обыгрывается слово *it*: «хищность», «неприятность», «злость», «ругатель», «драться», «держаться на цепи/веревке», «низость», «подлость», «жить тяжело, невыносимо», «побитый», «оборванный», «древность», «агрессия», «другой», «много», «неуживчивость», «бешенство», «потеряться» и т.д.

Сравнение слов *собака* и *it* показывает, что в основном мотивация обыгрывания в русском и азербайджанском языках этих слов носит идентичный характер. Как уже отмечалось, в русском языке существенен мотив ласкательности, чего нет в азербайджанском языке. Следует также отметить, что в обоих языках концепт «собака» реализует себя не только в отмеченных словах. Например, в русском языке с точки зрения коннотации очень активно слово *пес*, в азербайджанском — *köpək*. Вся парадигма не привлекается к исследованию, поскольку в наши задачи не входит обнаружение способов вербализации концепта «собака». Цель нашего исследования — выявить и сопоставить способы обыгрывания основных номинаций, в данном случае названий животных. Тем не менее интересно отметить, что русское слово *пес* отличается от слова *собака* однозначно отрицательной коннотацией. Так, МАС отмечает «о человеке, вызывающем презрение, негодование своими поступками» [5, 3. С. 113]. В азербайджанском языке слово *köpək* в основном номинативном значении полностью идентично слову *it*. Во втором значении оно употребительно только как ругательство [8, 2. С. 758]. Интересно, что составители ТСАЯ не фиксируют широко распространенного выражения *it kimi*, но в статье, посвященной слову *köpək*, приводят как устойчивое сочетание выражение *köpək kimi* [8, 2. С. 758]. Согласно авторам статьи, данное устойчивое словосочетание имеет только одно значение: «подхалим». Интересно также, почему ТСАЯ квалифицирует выражение *köpək kimi* как устойчивое сочетание, а не фразеологизм. Обычно в словарях устойчивые сравнения даются как фразеологизмы. ТСАЯ дает *köpək kimi* за знаком квадрата, что расценивается как устойчивое словосочетание. Фразеологические единицы, как правило, приводятся в конце словарных статей за знаком ромба.

Проведенный анализ позволяет установить в целом идентичность игровых стратегий слова *собака* в русском языке и *it* — в азербайджанском. Основанием для сравнения в основном является признак «злость». Не случайно незлую собаку азербайджанцы называют *yaltaq*, т.е. «подхалим», «лизоблюд» [8, 4. С. 512]. Отсюда следует, что основная ассоциация, связывающая коллективное сознание с образом собаки, составляет когнитивный признак «злость». Более того, существуют такие модули сознания на основе ассоциаций с собакой, как необходимость сделать ее достаточно злой. Например, принято обрезать уши у щенков.

Кот. Кошка. Во многих языках символ кота/кошки дает множество коннотаций, как положительных, так и отрицательных. Интересно отметить, что Джек Тресиддер в своем знаменитом Словаре символов дает только *кошку, кота* — нет [7. С. 166]. Согласно Д. Тресиддеру, кошка олицетворяет собой «хитроумие, способность перевоплощения, ясновидение, сообразительность, внимательность, чувственную красоту, женскую злость» [7. С. 166]. Отмечается, что в Египте существовал культ богини с кошачьей головой. Но существует и негативный образ кошки, когда она ассоциируется даже с дьяволом [7. С. 167]. В общем кошка воплощает в себе широчайший диапазон коннотаций. Ясно, что сегодня в языках мира могут сохраняться только отголоски древних представлений, однако соответствующие номинации поддаются обыгрыванию на их основе. Если так, то они несут вполне реальный характер.

В МАС слово *кот* приводится только в основном номинативном значении: «самец кошки» [5, 2. С. 115]. В конце статьи приводится три фразеологизма: *кот наплакал, кот в мешке, кота в мешке купить*. Нельзя полностью отрицать мотивацию этих фразеологизмов номинативным значением слова *кот*, точнее, определенными семантическими множителями, структурирующими его семантическую структуру, например, коты не плачут, отсюда гипербола *кот наплакал*, т.е. «совсем ничего». Поскольку кот является загадочным животным, исходя из этого, можно объяснить роль этого знака в следующих двух ФЕ, т.е. кот как компонент ФЕ выступает символом загадочности, таинственности, непонятности.

МАС не отмечает широко распространенного в русской речи значения этого слова, ассоциируемого с нравственностью. В Словаре С. И. Ожегова оно фиксируется как второе и переносное: «о похотливом, сластолюбивом мужчине» [4. С. 301]. Значение снабжается пометами: «просторечное и пренебрежительное». Мотивация знака очевидна и не предполагает каких-то особых комментариев. Известно также выражение *майские коты*.

Несколько неожиданное с точки зрения современного состояния языка объяснение этого второго значения обнаруживается в БАС: «То же, что сутенер (в воровском жаргоне)» [6, 5. С. 1533]. Связь с переносным значением из МАС, конечно, прослеживается, но и самостоятельность семемы также очевидна. Не всякий сластолюбивый мужчина является сутенером. Точнее, между актуальными значениями этих двух слов-семем нет связи. Если же пытаться установить мотивационную связь, то можно предположить, что сутенеры, видимо, являются сластолюбивыми мужчинами. Интересно также указание на воровской жаргон, т.е. здесь это значение специализируется.

Некоторое объяснение данной мотивации находим в Словаре В.И. Даля: «коты — альфонсы, сожителю и эксплуататоры проституток» [1, 2. С. 459]. Следовательно, не просто сутенеры (эксплуататоры), но и сожителю.

В Словаре молодежного сленга также отражено значение «сутенер». Однако оно дается как второе. Первым же является следующее: «юноша, мужчина, пользующийся успехом у женщин» [3. С. 314]. Неожиданность этого значения состоит в том, что меняется характер отношений. Речь уже идет не о сластолюбивом мужчине, а наоборот, о том, кто сам становится объектом вождления.

В Словаре русской брани у слова *кот* отмечается четыре значения. Пометы *просторечное*, *жаргонное* и *презрительное* распространяются на все четыре значения: «1. Сутенер; мужчина, живущий на содержании проститутки. 2. Мужчина, живущий на иждивении любовницы. 3. Сообщник проститутки, обворовывающий ее клиентов. 4. Сожитель; любовник» [2. С. 176—177]. Здесь выделяются новые по отношению к известным нам значения данного слова. Это такие признаки, как «на иждивении любовницы (не проститутки)», «обворовывать клиентов (вообще воровать)», «любовник (не сутенер, просто любовник)». Интересно, что при сохранении неизменной мотивации, ее стратегической линии, значение все же эволюционирует, разветвляется.

В русском языке слова *кот* и *кошка* различаются не только формально-грамматически, то и по системе смыслового обыгрывания. Характерно, что *кошка* становится объектом переосмысления, но только в специальных значениях. Так, в МАС у этого слова выделяется пять значений, одно основное номинативное, второе также номинативное, но гипероним по отношению к основному, и три производных, но также номинативных, поскольку они носят специальный характер: «приспособления для подъема затонувших предметов», «приспособление для лазанья на столбы», «приспособление для телесных наказаний» [5, 2. С. 118].

В статье приводятся фразеологизмы *драная кошка*, *знает кошка*, *чье мясо съела*, *как кошка с собакой*, *как угорелая кошка*, *кошки скребут на душе*, *(черная) кошка пробежала между кем*, *кошки-мышки* [5, 2. С. 118]. Интересно отметить одно обстоятельство. ФЕ на основе слова *кошка* носят более конкретный характер по сравнению с основанными на *коте*. Исключение составляет выражение *кошка пробежала* или *черная кошка пробежала между кем и кем*, которое не мотивировано с точки зрения когнитивных признаков концепта «кошка». Возможно, однако, что здесь существует какое-то древнее поверье, связанное с кошкой. Возможно также, что это единственный случай актуализации тех древних значений, о которых говорит Дж. Тресиддер, и здесь *кошка пробежала* означает «козни дьявола».

В Словаре молодежного сленга *кошка* дается в значении «1. Любовница и 2. наркотик» [3. С. 316]. Скорее всего, второе значение строится на игре морфем *нар+котик*, где *котик* имеет ласкательное осмысление, отсюда и *кошка*. В Словаре русской брани: «КОШКА Жарг. 1. Женщина легкого поведения. 2. Проститутка, покинутая любовником». 3. Женщина как объект манипуляций проститутки-лесбиянки. 4. Девушка. Фразеологизм *драная кошка* приводится по второму значению. ФЕ снабжается такими стилистическими пометами, как *просторечное* и *презрительное*. Значение определяется как «худая, изнуренная проститутка». К четвертому значению приводится фразеологизм *кошка-милашка*, который снабжается пометами *ласкательное* и *шутливое*. Объясняется как обращение к миловидной девушке [2. С. 177]. Жаргон, как видим, вносит новое осмысление. Новыми являются семы «покинутость», «помыкание», «лесбиянка», и неожиданно совершенно нейтральное значение «девушка».

В целом, проведенный анализ показывает, что слова *кот* и *кошка* в русском языке обнаруживают богатейший диапазон значений и оттенков. Но при этом

стратегическая мотивация игры с этими знаками одна и та же. Важнейшим мотивом является «взаимоотношение полов». Видимо, в русском сознании это животное ассоциируется в основном с соответствующим основным для него инстинктом.

В азербайджанском языке существует в интересующем нас аспекте совершенно иная ситуация прежде всего в силу грамматического несоответствия русскому языку. Иными словами, здесь нет корреляции по половым признакам, выраженным в грамматических формах, тем более нет переосмысления по половым признакам и игры с этими отличиями. Существует одно слово — *pişik*. В Толковом словаре азербайджанского языка слово *pişik* зафиксировано только в одном номинативном значении. Если перевести представленную дефиницию на русский язык, то получится следующее определение: «Домашнее животное млекопитающее, входящее в единое семейство с тиграми, львами и др.» [8, 3. С. 606]. Никаких нюансов, никаких употреблений. Нет даже разграничения между домашним животным и семейством кошек. Более того, в словарях русского языка при определении основного номинативного значения всегда указывается, что это животное ловит мышей и крыс. Например, в МАС: «Домашнее животное с повадками хищника, истребляющее мышей и крыс» [5, 2. С. 118]. На самом деле, конечно, основное номинативное значение слова *кошка* могло и не включать упоминания о мышах и крысах, поскольку эта функциональная характеристика не входит в содержание понятия «кошка». С таким же успехом кошка набрасывается и на змей, и на птиц и даже на домашних. Необходимо было просто отметить, что это домашнее животное из семейства кошачьих.

В ТСАЯ приводится два фразеологизма с компонентом *pişik*: *pişiyə rast gələn (pişik görmüş) siçan kimi* и *pişiyimiz oğlan doğub* [8, 3. С. 606]. Первое употребляется в значении «испытать сильный страх, ужас». Буквально ФЕ означает «как мышь, наткнувшаяся на кошку». Второе выражение носит иронический, даже издевательский характер, это ироническая оценка какого-то действия, поступка, буквально «наша кошка родила мальчика».

Сравнение стратегий переосмысления слов *кот/кошка* в русском языке и *pişik* в азербайджанском показывает не просто преобладание значений в русском языке, а тот факт, что они не находят никакого соответствия в азербайджанском языке. Как показал проведенный анализ, в русском языке все варианты обыгрывания этих знаков имеют под собой одну мотивационную стратегию. Вместе с тем существенно разнообразие смысловых нюансов при почти неизменном сохранении коннотации, которая всегда носит сниженный характер.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Том 1. Издание т-ва М.О. Вольф, СПб., 1912. 1744 стл.; Том 4. Издание т-ва М.О. Вольф, СПб.—М., 1912. 1619 стл.
- [2] *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.* Словарь русской брани. СПб.: «Норинт», 2003. 448 с.
- [3] *Никитина Т.Г.* Молодежный сленг: Толковый словарь. М.: Астрель: АСТ, 2003. 912 с.
- [4] *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1990. 917 с.
- [5] Словарь русского языка в 4 томах. Т. 1. Т. 4. М.: Русский язык, 1981, 698 с. Том 4. М.: Русский язык, 1984. 794 с.

- [6] Словарь современного русского литературного языка в 17 томах. Т. 1. М.–Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1948. 736 с. Том 17. М.–Л.: Наука, 1965. 2126 с.
- [7] *Тресиддер Дж.* Словарь символов. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2001. 448 с.
- [8] *Azərbaycan dilinin izahlı lüğəti.* 1 cild. Bakı: Şərq-Qərb, 2006. 744 s. 4 cild. Bakı: Şərq-Qərb, 2006. 712 s.

Для цитирования: Бахшиева Ф.С. Асимметрия языкового кода и мотивы игры с зоонимами в русском и азербайджанском языках // Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2016. № 3. С. 28–39.

THE ASYMMETRY OF THE LANGUAGE CODE AND MOTIVES FOR PLAYING GAMES WITH ZOONYMS IN RUSSIAN AND AZERBAIJANI

F.S. Bakhshiyeva

Baku Slavic University
Suleyman Rustam str., 25, Baku, Azerbaijan, AZ1014

The article deals with the use of zoonyms in Russian and Azerbaijani languages. It is noted that the asymmetry of sign is vividly presented in sphere of zoonyms that is logical in terms of man's learning a surrounding world. Representations of animals form stable cognitive models, one way or another characterizing the mentality of various nations. One animal can provide different and even contradictory connotations of thinking and psychology of various nations. Comparison of the Russian and Azerbaijani languages in this aspect has never been conducted. Meanwhile, the importance of such a study does not give rise to doubt, especially in terms of modern cognitive linguistics. Research shows that the Azerbaijani language has experienced and continues to experience a strong influence of the Russian language in the comprehension of animal images. If the Azerbaijani language does not create parallels, then it borrows Russisms. Especially this phenomenon is characteristic of conversational speech.

Key words: Russian language, Azerbaijani language, zoonim, rethinking, asymmetry of linguistic sign, associative model

REFERENCES

- [1] Dal' V.I. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo jazyka.* Tom 1. Izdanie t-va M.O.Vol'f, SPb., 1912. 1744 stl.; Tom 4. Izdanie t-va M.O.Vol'f, SPb.–M., 1912. 1619 stl. [Dahl V. The Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. Vol. 1. Saint Petersburg. Moscow: The M.O. Wolf Society Press, 1912, 1744 p.; Vol. 4. Saint Petersburg. Moscow: The M.O. Wolf Society Press, 1912. 1619 p.]
- [2] Mokienko V.M., Nikitina T.G. *Slovar' russkoj brani.* SPb. «Norint», 2003. 448 s. [Mokienko V.M., Nikitina T.G. Dictionary of Russian Foul Language. Saint Petersburg: Norint, 2003. 448 p.]
- [3] Nikitina T.G. *Molodezhnyj sleng: Tolkovyj slovar'.* M.: ООО «Izdatel'stvo Astrel'»: ООО «Izdate'l'stvo AST», 2003. 912 s. [Nikitina T.G. Youth slang: Explanatory dictionary. Moscow, Publishing house "Astrel"; Publishing house AST, 2003. 912 p.]
- [4] Ozhegov S.I. *Slovar' russkogo jazyka.* M.: Russkij jazyk, 1990. 917 s. [Ozhegov S.I. Dictionary of the Russian Language. Moscow: Russian Language, 1990. 917 p.]

- [5] *Slovar' russkogo jazyka v 4-h tomah. AN SSSR. Institut russkogo jazyka*. Tom 1. Moscow, Russkij jazyk, 1981, 698 s. Tom 4. M.: Russkij jazyk, 1984. 794 s. [Dictionary of the Russian Language in 4 volumes. Vol. 1. Moscow: Russian Language, 1981, 698 p. Vol. 4. Moscow: Russian Language, 1984. 794 p.]
- [6] *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka v 17 tomah*. Tom 1. M.–L.: Izd-vo Akademii Nauk SSSR, 1948. 736 s. Tom 17. M.-L.: Nauka, 1965. 2126 s. [The Dictionary of the Modern Russian Literary Language in 17 volumes. Vol. 1. Moscow-Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1948, 736 p.; Vol. 17. Moscow-Leningrad: Nauka Publ., 1965. 2126 p.]
- [7] Tresidder Dzh. *Slovar' simvolov*. M.: FAIR-PRESS, 2001. 448 s. [Tresidder, J. Dictionary of symbols. Moscow: FAIR-Pewss Publ., 2001. 448 p.]
- [8] Azərbaycan dilinin izahlı lüğəti. 1 cild. Bakı: Şərq-Qərb, 2006. 744 s. 4 cild. Bakı: Şərq-Qərb, 2006. 712 s. [The Explanatory Dictionary of the Azerbaijani Language in 4 volumes. Vol. 1]. Bakı: East-West Publ., 2006, 744 p. Vol. 4. Bakı: East-West, 2006. 712 p.]

For citation: Bakhshiyeva F.S. The asymmetry of the language code and motives for playing games with zoonyms in Russian and Azerbaijani [Asimmetrija jazykovogo koda i motivy igry s zoonimami v russskom i azerbajdzhanskom jazykah]. Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Education Issues Series: Languages and Specialty. 2016, no. 3, pp. 28–39. (In Russian)

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНО-МОТИВАЦИОННЫЙ АНАЛИЗ НАЗВАНИЙ ЛЕКАРСТВЕННЫХ ТРАВЯНИСТЫХ РАСТЕНИЙ В КАЗАХСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Ж.М. Омашева

Карагандинский государственный медицинский университет
ул. Гоголя, 40, Караганда, Казахстан, 100008

В статье исследуется группа названий лекарственных травянистых растений с точки зрения словообразовательной производности, позволяющей учитывать общность лексемы и общность форманта; анализируются различные взгляды ученых относительно понятия «словообразовательная мотивация», «словообразовательная производность». Путем сопоставительно-мотивационного анализа выявляются и моделируются формантное мотивационное поле и лексемное мотивационное поле, свидетельствующие о непрерывности структурного и семантического пространства языков. Анализ по формантным мотивационным полям позволил выявить количество наименований лекарственных трав, относящихся к морфологическому виду мотивированности, синтаксическому виду и семантическому видам мотивированности в казахском и русском языках. С точки зрения продуктивности определены формантные части в казахском и русском языках. Структура формантного мотивационного поля и лексемного мотивационного поля одинакова, однако количество мотиваторов в каждом из представленных лексемных полей не совпадает. В казахском языке количество мотиваторов составило 8 единиц, а в русском — 4. Количество мотивировочных признаков в обоих языках составило 18. В сложных наименованиях обоих языков отмечены коннотации.

Ключевые слова: названия лекарственных травянистых растений, словообразовательная производность, мотивационный анализ, мотивационное значение, формантное мотивационное поле, лексемное мотивационное поле

Введение

Исследование специфики мотивации названий лекарственных травянистых растений (НЛТР) связаны с принципом номинации, способом номинации и средствами номинации. Д. Сетаров считает, что «наименование чаще всего происходит путем абстрагирования наиболее характерных отличительных признаков и свойств объекта. Признак, по которому назван предмет, является мотивирующим, и он выполняет гносеологическую функцию, так как в мотивирующих признаках закреплены результаты познавательной деятельности человека» [5. С. 4].

Понятие мотивации тесным образом связано со словообразованием, а точнее, с существующими в языке двумя уровнями членения слов — структурно-семантическим и структурно-функциональным. Ж.С. Бейсенова относит единицы мотивации к структурно-функциональному уровню, а морфемы выступают по отношению к ним как единицы структурно-семантического плана. В словообразовании исследователь рассматривает мотиват «справа — налево», исходя из форманта, а мотивация — это компонент словообразовательного процесса (динамическое словообразование) или переменный компонент статистической модели» [1. С. 24]. Анализируя модель производства новых слов, она показывает, что необходимым звеном доязыкового этапа признается выбор мотивационного признака, а затем подбор мотивировочного признака.

Специфическим понятием словообразовательной системы является понятие словообразовательной мотивации (СМ), т.е. семантической обусловленности значения деривата значением мотивирующего слова. Надо заметить, что понятия «мотивированность» и «производность» рассматриваются в науке неоднозначно. К примеру, И.А. Ширшов в работе «Множественность словообразовательной мотивации в современном русском языке» (1981) предлагает закрепить за термином «мотивированность» значение «семантическая выводимость», считая, что понятие «семантическая выводимость» шире понятия производности, семантика слова обладает способностью к изменениям, мотивированность обладает своей системой измерения и своей типологией. Е.А. Земская термины «мотивированность» и «производность» использует в качестве синонимов [3. С. 136—137]. По Л.К. Жанаалиной, разграничение понятий СМ и производности связано с противопоставлением диахронии и синхронии: «В синхронном словообразовании диахронически производное слово включается в систему, приобретая признак статичности. Оно уже не производится, а только мотивируется другим словом. На смену динамическим отношениям производности приходят отношения словообразовательной мотивированности. Она связывает слова, одно из которых мотивирует, т.е. является мотивирующим, а другое мотивируется, т.е. является мотивированным» [2. С. 93]. Тем не менее следует отметить, что СМ и производность обнаруживают универсальность отношений. Когда СМ совпадает с производностью и полностью определяется последней, то речь идет об онтологической СМ, в случае «несовпадения СМ и производности по направлению или по участникам — антропометрическая СМ» [2. С. 94].

Производное слово носит двусторонний, формально-семантический характер. Для указания на обусловленность структуры и семантики деривата производящей базой в современной дериватологии используются соотносительные понятия: словообразовательная мотивированность (мотивация) и словообразовательная производность. Словообразовательная производность (СП) — синхроническая структурная и семантическая выводимость деривата из отсылочной части (производящей базы) и формантной части (словообразовательных средств).

Производящая база (отсылочная часть деривата) представляет собой основу слова, слово, сочетание основ или слов, используемых для образования деривата, отсылающих способом сохранения содержащихся в них полнозначных единиц в структуре производного слова. Формантная часть деривата состоит из словообразовательных средств, которые служат для выражения нового значения у деривата по сравнению с мотивирующим словом или словами.

В исследовании комплекса НЛТР мы придерживаемся термина «словообразовательная производность», позволяющего учитывать общность лексемы и общность форманта. Описание словообразовательной производности НЛТР обоих языков основывается на их типологических характеристиках, проявляющихся в морфемном устройстве словесного знака.

Целью нашей работы является исследование НЛТР в аспекте словообразовательной мотивации, для описания которой нами выбрана классификационная единица — мотивационное поле. «Мотивационное поле — это двусторонняя единица, одна сторона поля обращена к форме языкового знака (форманты, сложное слово или словосочетание), а вторая связана со значением (мотивационное зна-

чение) как особым способом концептуализации знаний об окружающем мире, способе отражения национальной (языковой) картины мира, воплощенной в его мотивации» [4. С. 62]. Поле выступает не только единицей структурирования, но и удобной формой исследования словарного состава и структурно-семантических отношений языковых единиц — НЛТР. Мотивационное поле становится основой сопоставительного исследования НЛТР, поэтому в аспекте СП актуальными являются следующие этапы: 1) выделение формантного мотивационного поля (ФМП) и лексемного мотивационного поля (ЛМП) в казахском и русском языках; 2) контрастивный анализ по ФМП и ЛМП.

Изучение специфики НЛТР двух разносистемных языков путем мотивационного анализа предполагает уточнение содержания терминов, необходимых в исследовании: мотивационный анализ и мотивологический анализ. И.Ф. Исенова считает, что «мотивационный анализ» несколько уже понятия «мотивологический анализ», так как «его целью является изучение типов мотивации, деривационных отношений в функциональном аспекте. Мотивологический анализ направлен на выявление внутренней формы слова, его мотивационного значения, мотивировочных признаков и др.» [4. С. 60].

В рамках мотивационного анализа актуальными становятся понятия «мотивированное слово» (мотиват), «мотивирующие слово» (мотиватор), «мотивирующий формант». Мотивированное слово (мотиват) — слово, содержащее корневую морфему мотивирующего слова и мотивировочный формант. Мотивирующее слово (мотиватор) выступает мотивирующей базой по отношению к мотивированному слову. Например, с помощью мотивирующего слова *бидай* (пшеница) образовалось мотивированное слово *бидайық* — трава, похожая на пшеницу (пырей). Мотивировочный формант — часть мотивированного слова, относящееся к определенному словообразовательному типу со своим словообразовательным значением. Мотивирующая база (МБ) — часть мотивированного слова, совпадающая с мотивированным словом. Мотивирующая синтагма — «единица более высокого порядка (словосочетание или предложение), являющаяся носителем мотивирующей единицы» [4. С. 61]. Например, *жұпаргүл* — мотиваторы «жұпар», «гүл», репрезентирующие значение «цветок с душистым запахом»; *зимолубка* — мотиваторы «зима», «любить» — «трава, которая сохраняет свои свойства зимой».

Исследование указанной группы фитонимов в казахском и русском языках с позиции словообразовательной производности предполагает учет как формальной (формант, способ образования), так и содержательной стороны (мотивационное значение, мотивационный признак). Мотивированность слов основывается на мотивационных отношениях лексических единиц. Мотивационные отношения в НЛТР выявляются на уровне определения характера взаимоотношений между мотиватором и мотиватом, а также в определении мотивированного форманта как словообразовательного средства. Мотиват является показателем мотивационного значения, представленного в виде суждения о свойствах, признаках растений, актуализируемых в процессе номинации. Например, *қымыздық* (трава со вкусом кумыса), *очанка* (трава, применяемая для лечения глаз). Мотивационное значение в отличие от лексического отличается большей степенью обобщенности: (ср. *дурман* — «ядовитое растение, оказывающее одуряющее действие» и «однолетнее травянистое растение высотой до 1 метра»). Указанные компоненты об-

разуют структуру мотивированного слова, представленную в виде мотивационной формы и мотивационного значения. Мотивационная форма — «значимые сегменты звуковой оболочки слова, обусловленные его мотивированностью» [2. С. 19]. Таким образом, мотивационное значение выявляется на основе отношений семантической и структурной мотиваций: значение корневой морфемы определяется на базе отношений семантической мотивации, значение формата — на базе отношения структурной мотивации. Например, в казахском языке в слове *жатыр/шөп* формантной части «-шөп» (трава) соответствует словообразовательное значение «та, которая»; мотивационное значение — «та, которая лечит матку». В русском языке формант «-уш-ник» в термине *желт/уш-ник* имеет словообразовательное значение «тот, у которого», мотивационное значение — «тот, у которого цветки желтого цвета».

Носителем мотивационного значения в мотивационной структуре НЛТР выступает мотиватор. Выбор мотиватора в номинации определяется признаком самой реалии, предмета. Надо заметить, что выбор признака достаточно произволен и в целом субъективен.

Анализ мотивационных отношений в НЛТР позволил выделить мотивированный формант, равный по форме аффиксу, суффиксу, слову.

Распределение мотивированных НЛТР в формантное или лексемное поля осуществляется путем введения понятия лексемного мотивационного поля и формантного мотивационного поля. Под лексемным мотивационным полем вслед за Ф.К. Исеновой мы понимаем совокупность НЛТР, имеющих одну лексему-мотиватор. Так, ЛМП «цвет», «место произрастания», «лечебное воздействие» в казахском языке представлены сложными НЛТР: *алатікен* (расторопша), *қырмызыгүл* (ноготки), *сиякөк* (льнянка), *қаратамыр* (чернокорень), *тасшүйгін* (патриния средняя), *субеде* (вахта), *сүйелшөп* (чистотел), *қайыззақшөп* (чистец) и др.

Под формантным мотивационным полем понимается совокупность НЛТР с одинаковой формантной частью и их соответствий в русском языке, в аспекте мотивированности — структурно-мотивированные НЛТР. Например, ФМП — шөп: *қандалашөп* (клоповник), *құртшөп* (азинеума), *алмұртшөп* (грушанка) и др. В состав мотивационного поля входит несколько микрополей, в которых ФМП характеризуется разными мотивировочными признаками, а ЛМП — наличием мотиваторов. Для ФМП каждого из языков характерна определенная закономерность, т.е. каждый мотивировочный признак закреплен за определенной лексемой — мотиватором.

Например, в казахском языке формант «-шөп», организующий ФМП «-шөп», включает разные ЛМП:

— «лечебное воздействие» (мотиваторы «жарык», «жетел», «қайызгак», «сүйел», «толгак», «құсык», «үйқы»);

— «сходство с частями тела животных, птиц, насекомоядных и рыб, растениями, различными предметами» (мотиваторы «құрт», «құндыз», «алмұрт», «қияр», «балдыр», «таспа», «тұмар», «баркыт»);

— «в качестве фуража животных» (мотиваторы «киік», «құтан», «көкек», «бедене»);

- «использование в быту, хозяйстве» (мотиваторы «сабын», «қандала», «баяу», «кенеп»);
- «вкус, запах» (мотиваторы «жұпар», «кермек», «сасыр», «әтір», «сасық»);
- «качественные признаки растения» (мотиваторы «қыр», «шүйгін», «құрғақ»);
- «место произрастания» (мотиватор «індет»);
- «время цветения» (мотиватор «қыс»).

В ЛМП с указанными мотивировочными признаками входят сложные наименования.

В русском языке наиболее продуктивный формант «-ник» реализуется в ЛМП:

- «качественные признаки растения» (мотиваторы «красивый», «лапчатый», «жгучий», «колючий лист», «парный лист», «синяя голова»);
- «сходство растений или его частей с различными предметами, животными, птицами и др. растениями» (мотиваторы «шлем», «аист», «канат», «сталь»);
- «место произрастания» (мотиваторы «дорога», «пустырь», «могила»);
- «связь с лечебным воздействием» (мотиваторы «грыжа», «икота», «сердце», «селезенка», «язва»).

Итак, структура ФМП и ЛМП одинакова, однако количество мотиваторов в каждом из представленных ЛМП не совпадает. В казахском языке количество мотиваторов составило 8 единиц, а в русском языке — 4. Структура ФМП и ЛМП в казахском и русском языках показана на рис. 1, 2.

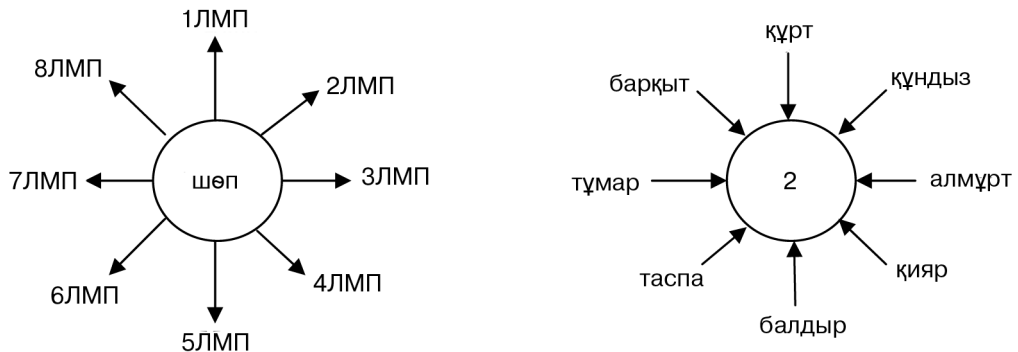

Рис. 1. Структура ФМП и ЛМП в казахском языке

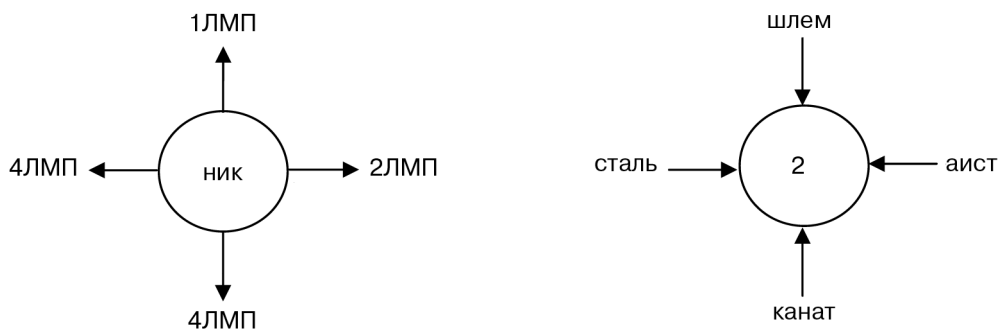

Рис. 2. Структура ФМП и ЛМП в русском языке

Отношения между ФМП и ЛМП представлены семантически, формально и продиктованы особенностями фитонимической лексики двух языков. Семантическое пересечение возникает в результате использования одних и тех же мотиваторов: «көк-» (*көкшешек, көкбас*) в ЛМП «цвет» и в ФМП «-шешек, -бас»; «чистый» (*чистяк, чистец*) в ЛМП «лечебное воздействие» и в ФМП «-як», «-ец». Структурное пересечение наблюдается в случаях использования одинаковых формантных частей: *самал-дық, таушымыл-дық, красав-к-а, кровохлеб-к-а*.

Таким образом, формальное единство поля не всегда означает его семантическое единство, поэтому НЛТР рассматриваются в рамках микрополя, реализующего один и тот же мотивационный признак, определяемый наличием общей семы в словах-носителях мотивировочных признаков. Например, номинации *толғақшөп* (золототысячник), *қайызғақшөп* (чистец), *сүйелшөп* (чистотел), *жатыршөп* (ромашка), включенные в ФМП «-шөп», реализуют в своем мотивационном значении «трава, помогающая при родовых схватках»; «трава от перхоти»; «трава от бородавок»; «трава, лечащая матку» мотивационный признак — «целебные свойства», так как в мотиваторах «толғақ» (родовые схватки), «қайызғақ» (перхоть), «сүйел» (бородавка), «жатыр» (матка), выступающих в качестве мотивировочных признаков, выделяется общая сема «названия болезней и недугов».

В ходе мотивационного анализа нами было выявлено 18 мотивировочных признаков (МП) в казахском языке и 18 мотивировочных признаков в русском языке.

1. МП **«цветовой признак, образованный от прямого значения слова»**: кырмызыгүл («ярко-красный цветок» — ноготки), көкшешек (көк «синий» + шешек «бутон» — синяк), каратамыр (чернокорень), күренот («күрең» темно-рыжий + от «трава» — кипрей); аққурай (ақ «белый» + қурай «бурьян» — псоралея), сарғалдақ (сар/сары «желтый» + ғалдақ «цветок» — лютик), көгілдір «синеватый» — дымянка), қызылбояу (қызыл «красный» + бояу «краска» — подмаренник, бозтікен (боз «беловато-серый» + тікен «колючка» — колючелистник), (ала «пестрый» + тікен «колючка» — расторопша), шегіргүл (шегір «серый» + гүл «цветок» — фиалка), кержусан (кер «мухортый» + жусан «полынь» — лебеда татарская) и др.;

МП **«цветовой признак, образованный от переносного значения слова»**: алтынтамыр (букв. золотой корень — в значении «желтый корень» — родиола), сияккө (букв. сия «чернила» + көк «синий» в значении синяя, как «чернила» — льнянка) и т.д.

2. МП **«сходство с частями тела животных, птиц, насекомых и рыб, растениями, различными предметами»**: (наименования, образованные от переносного значения слова): атқұлақ («ухо лошади» — щавель конский), арыстанқұйрық («хвост льва» — пустырник), қасқыртабан («волчья лапа» — герань лесная), қоянерін («заячья губа» — зайцегуб), есекқұлақ («ослиный хвост» — окопник), түйетабан («лапа верблюда» — парнолистник), қазтабан («гусиная лапка» — лапчатка), шаянмойын («раковая шейка» — горец змейный), құртшөп («червоточная трава» — азинеума), жыланбас (змееголовник), алмұртшөп («алмұрт» + шөп — грушанка), әріпдәрі («әріп» — буква + дәрі «лекарство» — буквица), қалтагүл (қалта «карман» + гүл «цветок» — калужница); тырнақгүл (тырнақ «ноготь» + гүл «цветок» — ноготки); шықшөп (шық «роса» + шөп «трава» — росянка), қоңыраубас (колокольчик) и т.д.

3. МП **«место произрастания»**: таушымылдык (тау «гора» + шымылдык «занавес» — пион уклоняющийся), тасшүйгін (тас «каменистая местность» + шүйгін «обильная растительность» — патриния средняя), сүбеде (су «вода» + беде «клевер» — вахта), сайсағыз (сай «высохшее русло реки» + сағыз «каучуконос» — иссоп), сораң (сор «солончак» + аңаф. прич. — солянка жолжелкен (жол «дорога» + желкен «парус» — подорожник) и т.д.

4. МП **«особенности произрастания»**: иіртамыр («извилистый корень» — айр), шырмауық (вьюнок) и т.д.

5. МП **«качественные признаки растения»**: әйбәтмия («красивая солодка» — сферофиза), қырлышөп («граненая трава» — купена), семізот (семіз «тучный» + от «трава» — родиола розовая), шүйгіншөп (шүйгін «сочный» + шөп «трава» — валериана), қотырот (қотыр «корявый» + от «трава» — скабиоза) и т.д.

6. МП **«размер, величина»**: түйежапырақ (түйе «верблюд» + жапырақ «лист» — лопух большой), түйебұршақ («верблюжий горох» — фасоль), тайтұяқ (тай «годовалый жеребенок» + тұяқ «копыто» — копытень), сиырқұйрық (сиыр «корова» + құйрық «хвост» — коровяк джунгарский) и т.д.

7. МП **«количественные признаки»**: кырықбуын («сорок узлов» — хвош), мыңжапырақ (тысячелистник), кырықаяқ (многоножка) и т.д.

8. МП **«вкус, запах»**, образованный от прямого значения слова: тәттітамыр (тәтті «сладкий» + тамыр «корень» — солодка голая), сасыршөп (горичник), сасыр (ферула); жұпаргүл (душистый цветок — душица), әтіршөп (душистая трава — любка) и т.д.;

МП **«вкус, запах»**, образованный от переносного значения слова: саумалдық (саумал «молодой кумыс» + дық, «аф. суш.» — кислица), қымыздық (қымыз «кумыс» + дық «аф.суш. — шавель»), балшытыр (бал «мед» + шытыр «лепталеум» — медуница) и т.д.

9. МП **«сфера применения»**: употребление в пище — арпа (ячмень), ақжелкен (петрушка обыкновенная), асқабақ (тыква), қияр (огурец) и т.д.;

в качестве фуража для животных: маралтамыр («маралий корень» — левзея сафлоровидная), ешкімия («козлияная солодка» — смолевка), киікшөп («сайгачья трава» — душица), түйежоңышқа (түйе «верблюд» + жоңышқа «люцерна»-донник), сиыржоңышқа (сиыр «корова» + жоңышқа «люцерна» — горошек мышиный) и т.д.;

в качестве корма для птиц: қазтабан («гусинная лапка» — лапчатка), бөденешөп («перепелиная трава» — вероника), құсқұмық (птичья гречиха) — горец птичий, қазжуа (гусиный лук) и т.д.

10. МП **«названия растений, связанные с лечебным воздействием»**: жарықдәрі («лекарство от грыжи» — грыжник), сүйелшөп («трава от бородавок» — чистотел), жарашөп («трава от раны» — язвенник), жөтелшөп («трава от кашля» — буквица), толғақшөп («трава, рекомендуемая при родовых схватках» — золототысячник), құсықшөп («рвотная трава» — «копытень»), қайызғақшөп («трава от перхоти» — чистец), жатыршөп («маточная трава» — ромашка), талақшөп («селезеночная трава» — селезеночник), сүйелшөп («трава от бородавок» — чистотел т.д.

11. МП **«названия растений, связанные с использованием в быту, хозяйстве»**: қандалашөп («трава против клопов» — клопогон), сабыншөп («мыльная трава» — мыльнянка), бояу риян (марена красильная), бояушөп (бояу «краска» + шөп «трава» — ясменник), қызылбояушөп (қызыл «красный» + бояу «краска» + шөп «трава»

ва» — подмаренник), томарбояу (томар «толстое полено» + бояу «краска» — кермек Гмелина) и т.д.

12. МП **«свойства растений»**: сүттіген (молочай), желімсабақ (желім «клей» + сабақ «стебель» — дрема), майтамыр («масляный корень» — окопник), сүттіген (букв. сүт «молоко» + афф.прилаг. в значении «имеющий» + «афф.прич.» — молочай), утамыр (у «яд» + тамыр — «корень» — вех ядовитый), уқалақай (у «яд» + қалақай «крапива» — яснотка белая), қасқыртамыр («волчий корень» — борец), усарғалдақ (у «ядовитый» + сар/сары «желтый» + ғалдақ «цветок» — чистотел большой) и т.д.

13. МП **«характерное действие»**: күнбағыс (букв.«пасущий, ожидающий» солнце — подсолнечник), сиырбүлдірген («испорченный бараном» — земляника), шашыратқы (шашырату «разбрызгивать» + қы. «афф.» отгл. Основы — цикорий), сүйелжазар («вылечивающий бородавку» — гелиотроп) и т.д.

14. МП **«время цветения растения»**: қысшылшөп (қысшыл «любящий зиму» + шөп «трава» — зимолоубка), қысшөп (қыс «зима» + шөп «трава — морозник»), наурызгүл (наурыз «март» + гүл «цветок» — первоцвет и т.д.

15. МП **«этонимы»**: моңғол шайы.

16. МП **«фитоантропонимы»**: иваншәй (Иван-чай), жұпаргүл (душистый цветок — душица), меруертгүл (меруерт «жемчуг» + гүл «цветок» — ландыш), мәриягүл (марьянник) и т.д.

17. МП **«народные поверья, верования»**: шайтанкелмес (шайтан «черт» + келмес «не придет» — синеголовник), тәуіпдәрі (тәуіп «знахарь» + дәрі «лекарство» — подорожник большой), құсқонбас (құс «птица» + қонбас «не сядет» — колючелистник) и т.д.

18. МП **«половые и другие характеристики человека, связь с человеческими отношениями»**: өгейшөп (мать и мачеха), еркек усасыр (щитовник мужской), адамтамыр (адам «человек» + тамыр «корень» — жень-шень), еркек (пырей) и т.д.

1. МП **«цветовой признак, образованный от прямого значения слова»**: синяк, синюха, белоцвет, белокопытник, чернокорень, синеголовник и т.д.;

МП **«цветовой признак, образованный от переносного значения слова»**: золото-тысячник, золотарник, золотой корень и т.д.

2. МП **«сходство растения или его частей с различными предметами, животными, птицами и другие растениями»**: грушанка, льянка, шлемник, якорцы, змееголовник, ноготки, крестовник, ключики.

3. МП **«место произрастания»**: подорожник, пустырник, лядвенец, могильник, солянка и т.д.

4. МП **«особенности произрастания»**: вьюнок, ползучка, перекасти-поле и т.д.

5. МП **«качественные признаки растения»**: бессмертник, колючелистник, красавка, дурнишник, сушеница, вздутоплодниги т.д.

6. МП **«размер, величина»**: коровяк, горошек и т.д.

7. МП **«количественные признаки, образованные от прямого значения слова»**: первоцвет, трилистник, парнолистник и т.д.;

МП **«количественные признаки, образованные от переносного значения слова»**: тысячелистник, девясил и т.д.

8. МП **«вкус, запах, образованный от прямого значения слова»**: кислица, щавель, горчица, душица и т.д.

9. МП **«сфера применения»**: употребление в пище — гречиха, подсолнечник и т.д.; в качестве фуража для животных — маралья трава (леuzeя), гусиная трава (горец птичий), оленья трава (пастернак посевной), бычачья трава (стальник), гусиный лук и т.д.; в качестве корма для птиц — пчелиная трава (мелисса), ласточкина трава (чистотел), софья трава (кровохлебка) и т.д.

10. МП **«название растений, связанные с лечебным воздействием»**: грыжник, язвенник, икотник, маточная трава (ромашка), селезеночник, чистяк, чистотел и т.д.

11. МП **«использование в быту, хозяйстве»**: лен, мыльнянка, клопогон, крысого (чернокорень), мышатник и т.д.

12. МП **«свойства растений»**: молочай, смолевка, медуница, росянка, волчья ягода и т.д.

13. МП **«характерное действие»**: жгучка (крапива), зверобой, волкобой (борец), заразиха, сон-трава (прострел) и т.д.

14. МП **«время цветения, появления растения»**: морозник, зимолоубка, безвременник и т.д.

15. МП **«этнонимы»**: татарник, монгольский чай и т.д.

16. МП **«фитоантропонимы»**: иван-да-марья, василек и т.д.

17. МП **«народные поверья, верования»**: богова слезка (манжетка обыкновенная), золото Марии (календула лекарственная), Андреев крест (вероника лекарственная), татарское зелье (аир болотный), чертополох (бодяк полевой), приворотень (пижма обыкновенная) и т.д.

18. МП **«половые и другие характеристики человека, связь с человеческими отношениями»**: мать-и-мачеха, дедовник и т.д.

Итак, МП, используемые при номинации растений в казахском и русском языках, на протяжении веков практически не изменились. Это связано с тем, что выбор МП ограничен и зависит от объективных свойств обозначаемых реалий. Анализ позволяет сделать вывод о том, что МП, выбираемых при номинации растений, одинаковы в казахском и русском языках.

Лексическое значение производных и непроизводных НЛТР связаны с мотивированностью производного слова. Структура производного слова состоит из лексического, грамматического и словообразовательного значений. Словообразовательное значение фитонимов может быть выражено посредством той части толкования, которая непосредственно указывает на тот или иной оттенок значения, процессуальность, признаковость, предметность и т.п.

Заключение

Итак, как показало исследование, НЛТР в казахском и русском языках неоднородны с точки зрения словообразовательной мотивированности, в них выявлены фитонимы, соответствующие морфологическому, синтаксическому и семантическому видам мотивированности. Анализ по формантным мотивационным полям показывает, что к морфологическому виду мотивированности относятся 11,5% фитонимов казахского языка и 75,5% фитонимов русского языка: көгілдір (дымянка, ФМП -янк-), самалдық (горец, ФМП -ец), шырмауық (вьюнок,

ФМП -ок), шытырша (икотник, ФМП -ник), к синтаксическому виду мотивированности (двух- и трехкомпонентные сложные фитонимы) относятся в казахском языке — 65,6%, в русском — 18%, к семантическому виду в казахском языке — 13%, в русском — 10%. С точки зрения продуктивности следующие формантные части в казахском языке отнесены к среднепродуктивным: -дық/-дік, -тық/-тік, -ақ/-ек/-ық, -ақ/-лек, -қақ/-кек, -пақ/-пек, -ша/-ше, -шак/-шек; к малопродуктивным: -ай=ей/=й, ан/=ең/=ң, -қан/-кен, -ған/-ген, -дыр/-дір, -дақ/-дек, -у-ық/-у-ік, -ық/-ік, -ыр/-ір, -қы/-кі, -ғы/-гі, -мақ/-мек, -ма/-ме. Что касается высокопродуктивных формантных частей, то они представлены синтаксическим видом мотивированности: -шөп, -тамыр, -гүл, -тікен, -дәрі, -құлақ, -шай, -жапырақ, -табан, -от, -құрай, -көк, -бас, -құйрық, -жоңышка, -жидек, -ғалдақ, -шешек, -мия.

Мотивированные НЛТР объединяются в 18 формантных мотивационных полей в русском языке, организованных следующими формантными частями высокой продуктивности: -ник, -к (а), -ец, -иц (а); средней продуктивности: -як, -ов(ник) и малой продуктивности: -иха/-юха, -чик, -ок, -ек, -ик, -анк(а)/-янк(а), -уш-ник, -уш-к(а), -иш-ник, -цы. Синтаксический вид мотивированности в русском языке как и в казахском также репрезентируется формантными частями, представляющими собой сложные слова: -бой, -гон, лист(ник), цвет, голов(ник).

НЛТР казахского языка, созданные по модели «слово + слово», в зависимости от сферы использования (научная или народная) имеют две разновидности. В научной номенклатуре они представлены бинарной конструкцией (указание отличительного признака и указание родовой принадлежности). В народных НЛТР чаще используются описательные конструкции: шайтанкелмес (синеголовник плосколистный), кайызғакшөп (чистец болотный) и др.

В сложных НЛТР обоих языков отмечены коннотации, что является неотъемлемым свойством мотивированных фитонимов. Анализ мотиваторов «размер, величина», «сходство с частями тела животных, птиц, насекомых и рыб, растениями, различными предметами», «количественные признаки», «сфера применения», «народные поверья, верования» в казахском языке свидетельствуют о том, что коннотативной семантикой обладает слово целиком (алқа «паслен», түйебұршақ «фасоль», қырықбуын «хвощ», қымыздық «щавель», жупаргүл «душица», қоянерін «зайцегуб», а в русском языке — коннотативной выступает формантная часть (белокопытник, синеголовник) либо также целое слово (тысячелистник, копеечник). Формантные и лексемные мотивационные поля НЛТР, выявляющие различные виды структурно-семантических взаимоотношений, свидетельствуют о непрерывности структурного и семантического пространства языков.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Бейсенова Ж.С. Отраслевая терминология: проблемы мотивированности термина как лексической единицы // Вестник КазНУ. Сер. филологическая. 2008. № 113. С. 129—132.
- [2] Жаналина Л.Н. Сопоставительное словообразование русского и казахского языков. Алматы, 1998. 154 с.
- [3] Земская А.Е. Современный русский язык. М., 1981.

- [4] *Исенова Ф.К.* Зоонимы русского и казахского языков: мотивационная параметризация: дисс. ... канд. филол. наук. Караганда, 2005. 157 с.
- [5] *Сетаров Д.С.* Номинация, мотивация и этимология слова (на материале названий животных). Вильнюс, 1984. 67 с.

Для цитирования: Омашева Ж.М. Словообразовательно-мотивационный анализ названий в казахском и русском языках // Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2016. № 3. С. 40—50.

WORD FORMATIVE AND MOTIVATIONAL ANALYSIS OF MEDICINAL HERBS NAMES IN THE KAZAKH AND RUSSIAN LANGUAGES

Zh.M. Omasheva

Karaganda State Medical University
Gogol str., 40, Karaganda, Kazakhstan, 100008

The article is devoted to the studying of medicinal herbal names in terms of word formative derivative. By using the comparative and motivational analysis there have been identified and analyzed formant motivational field and lexemic motivational field, showing the continuity of structural and semantic space. By comparative-motivational analysis there have been identified and modeled a formant and lexical motivational field, showing the continuity of the structural and semantic language space. The analysis of formant motivational fields revealed a number of herbal names related to morphological motivation mind syntactic form and semantic types of motivation in the Kazakh and Russian languages. In terms of productivity a formant part in the Kazakh and Russian languages have been defined. Formant structure of the motivational field (FMP) and lexical motivational field (LMP) is the same, but the number of motivators in each of the LMP does not match. The Kazakh language motivators number was 8 units, and in the Russian language — 4. The number of motivational signs in both languages was 18. In complex herbal names in both languages marked connotations.

Key words: derivational derivative, motivational analysis, motivational significance, formant motivational field, lexeme motivational field

REFERENCES

- [1] Beisenova J.S. *Otraslevaya terminologiya: problemy motivirovannosti termina kakleksicheskoy edinicy* [Trade terminology: the problem of the term motivation as a lexical unit]. Vestnik KazNU. Philological section. 2008. № 113. P. 129—132.
- [2] Zhanalina L.N. *Sopostavitel'noe slovoobrazovanie russkogo i kazahskogo yazykov* [Comparative derivation of the Russian and Kazakh languages]. Almaty, 1998. 154 p.
- [3] Zemskaya A.E. *Sovremennyy russkiy yazyk* [Modern Russian language]. M., 1981. P. 136—137.
- [4] Isenova F.K. *Zoonimy russkogo i kazahskogo yazykov: motivacionnaya parametrizaciya: Dissertaciya kand. filol. nauk* [Zoonyms of the Russian and Kazakh languages: motivational parameterization: Diss. candidate of philological science]. Karaganda, 2005. 157 p.
- [5] Setar D.S. *Nominaciya, motivaciya i etimologiya slova (na materiale nazvanij zhivotnyh)* [Nomination, motivation and etymology of the word (based on animal names)]. Vilnius, 1984. 67 p.

For citation: Omasheva Zh. M. *Slovobrazovatel'no-motivacionnyj analiz nazvanij v kazahskom i russkom jazykah* [Word formative and motivational analysis of medicinal herbs names in the Kazakh and Russian languages]. Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Education Issues Series: Languages and Specialty. 2016, no. 3, pp. 40—50. (In Russian)

ПСИХОЛИНГВИСТИКА: ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ

ЦЕННОСТИ-КОНЦЕПТЫ «ВИТЕБСК» И «ВЛАДИМИР» В РЕГИОНАЛЬНОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ (на материале поэтического интернет-дискурса)

А.А. Лавицкий

Витебский государственный университет им. П.М. Машерова
Московский проспект, 33, г. Витебск, Беларусь, 210038

В статье рассмотрены теоретические вопросы функционирования и описания ценностей-концептов, акцентировано внимание на их лингвокультурную значимость, динамичность, а также специфику диахронической изменчивости. В работе отмечен факт наличия различных подходов к реконструкции ценностей-концептов и обоснован выбор методики моделирования, отличающейся комплексностью и наглядностью. На материале местных поэтических интернет-текстов предпринята попытка моделирования образов ценностей-концептов «Витебск» и «Владимир», сформированных в языковом сознании жителей соответствующих регионов. Результаты проведенного исследования наглядно доказали пространственное варьирование представлений о ценностях-концептах: смысловые ядра проанализированных ценностей-концептов имеют схожие культурно-значимые содержательные признаки, однако значительно отличаются зонами фактуальной информации и интерпретации.

Ключевые слова: ценность-концепт, Витебск, Владимир, поэтический интернет-дискурс, региональная лингвистика, языковое сознание, модель ценности-концепта

Категория ценности имеет важное значение для многих гуманитарных наук. В частности, в лингвистике изучение и описание ценностей позволило заметно продвинуться в решении целого ряда проблем, связанных с исследованием национального менталитета, особенностей языкового мышления и сознания и т.д.

В последние годы ценностные исследования стали входить в число приоритетных направлений лингвистики, где ценности чаще всего рассматриваются как важнейшая составляющая определенного дискурса: публицистического (Е.Н. Комаров), рекламного (Л.А. Кочеткова), рекламного (О.Б. Абакумова) и др. Многие ценности-концепты уже описаны по материалам различных источников, в том числе и поэтических текстов («счастье» (С.Г. Воркачев), «добро» (Е.С. Палеха), «сердце» (Э.В. Бабарыкова, Ю.В. Шатин), «Родина» (Е.В. Купчик, А.Г. Саносян), «пространство», «время» (С.А. Кривошاپко) и др.).

В Словаре русской ментальности отмечается, что ценности «не составляют особого царства, отделенного от бытия. Ценность народа никак не зависит от общехронологической даты его формирования... определяется содержанием его собственной истории, его собственного времени» [2. С. 474]. Думается, что ценности являются важнейшими категориями языковой картины мира, так как, во-первых, они тесно взаимосвязаны с ключевыми регуляторами исторически сложившегося поведения — социальными нормами; во-вторых, ценности включены в культуру, следовательно, находятся в ядре языкового сознания и картины мира. По мнению В.А. Масловой, термин «языковая картина мира» не более чем метафора [5. С. 91], что унифицирует его употребление во времени и пространстве и делает возможным применить его локализовано, то есть на примере отдельного региона.

Проведенные исследования международного научного коллектива в рамках выполнения гранта БРФФ–ГРНФ «Общеславянские ценности в зеркале региона (Владимирщина и Витебщина): язык как главная духовная ценность» показывают, что понимание ценностей как ключевой категории социальной реальности, а также их содержание пространственно вариативно. На наш взгляд, это связано прежде всего с вариативностью культурного бытия. Ценности включены в знание о мире и лежат в основе индивидуального и общественного сознания, обусловленного динамикой его исторического, социального, политического, экономического и др. развития. Это позволяет говорить о понятии ценности-концепта, так как ценности также как и концепты являются ментальными образованиями и не даны нам в прямом наблюдении. Они создают в языковом сознании целый ряд образов, представляющих собой когнитивно нагруженные структуры. Именно вокруг ценностей формируются важные для культуры концепты.

Как показывает анализ научной литературы по исследованию ценностей, интересы ученых, как правило, сосредотачиваются на изучении важнейших общечеловеческих или национальных ценностей-концептов. К сожалению, региональные ценности, имеющие не только отличительное локальное значение для отдельной территориально, административно, национально и др. обособленной языковой общности, но и региональное происхождение, очень редко попадают в фокус исследовательского внимания лингвистов. В этой связи наше обращение к региональному языковому пространству и региональным ценностям является актуальным, ибо позволяет изучить отдельные локальные особенности языкового сознания, которое так же вариативно в пространстве, как и язык.

Материалом для реконструкции концептов обычно служат произведения известных и признанных поэтов, таких как А. Ахматова, В.В. Высоцкий, П.А. Вяземский, С.А. Есенин, М.Ю. Лермонтов, М. Цветаева и др. Мы же в исследовании региональных концептов-ценностей — ключевых топонимов северо-восточного региона Беларуси (Витебская область) и одного из центральных регионов России (Владимирская область) используем материал местных поэтических интернет-текстов, находящийся в открытом доступе.

Поэтический текст — благодатная исследовательская почва для описания различных ценностей-концептов. В.А. Маслова считает, что поэт имеет свою собственную концептосферу, ибо поэзия не без основания является «древнейшим способом освобождения человеческого духа, являя собой проповедь истины» [6. С. 43].

Ценность-концепт как когнитивная единица отражает в языковом сознании не отдельное явление, факт, за ним кроется стереотипная ситуация, чаще — ситуации, объединяющие и объясняющие несколько объектов. Он создает в языковом сознании образ, который хранит память и социальный опыт поколений. Этот образ динамичен — он как губка впитывает в себя новые смысловые элементы или исключает их из актуального содержания, помещая в своеобразную буферную зону исторической памяти. Описание образа концепта-ценности всегда требует контекстуальной коннотации, обращения к глубокому анализу языкового материала.

Содержание ценности-концепта, как и его описание, всегда в значительной степени субъективно, так как зависит от авторской позиции, подходов к пониманию самих понятий «ценности» и «концепт», а также методики их анализа и реконструкции. В современном языкознании существует несколько методов исследования и описания концептов: историко-сопоставительный, концептуальный, компонентный, дистрибутивный анализы, стилистическая, дефиниционная, когнитивная интерпретации, верификация полученного когнитивного описания у носителей языка, методика контекстного и текстового анализа, интерпретация результатов описания семантики языковых средств и т.д. Однако, реализуя предложенные методы, исследователи часто используют собственную «гибридную» методологию, в которой различные варианты описания концептов сочетаются и взаимодополняют друг друга. С одной стороны, это позволяет исследовать и описать концепт как объект взаимодействия языка, культуры и мышления, с другой — привносит дополнительный фактор субъективности в интерпретацию результатов.

По нашему мнению, в случае для минимизации субъективной составляющей ценность-концепт логичнее моделировать. Это объясняется несколькими факторами. Во-первых, моделирование значительно облегчает систематизацию языкового материала. Во-вторых, моделирование относится к наглядным методам исследования, позволяет в доступной форме представить результаты работы. Наконец, в-третьих, модель отличается своей гибкостью и может быть использована для отражения динамики варьирования образа ценности-концепта как в синхронии, так и в диахронии. Более того, по мнению различных ученых, ценность имеет полевою структуру, что можно прекрасно отразить в модели. Такой подход является наиболее разумным, так как он позволяет не очерчивать четкую границу, а рассуждать в терминах центральных и периферийных членов данного класса. Последнее утверждение пересекается с мнением В.А. Масловой: «Ценности — это динамические образования; они имеют расплывчатые границы: то расширяются, то сливаются или, наоборот, разбиваются на части. Соответственно, изменяется и все поле» [4. С. 110].

Для реконструкции выбранных ценностей-концептов (Витебск и Владимир) мы используем модель, предложенную В.А. Масловой. По ее мнению, поле ценности-концепта можно представить следующим образом:

1) в центре его находится ценность, т.е. само имя ценностного концепта, его синонимы, в том числе и контекстуальные. При ценностном подходе к культурно-языковой специфике концепта предметом изучения в первую очередь стано-

вятся те культурно-значимые содержательные признаки, которые связаны с ценностными предпочтениями социума, со стереотипами сознания и поведения. Значения антропоцентричны, так как отражают общие свойства человеческой природы;

2) ближняя периферия — информационно-понятийный слой — это фактуальная информация о ценности, т.е. фиксация разных планов ее бытия;

3) дальняя периферия состоит из двух «слоев», или «кругов»: первый круг — это образное (поэтическое) представление, второй круг — интерпретационная зона, которая состоит из элементов, смыслы которых не лежат на поверхности, а требуют интерпретации [4. С. 110].

Остановимся подробнее на описании первой ценности-концепта — «Витебск».

Ядро ценности занимает ее имя — топоним Витебск (Вицебск), который имеет русско- и белорусскоязычные варианты написания. Информационно-понятийный слой ценности занимает известная фактуальная информация: географическое положение (находится на северо-востоке Беларуси, на реке Западная Двина), административное значение (является областным центром), территория (занимает 124,538 км²), численность населения (около 374 000 человек) и др.

Согласно Летописи города Витебска, списанной с рукописи Михаила Панцирного Степаном Аверкою, считается, что Витебск был основан в 974 г. княгиней Ольгой:

В лето 974 Ольга, победив ятвягов и печенегов, переправилась через реку Двину и с войском заночевала. Понравилась ей гора, и она основала деревянный замок, назвав его, от реки Витьбы, Витебском; построила в Верхнем замке каменную церковь святого Михаила, а в нижнем — Благовещения и, пробыв два года, отправилась в Киев.

Эта легенда считается официальной, хотя не отличается исторической достоверностью, так как доподлинно известно, что сама княгиня умерла в 969 г. Кроме того, археологи доказали, что упомянутые каменные постройки относятся к более позднему временному периоду. Скорее всего, при переписывании летописи были допущены ошибки. Так, в Российском государственном историческом архиве (г. Санкт-Петербург) есть следующие примечания о Витебске:

Город Витебск герб имеет: воина с обнаженной шпагой и щитом на коне с убором золотым в красном поле. Оной город начало свое имеет от российской княгини Ольги, которая в 914 году проезжала в Киев через оное место и ночевала на горе, где и велела на той горе строить город, и по реке Витьбе назвав Витебск.

Однако и это документальное свидетельство противоречит другим летописным данным, по которым княгиня родилась в 920 г. и правила Киевской Русью с 945 по 960 гг. Таким образом, правдоподобнее всего выглядит предположение о том, что город был основан в 947 г., а в летописи была допущена ошибка, связанная со случайной заменой местами цифр 4 и 7.

Образная часть Витебска как ценности может быть описана посредством анализа поэтического языкового интернет-материала. В нем с помощью многочисленных тропов зафиксированы различные образы Витебска.

Витебск — духовное место. В этом образе Витебск чаще всего противопоставляется своей внешней «неказистости». Противопоставление заключается в том, что внутреннее, духовное содержание атмосферы, жизни города не соответствует его внешнему облику:

Ты помнишь ль меня, мой город,
мальчишку, ветром вздутый ворот...
... Там, где дома стоят кривые,
где склон кладбищенский встаёт,
где спит река,
там золотые деньки я грезил напролёт.
А ночью ангел светозарный
над крышей пламенел амбарной
и клялся мне, что до высот
мое он имя донесет.

(М. Шагал).

В материалах витебских поэтов уровень духовности города настолько велик, что он становится местом, где может жить душа человека, оставив тело и разум:

И сказал Шагал, чуть дыша
в час последний вдали от родины:
«Там осталась моя душа...» —
и глаза его синие дрогнули.

(Д. Симанович)

Духовное начало города символизируют культовые сооружения:

Стоят церквушки, храмы здесь,
Народ в достатке, в мире весь!

(Nichelas)

На духовное начало города указывает и его главная атрибутика — герб:

И герб его Иисус с мечом,
Святую веру мы несём!

(Nichelas)

Как и все духовное **Витебск** несет в себе какую-то **тайну**, что-то неизведанное и загадочное — то, что хочется познать и разгадать:

Горад Шагала
І горад Малевіча,
Дай распазнаць
Таямніцу тваю!
(Неизвестный)

Витебск может связать и с Богом, и с дьяволом, что придает городу дополнительную таинственность:

Я — из Витебска, где Малевич
С Уновисом, с семьёю левых,

Богу брат и дьяволу брат,
поднимал, как знамя квадрат.

(Д. Симанович)

Витебск — Родина, дом, бацькаўшчына. В этом образе город тесно связан в региональном языковом сознании с понятием малой родины:

Мой Витебск — ты мой дом,
Теплом семейным полон он.

(Н. Мятлушко)

Бацькаўшчына наша, Віцебск дарагі,
Свет аконца блізкіх ты нясі ў вякі

(Р. Маруд)

Этот город очень светлый, очень яркий — не фантом —
Стал для тысяч Витебск древний близким, точно мамин дом.
Это Родина для многих: бульбашей, хохлов, жидов.
И не важно как их звали, Витебск дал им первый кров.

(В. Witber)

Витебск — *ностальгия*:

Вези меня, вагончик мой желанный,
По улицам моим и площадям,
Пусть на душу ложится панорама,
Как будто чудодейственный бальзам.
Беги, не останавливаясь, к центру,
Минуя перекрестки и мосты...
Пусть мчится по Московскому проспекту
Трамвай моей серебрянной мечты.

(Э. Муллер)

Витебск — город творчества, искусства и вдохновения:

Здесь поэт подбирает такие слова,
от которых осеннее небо теплеет.

(Е. Криклевец)

Я — из Витебска, где под небом
белорусским работал Репин,
и сияет, как добрый след,
его жизни «Осенний букет».
Я из Витебска, где сквозь тлен
старый Пэн берет меня в плен,
хоть холодных ветров торжество
над забытой могилой его.
Я — из Витебска, где Шагал

Прямо с Замковой в небо взлетал,
Зацепился за облака —
и остался тут на века.

(Д. Симанович)

В этом образе Витебска часто проводится параллель с Парижем:

Мой Витебск — маленький Париж!
Искусством дышишь и паришь

(Л. Светик)

Культурная составляющая Витебска имеет одну из первостепенных ассоциативных связей в языковом сознании региональной личности. Об этом свидетельствуют результаты проведенного нами ранее ассоциативного эксперимента [3].

Кроме того, далеко за пределами Витебщины город известен как культурная столица Беларуси:

Мастацтваў сталіца, Прыдзвінняя зямля
А колькі для свету дала ты цяпла!
Цяпло твае пэнзальі ў свет паняслі,
Цяпло твае гукамі чуем удалі.
Еўропа, Амерыка, нават Сіднэй,
Усе ведаюць, Вцебск — мастацтва музей

(Юз. Ароўкін)

Мая сталіца — гэта Віцебск,
Там пахне музыкай душы,
І ад мастацтва як празрысты
Ідзеш по беразе Дзвіны

(В. Вітак)

Витебск — история. Витебск является одним из древнейших городов Беларуси. Неслучайно поэтому тема истории города, его старины занимает важное место в региональной поэтическом интернет-дискурсе. Город привлекает и манит своей древностью, он пропитан и дышит ею:

Открой история страницу,
Где Витебск древний, молодой!
Княгиней Ольгой ты заложен
Над полноводною Двиной!
Прекрасен ты в лучах восхода,
Неподражаем ты во всём:
Мостами, Ратушей, Природой.
Гордимся тем, что здесь живем!

(Л. Бикбулатова)

Никого кругом, от серых зданий
Веет тихой вековой тоской...

(С. Мишурная)

Я — из Витебска, чей портрет
ярко вписан в картину лет,
и художники новых дней
свято помнит учителей

(Д. Симанович)

Витебск — провинция:

Широко раскинулся Витебск родной,
На двинских берегах процветая;
Он город красивый, он город большой —
Окраина Русского Края!

(А. Левшицкая)

Дышит тихою провинцией,
Город древний, молодой.
Он спокойный, без амбиций.
Витебск нежный и родной

(Ю. Юль)

Интерпретационная зона описываемой ценности состоит из элементов, чье содержательное значение требует дополнительной объективизации и осмысления. Такие элементы для описываемой ценности зашифрованы в *эстетическом* образе города, который является уютным и «неказистым» одновременно. Такое сочетание является скорее не взаимоисключающим, а дополняющим друг друга. Дело в том, что, как мы и отмечали выше, духовность города противопоставляется его внешней непривлекательности. Думается, что это отражает специфику языкового сознания региональной личности, для которой материальное и земное является второстепенным, в отличие от духовного:

Никого кругом, от серых зданий
Веет тихой вековой тоской...

(С. Мишурная)

Мокрыя вуліцы
Горада Віцебска,
Як вы падобны
Адна на адну!

(Неизвестный)

Одеваюсь, словно на работу,
Витебскую тишину ловлю...

(С. Мишурная)

При этом красоту города чаще всего олицетворяют тишина, спокойствие и простота:

Тихий, спокойный, задумчивый город,
Уютные улицы, простые дома.

(О. Светайло)

Нет вычурности в городе этом,
Он прост и красив от того.
Наверно, любим потому и поэтом,
Что с ним на душе всегда очень легко
(Н. Гуталинов)

Петляют две серебрянные нити
По городу волшебной красоты
(Э. Муллер)

Таким образом, графически модель ценности-концепта «Витебск» можно представить следующим образом (рис. 1).

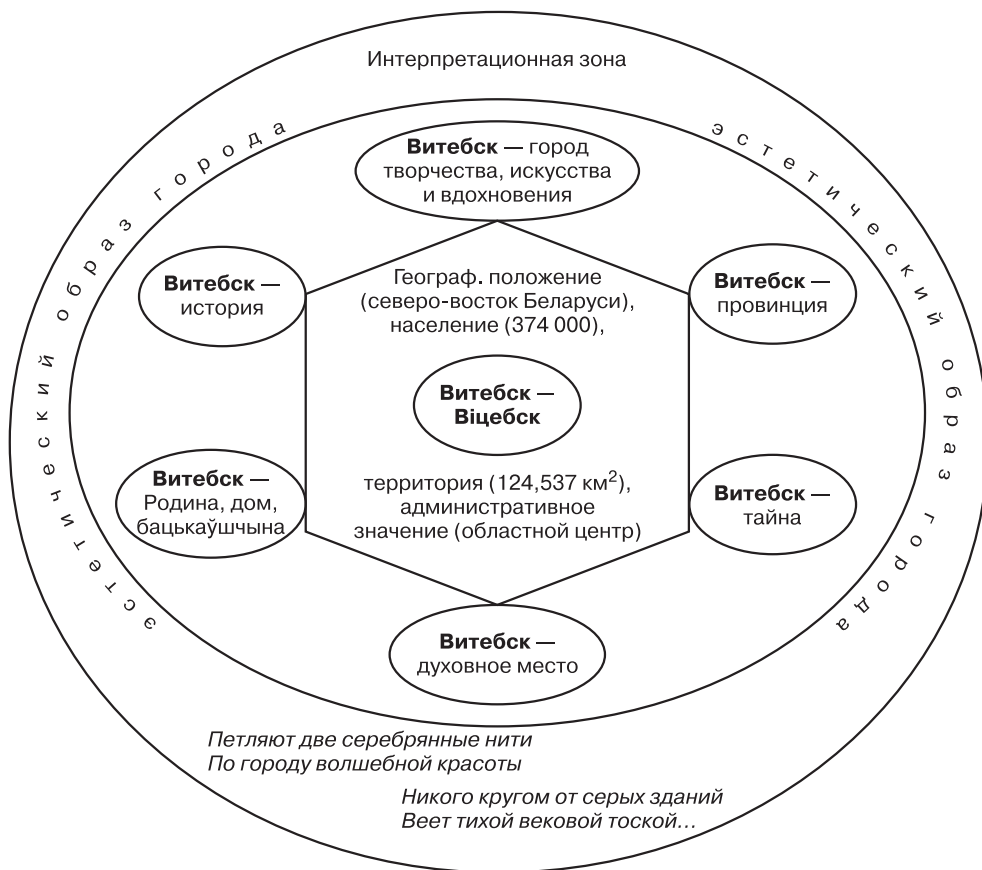

Рис. 1. Модель ценности-концепта «Витебск»

Теперь обратимся к моделированию ценности-концепта «Владимир». Его ядро содержит следующую информацию о городе: Владимир (Володимѣрь (древняя форма используются в устных наречиях и диалектах до сих пор)) располагается на северо-востоке от столицы, занимает площадь 124,59 км², на которой проживает около 353 000 человек, имеет статус административного центра Владимирской области. Официальным годом основания города считается 1108 г. — летописное

известие о закладке Владимиром Мономахом крепости и постройке первой каменной церкви Спаса. Однако первое упоминание о городе в многочисленных исторических летописях (Густынской, Ермолинской, Холмогорской) относится к 990 г. и связано с именем другого князя — Владимира Святославовича. Большинство исследователей придерживаются этой даты. Поддержал историков и Д.С. Лихачёв, считавший, что «“город” по-древнерусски означает не только город как населенный пункт, но и городские стены. Поэтому “поставить город”, “сорудить город” могло чаще всего относиться к строительству стен» [0].

Таким образом, можно заметить, что ядро описываемых ценностей-концептов во многом идентично (примерно одинаковые год основания, географическое положение, территория, численность населения и административно-территориальное значение). Исходя из этого логичным представляется мнение, что и фактуальная информация, и интерпретационная зона *Владимира* могут иметь значительные сходства с реконструированным ранее *Витебском*. Однако дальнейшая проделанная работа показывает, что это не так. Дело в том, что пространственное варьирование языка и языковых традиций (в этом случае можно говорить о наличии белорусского варианта русского языка, подвергшегося осязательному влиянию со стороны «беларуская мовы») проявляется и в языковом сознании, отражающим представления о ценностях-концептах. Это связано не столько с интерференцией языков и их взаимовлиянием, сколько с факторами социально-экономическими, идеологическими и культурными, обуславливающими развитие отдельного региона, а вместе с ним и парадигмы когнитивных представлений его жителей.

Так, местные поэтические интернет-тексты создают несколько иные в отличие от Витебска образы города.

Владимир — древняя столица. Этот образ города является одним из самых значимых в поэтическом сетевом дискурсе и отсылает к представлениям о значимости Владимира в истории развития древнерусского государства:

О град Владимир! Стар и молод,
Давно стоишь ты на земли,
При Мономахе был основан,
Столицей прежде был Руси.
(А. Шафранска)

Владимир-град, ты был столицей
Великой Киевской Руси...
Ты — как истории страница,
Что прибавляет людям сил.
(А. Гаврюшкин)

В летописных сводах ты запечатлен,
О Владимир, пусть в твой праздник чудо приключится,
Каждый, кто тебя увидел, навсегда пленен,
Северо-Востока древняя столица.
(Неизвестный)

В образе древней столицы историческое влияние и значение Владимира противопоставляются ценностям столицы современной — Москвы:

Ты не равняйся на Москву,
Твои дары побольше многих.
Пушкой столицей не зовут,
Зато зовут — Великий город!
(Е. Мальцева)

Кроме того, этот образ тесно связан с представлениями о возрасте города и его древней истории:

Ты — древнерусский старый город,
В тебе тот стержень для славян,
С которым им не страшен голод,
И лютый холод, и обман.
(А. Гаврюшкин)

Древна столица — наш Владимир,
Не сосчитать уже веков,
Историей своей, однак, не вымер
Историей своей жив град Христов
(Р. Одулма)

Историческая значимость города как центра формирования Северо-Восточной Руси дает посыл к еще одному, не менее важному образу «*Владимир — душа России*».

Владимир — о центр культуры в России!
Владимир — владыко, посланник Христа!
Владимир остался душою России!
И будет таким до конца!
(С. Ефимова)

Всё сможем мы — России люди,
Когда такие города,
Как град Владимир, есть и будут.
Не победить нас никогда!
(А. Гаврюшкин)

Здесь я живу, расту, учусь,
Тут мама родилась моя,
И древняя живёт здесь Русь.
И я хочу, чтоб милый город
С годами цвёл и расцветал!
(П. Петрухина)

Владимир — нет места родней на земле!
Владимир поможет и мне, и тебе.

В историю России страницу вписать,
Отчизну прославить и знаменем стать.
(С. Ефимова)

Душу России, коей является Владимир, в региональном поэтическом интернет-дискурсе олицетворяют традиционные образы богатыря, мужика в рубахе и сакрального для русской души животного — медведя:

Владимир — это не Москва,
Его огни ведь не стекляшки.
Его огни — страны заря,
Мужик российский он в рубашке.
(Неизвестен)

Разросся город и вознёсся,
Дома растут и ввысь и вширь,
Мой город, ты — как песня льёшься,
Владимир — русский богатырь!
(А. Шафранска)

Подобно русскому медведю
Ты независим и свободен.
В твою судьбу я свято верю —
В ее ведь дух народа вложен
(П. Кляземский)

В региональном поэтическом интернет-дискурсе *Владимир* представляется также как *город куполов*, символизирующих многочисленные православные церкви и соборы. Думается, что в этом образе акцентируется значимость Владимира не только как одного из исторических центров начала русской государственности, но и важнейших центров развития христианских традиций:

Сады, и парки, и собор,
Над Клязьмой возвышаясь, он
Стоит, сияет в куполах
В рассвете, в солнечных лучах.
(П. Петрухина)

Сверкают купола соборов,
Церквей сияют купола,
Как дорог мне любимый город,
И как любовь к нему светла!
(А. Шафранская)

Блестят на солнце купола
И белокаменные своды

Духовное начало Владимира, его величественные храмы в исследуемом корпусе поэтических текстов часто описываются с применением различных тропов

(сравнений, метафор, эпитетов и т.д.), что придает их восприятию дополнительную экспрессивность:

И только старинный собор с куполами
Все такой же! Ничуть не стареет,
Безупречно прекрасен собой,
Как весенняя вишня белеет.

(В. Боков)

Куполам Владимирских церквей,
Горящих пламенем как золотом,
Видавших тысячи мечей,
Не счесть истории по датам.

(Неизвестен)

Стоят Владимирские церкви,
Их купола как маяки.
Они души открытой метки,
Той, что осталась у реки...

(Д. Сирова)

Мне старина твоя мила,
Милы и нынешние годы!

(П. Рыжков)

Владимир! Нет любимей края,
Здесь вырос и родился я,
Здесь купола в лучах играют,
И здесь живёт моя судьба.

(А. Бирючков)

Практический материал исследования показывает, что интерпретационная зона описываемой ценности-концепта «Владимир» относится к теме современного роста города. Подробный анализ поэтических интернет-текстов открывает скрытые элементы, описывающие положительное, так и отрицательное отношение к росту города:

Раскинув в будущее взор,
Растет, становится все краше,
Я восхищаюсь им все чаще —
Как дорог мне его простор!

(П. Рыжов)

Разросся город и вознесся,
Дома растут и ввысь и вширь...

(А. Шафранска)

Растешь, мой город, и идешь вперед,
Даешь на будущее ты надежду.

А стою один у Золотых ворот,
Как будто в молодости прежде
(И. Шелиханов)

Истории страницу древней —
Владимир в стройку превратили.
И я его не вижу прежним,
Лишь купола его озолотили
(Д. Юхнов)

Разросся наш Владимир-город,
Конца и края не видать.
Ну, хорошо, пусть будет молод,
Да только древность не видать
(М. Нерльский)

Растет и строится Владимир,
Но хорошеет ли тогда,
Когда не купол уже собора,
Мы сверху видим, а леса?
(Неизвестен)

Как новомодны новостройки
Где у России старина,
Где начинали мы креститься,
Теперь бетона лишь стена...
(И. Карсевич)

Как видно из приведенных примеров, рост города то восхищает (*я восхищаюсь им все чаще*) и олицетворяет его красоту (*становится все краше*), отсылает к надежде на будущее (*даешь на будущее ты надежду*), то, наоборот, обращает внимание на свое несовершенство (*но хорошеет ли тогда*), несоответствие исторической застройки (*да только древность не видать; и я его не вижу прежним*) и т.д. Как и в случае с описанным выше ценностью-концептом «Витебск», интерпретация Владимира требует постоянной временной объективизации и должна рассматриваться как система элементов, требующих дополнительного осмысления.

Исходя из описанных образов Владимира, его модель в региональном поэтическом интернет-дискурсе можно представить следующим образом (рис. 2).

Подытоживая проведенную исследовательскую работу, можно заключить следующее.

Ценности-концепты являются объектом междисциплинарного исследования и относятся к особым ментальным единицам, исследование которых имеет приоритетное значение в изучении специфики национального, регионального и индивидуального языкового сознания.

Ценности-концепты сложно поддаются описанию в первую очередь из-за отсутствия универсальной методики проведения подобных исследований. Однако это не усложняет научную работу, а наоборот, постоянно актуализирует и допол-

няет процесс объективизации представлений об описываемых ценностных категориях, в основе которого лежит личный авторский подход или узкоспециальное направление. К одним из передовых способов описания ценностей-концептов следует отнести моделирование, визуализирующее представления об определенной ценности, а также отражающее различные аспекты ее смыслового функционирования в массовом языковом сознании.

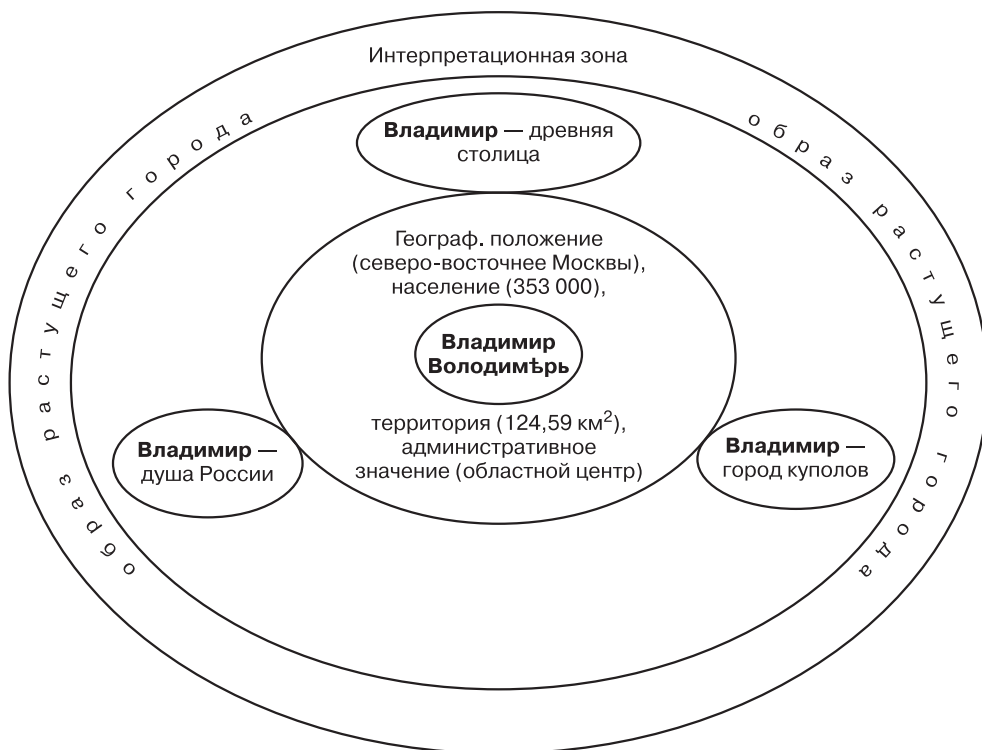

Рис. 2. Модель ценности-концепта «Владимир»

Для моделирования ценностей-концептов может быть использован любой языковой материал, по смыслу и содержанию связанный с исследуемыми ментальными единицами. Часто в качестве такого исследователи используют поэтический текст, отличающийся значительной эмоциональностью и экспрессивностью, а также образностью представления. В аспекте изучения региональной специфики понимания и осмысления ценностей-концептов логичным является выбор местного языкового материала.

Понимание ценностей-концептов варьируется во времени и пространстве, объективными критериями оценки которых являются исторические, социальные, духовные, нравственные, геополитические, культурные и др. особенности развития общества. Это наглядно доказывает сравнительный анализ моделей ценностей-концептов «Витебск» и «Владимир», имеющих сравнительно идентичное смысловое ядро со схожими культурно-значимыми содержательными признаками, но сильно разнящимися зонами фактуальной информации и интерпретации.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Из письма академика Лихачева Дмитрия Сергеевича, Институт русской литературы (Пушкинский дом). URL: <http://www.russiancity.ru/books/b82.htm#c2>. Дата доступа: 12.02.2016.
- [2] Колесов В.В., Колесова Д.В., Харитонов А.А. Словарь русской ментальности. В 2 т. Т. 1. П–Я. Спб.: Златоуст, 2014. 592 с.
- [3] Лавицкий, А.А. Коммуникативное пространство региональных газет: жанры, выжнейшие концепты: дисс. ... канд. филол. наук. Витебск, 2015. 173 с.
- [4] Маслова В.А. Гидроним Двина как ценность и концепт в языковом сознании жителей Витебщины // Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования: сб. науч. ст. Витебск: ВГУ им. П.М. Машерова, 2016. С. 110–113.
- [5] Маслова В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2001. 208 с.
- [6] Маслова В.А. Язык и культура: концептосфера Марины Цветаевой: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2004. 256 с.

Для цитирования: Лавицкий А.А. Ценности-концепты «Витебск» и «Владимир» в региональном языковом сознании (на материале поэтического интернет-дискурса) // Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2016. № 3. С. 51–67.

THE VALUES-CONCEPTS OF VITEBSK AND VLADIMIR IN REGIONAL LANGUAGE CONSCIENCE (BASED ON POETIC INTERNET DISCOURSE)

A.A. Lavitski

Vitebsk State P.M. Masherov University
Moskovsky prospekt, 33, Vitebsk, Belarus, 210038

The article centers round theoretical issues of functioning and describing value-concepts. Attention is drawn to their linguistic and cultural significance, dynamic nature as well as specificity of their diachronic changeability. The fact of the presence of different approaches to the restoration of value-concepts is pointed out and choice of the methods of modeling is substantiated. These methods are of complex and visual character. On the basis of local poetic Internet texts attempt is made to model images of the value-concepts of Vitebsk and Vladimir which are shaped in the language conscience of the residents of the Regions. The research findings have proved the space variability of the ideas of value-concepts: notion nuclei of the analyzed value-concepts have similar culturally significant content features. However, they differ in zones of factual information and interpretation.

Key words: value-concept, Vitebsk, Vladimir, poetic Internet discourse, regional linguistics, language conscience, model of a value-concept

REFERENCES

- [1] *Iz pis'ma akademika Lihacheva, Institut russkoj literatury (Pushkinskij dom)* [From the academician Likhachev's letters]. Available at: <http://www.russiancity.ru/books/b82.htm#c2> (accessed 12 February 2016).

- [2] Kolesov V.V., Kolesova D.V., Haritonov A.A. *Slovar' russkoj mental'nosti*. V 2 t. T. 1. P–Ja [Dictionary of the Russian mentality]. Sankt-Peterburg, Zlatoust Publ., 2014. 592 p.
- [3] Lavitski A.A. *Kommunikativnoe prostranstvo regional'nyh gazet: zhanry, vyzhnejšie koncepty*. Diss. kand. philol. nauk [Communicative Space of Regional Newspapers: Genres, Major Concepts. Dr. Philol. sci. diss.]. Vitebsk, 2015. 173 p.
- [4] Maslova V.A. *Gidronim Dvina kak cennost' i koncept v jazykovom soznanii zhitelej Vitebshhiny* [Dvina as the value and the concept in language conscience of inhabitants of Vitebs region]. Regional'naja onomastika: problemy i perspektivy issledovanija [Regional onomastics: problems and prospects of research], 2016, pp. 110–113.
- [5] Maslova V.A. *Lingvokul'turologija* [Cultural linguistics]. Moskow, Akademia Publ., 2001. 208 p.
- [6] Maslova V.A. *Jazyk i kul'tura: konceptosfera Mariny Cvetaevoj* [Language and culture: sphere of concepts of Marina Tsvetayeva]. Moskow, Flimta Publ., 2004. 256 p.

For citation: Lavitski A.A. *Cennosti-koncepty «Vitebsk» i «Vladimir» v regional'nom jazykovom soznanii (na materiale poeticheskogo internet-diskursa)* [The values-concepts of Vitebsk and Vladimir in regional language conscience (based on poetic internet discourse)]. Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Education Issues Series: Languages and Specialty. 2016, no. 3, pp. 51–67. (In Russian)

«ОТВЕТСТВЕННОСТЬ / 责任» В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ СОВРЕМЕННЫХ КИТАЙСКИХ УЧАЩИХСЯ

Чжу Жуйшуан

Институт языкознания РАН

Б. Кисловский пер., д. 1, стр. 1, Москва, Россия, 125009

В данной статье рассматривается образ «ответственность/责任» в языковом сознании китайских учащихся. Анализируется ассоциативное поле слова-стимула «ответственность/责任», выявляются сходства и различия в содержании ассоциативного поля, гендерная специфика. Китайская традиционная система ценностей выражается через понятие «ответственность». Ответственность в китайском традиционном обществе овеществлена, может быть напрямую воплощена нормами поведения. Национальная культура является важным аспектом исследования языкового сознания, а свободный ассоциативный эксперимент помогает эффективно выявить особенности национальной культуры, отражающиеся в языковом сознании человека.

Ключевые слова: ответственность/责任, свободный ассоциативный эксперимент, особенности китайской культуры

Введение

Языкознание (лингвистика) традиционно понимается как наука о языке как средстве общения. При этом его предмет, как правило, четко не определяется. Психоллингвистика имеет наиболее тесные связи с общим языкознанием (общей лингвистикой). Кроме того, она постоянно взаимодействует с социолингвистикой, этнолингвистикой и прикладной лингвистикой, в особенности с той ее частью, которая занимается вопросами компьютерной лингвистики [1. С. 21, 24].

Исследование языкового сознания является актуальной областью психолингвистических исследований. Под языковым сознанием мы, вслед за Е.Ф. Тарасовым, понимаем «образы сознания, овнешняемые языковыми средствами: отдельными лексемами, словосочетаниями, фразеологизмами, текстами, ассоциативными полями и ассоциативными тезаурусами как совокупностью этих полей. Образы языкового сознания интегрируют в себе умственные знания, формируемые самим субъектом преимущественно в ходе речевого общения, и чувственные знания, возникающие в сознании в результате переработки перцептивных данных, полученных от органов чувств в предметной деятельности» [3. С. 3]. Языковое сознание связано с осознанием и восприятием мира.

Данная статья посвящена исследованию этнокультурного образа «ответственность/责任» в языковом сознании носителей китайской культуры.

Ответственность является миссией и долгом человека перед другими людьми, обществом, коллективом и государством. Это понятие относится к философии дао и отражает идеалы, убеждения, эмоции, волю и ценности человека, выражает природу этических и идеологических норм человека. Современный китайский словарь дает два определения понятия «ответственность»: 1) исполнение внутреннего долга; 2) в случае неисполнения внутреннего долга ответственность за

вину выражается в виде проявления моральной, правовой, профессиональной и человеческой совести [2. С. 1627].

В основе китайской традиционной системы взглядов лежит ответственность человека перед семьей и государством. Каждый член общества должен обращать внимание на соблюдение системы ценностей в сложных человеческих отношениях. Ответственность в китайском традиционном обществе овеществлена, напрямую воплощена в нормах поведения. Конфуцианская этика, основанная на «пяти отношениях» — «правителя и слуги, отцов и детей, братьев, друзей, супругов», создала всеобъемлющую систему отношений, а также установила нормы отношений между людьми в этой системе. Необходимо, чтобы люди во всех типах отношений «соответствовали своему положению», при этом довольствовались им, а также выполняли свои обязанности в той или иной системе отношений. В традиционном китайском обществе, особенно в сфере системы ценностей, идеал «самосовершенствования, соблюдения порядка в семье, управления страной, поддержание мира» является лишь сублимацией человеческих отношений.

Национальная культура является важным аспектом исследования языкового сознания, а свободный ассоциативный эксперимент эффективно помогает выявить особенности национальной культуры, отражающиеся в языковом сознании носителя этой культуры.

Свободный ассоциативный эксперимент

Ассоциативный эксперимент — это один из методов исследования лексического значения и основан на связи между физиологическими особенностями человека и его личным опытом, который всегда формируется в определенной культуре.

Цель. Целью исследования явилось выявление общего и специфического в содержании образа «ответственность/责任» в языковом сознании современной китайской молодежи и его изменение во времени.

Описание эксперимента. Эксперимент был проведен в 2014 г., в нем приняли участие 350 испытуемых, было получено 350 анкет, из которых 304 были признаны валидными.

Испытуемые принадлежали к разным возрастным группам (1) (11—12 лет; 14—16 лет; 17—19 лет; 20—25 года); распределение по полу и по возрасту показано на рис. 1, 2.

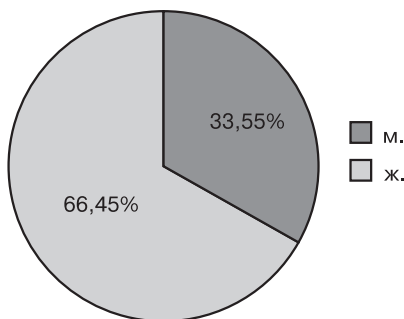

Рис. 1. Гендерная пропорция

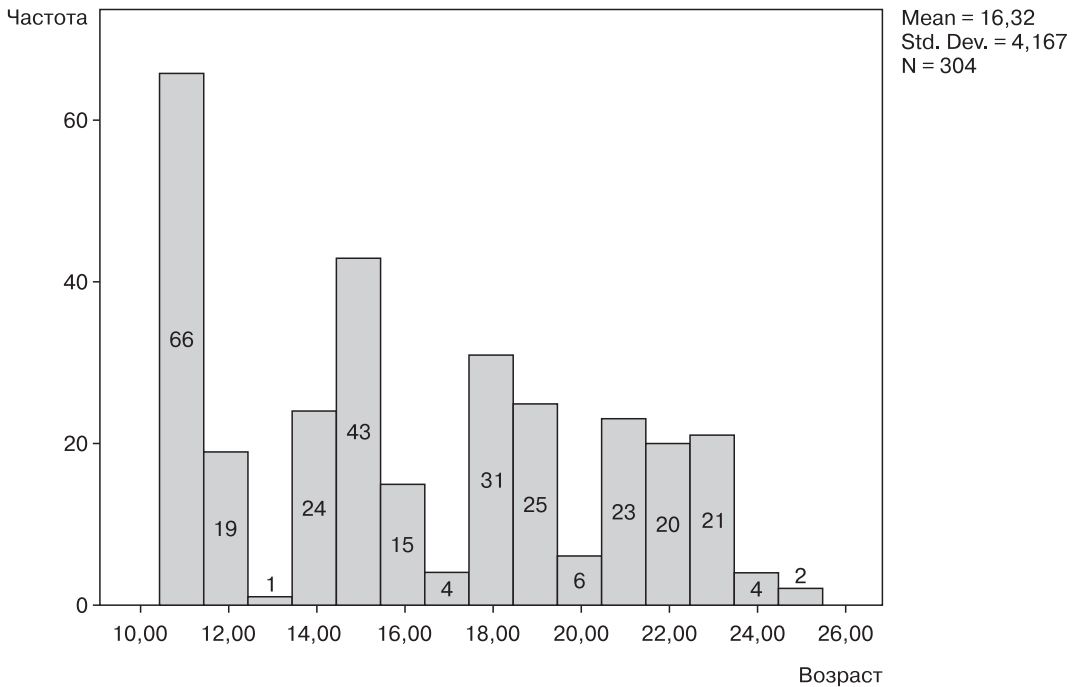

Рис. 2. Распределение по возрасту

В качестве **метода** исследования применялся свободный ассоциативный эксперимент, проводившийся путем письменного анкетирования в учебной аудитории и библиотеке. Перед началом эксперимента экспериментатор объяснял испытуемым цели и особенности проведения исследования. Испытуемым нужно было отвечать самостоятельно, запрещалось разговаривать с другими испытуемыми и пользоваться словарем.

От испытуемых требовалось написать первое пришедшее в голову слово-реакцию на слово-стимул. Допускалось реагировать отдельным словом любой части речи, словосочетанием или предложением. Одному слову-стимулу должно было соответствовать одно слово-реакция.

Результаты. Для формирования ассоциативного поля слова-стимула «ответственность/责任» использовалась программа SPSS.19.

Анализ материалов эксперимента и выводы

Данные табл. 1 показывают, что в языковом сознании китайской молодежи наиболее частотными на слово-стимул «ответственность», являются такие реакции: *нести ответственность/负责*45, *долг/义务*31, *обязанность/责任*9, большая ответственность/*重任*; словосочетания с «ответственностью», например: *брать на себя/担当*23, *принимать на себя/承担*17, *большая/重大*5; реакции-существительные: *задача/任务*11, *учёба/学习*6, *работа/工作*5, *доверие/信任*5; субъекты ответственности: *преподаватель/教师*22, *семья/家庭*10, *родители/父母*6, *мужчина/男人*5.

Теперь попробуем проанализировать этнокультурные особенности, которые влияют на реакции китайских учащихся.

Таблица 1

«Ответственность/责任» (слово-стимул)

	Слова-реакции	Частотность	Процент	Валидный процент	Кумулятивный процент
1	Нести ответственность/负责	45	14.8	14.8	14.8
2	Долг/义务	31	10.2	10.2	25.0
3	Брать на себя/担当	23	7.6	7.6	32.6
4	Преподаватель/教师	22	7.2	7.2	39.8
5	Принимать на себя/承担	17	5.6	5.6	45.4
6	Задача/任务	11	3.6	3.6	49.0
7	Семья/家庭	10	3.3	3.3	52.3
8	Обязанность/责任	9	3.0	3.0	55.3
9	Родители/父母	6	2.0	2.0	57.2
10	Учеба/学习	6	2.0	2.0	59.2
11	Работа/工作	5	1.6	1.6	60.9
12	Мужчина/男人	5	1.6	1.6	62.5
13	Доверие/信任	5	1.6	1.6	64.1
14	Большая/重大	5	1.6	1.6	65.8
15	Большая ответственность/重任	5	1.6	1.6	67.4
16	Ученик/学生	4	1.3	1.3	68.8
17	Сознание/意识	4	1.3	1.3	70.1
18	Самоуверенность/自信	4	1.3	1.3	71.4
19	Безопасность/安全	3	1.0	1.0	72.4
20	Отец/父亲	3	1.0	1.0	73.4
21	Гражданин/公民	3	1.0	1.0	74.3
22	Коллектив/集体	3	1.0	1.0	75.3
23	Служебные обязанности/职责	3	1.0	1.0	76.3
24	Огромная ответственность/重担	3	1.0	1.0	77.3
25	Сердечность/爱心	2	0.7	0.7	78.0
26	Староста/班长	2	0.7	0.7	78.6
27	Нести/背负	2	0.7	0.7	79.3
28	Отдавать/付出	2	0.7	0.7	80.6
29	Совесть/良知	2	0.7	0.7	81.9
30	Вера/信心	2	0.7	0.7	82.6
31	Обязать/有责	2	0.7	0.7	83.2
32	Любовь/爱情	1	0.3	0.3	83.6
33	Успокоиться/安心	1	0.3	0.3	83.9
34	Помогать/帮助	1	0.3	0.3	84.2
35	Обязательно/必须	1	0.3	0.3	84.5
36	Хвалить/表扬	1	0.3	0.3	84.9
37	Вырасти/长大	1	0.3	0.3	85.2
38	Существование/存在	1	0.3	0.3	85.5
39	Представитель/代表	1	0.3	0.3	85.9
40	Служить/担任	1	0.3	0.3	86.2
41	Отнять/夺走	1	0.3	0.3	86.5
42	Подчинение/服从	1	0.3	0.3	87.2
43	Надо делать/该做	1	0.3	0.3	87.5
44	Общественные обязанности/公务	1	0.3	0.3	87.8

Окончание табл. 1

	Слова-реакции	Частотность	Процент	Валидный процент	Кумулятивный процент
45	Красный флаг/红旗	1	0.3	0.3	88.2
46	Полиция/警察	1	0.3	0.3	89.5
47	Труд/劳动	1	0.3	0.3	89.8
48	Усталый/累	1	0.3	0.3	90.1
49	Руководство/领导	1	0.3	0.3	90.5
50	Каждый/每个	1	0.3	0.3	90.8
...
	Итого	304	100.0	100.0	

Таблица 2

Анализ ассоциативного поля по гендерному принципу

Частотность первых пятнадцати слов-реакций учащихся-девушек (1), %		Частотность первых пятнадцати слов-реакций учащихся юношей (2), %	
Слова-реакции	Процент	Слова-реакции	Процент
Нести ответственность/负责	11.88	Нести ответственность/负责	20.59
Долг/义务	11.88	Долг/义务	6.86
Брать на себя/担当	10.40	Преподаватель/教师	5.88
Преподаватель/教师	7.92	Отвечать за/承担	4.90
Отвечать за/承担	5.94	Обязанность/责任	3.92
Семья/家庭	4.46	Задача/任务	2.94
Задача/任务	3.96	Доверие/信任	2.94
Обязанность/责任	2.48	Учеба/学习	2.94
Большая/重大	2.48	Большая ответственность/重任	2.94
Работа/工作	2.48	Брать на себя/担当	1.96
Родители/父母	1.98	Родители/父母	1.96
Мужчина/男人	1.98	Вера/信心	1.96
Гражданин/公民	1.49	Сознание/意识	1.96
Учеба/学习	1.49	Ученик/学生	1.96
Большая ответственность/重任	1.49	Самоуверенность/自信	1.96

Слово-реакция *преподаватель/教师* занимает четвертое место по частотности. В китайской традиционной культуре слово «преподаватель» символизирует престиж и почитание и имеет высокое социальное значение. Преподаватель в процессе обучения оказывает очень большое влияние на студента. Преподаватель должен постоянно самосовершенствоваться, владеть передовыми идеями в области образования, обладать глубокими знаниями и хорошими политическими качествами, хорошим физическим и психическим здоровьем и хорошими привычками.

Семья/家庭 в системе китайских традиционных ценностей семья является ядром. Семья представляет собой первую школу для молодых. Для китайцев семья — это святое. Таким образом, где бы ни находился китаец, он никогда не забывает о своей семье. Китайцы любят большую семью, в которой много людей живут вместе, некоторые семьи состоят из четырех поколений. Большая семья — это небольшое общество. В этом небольшом обществе сохраняется иерархическая структура: старшее поколение имеет самый высший статус. В феодальные вре-

мена десятки или даже сотни людей жили вместе, и без дисциплины существовать было невозможно. Говорят, «государство имеет закон, семья — семейные правила». Во времена феодального общества семейные устои приравнивались к закону: муж бил жену, и отец бил своего сына дома, это не противоречило законам, и другие не имели права вмешиваться в дела чужой семьи. На жизнь сыновей и дочерей, включая вступление в брак, оказывали влияние родители. Каждая семья имела свой храм предков, где можно было совершить жертвоприношение предкам. Каждый человек был обязан почитать своих предков. В современном Китае ситуация изменилась: большая крестьянская семья распалась, общество состоит из небольших семей. Способ жизни людей существенно изменился, но молодые люди все еще привязаны к семье, особенно в праздники, когда возрастает потребность в семье и традиционном поведении.

Родители / 父母 являются первыми учителями детей. Они всегда сопровождают детей и влияют на них, поэтому играют очень важную роль по мере их взросления. В китайской культуре и традициях родители имеют большую власть в семье и играют главную роль, дети должны слушать их. Родители обязаны присматривать не только за младшими поколениями, но и за старшими. Таким образом, родители воспитывают в детях правильные ценности и мировоззрение, которые могут действовать на детей в течение всей жизни. Естественно, что родители — это символ ответственности.

Учеба / 学习. Большинство испытуемых, которые выбирали это значение, — школьники. Они усердно учатся для того, чтобы поступить в хороший университет. Следовательно, учеба — это очень важное понятие в их языковом сознании. Как говорится, век живи, век учись, особенно в современном обществе, где преобладают конкуренция и давление и, конечно, знание — сила.

На основе табл. 2 мы составили табл. 3, в которой представлены первые пять слов-реакций в соответствии с гендерными различиями.

Таблица 3

Первые пять реакций

пол	Слова — реакции				
м.	Доверие / 信任	Вера / 信心	Сознание / 意识	Ученик / 学生	Самоуверенность / 自信
ж.	Семья / 家庭	Большая / 重大	Работа / 工作	Мужчина / 男人	Гражданин / 公民

По ответам представителей мужского пола мы видим, что *доверие / 信任* для юношей — это основное свойство ответственности. По их мнению, доверие является самым основным условием процесса общения между людьми, особенно среди друзей; *вера / 信心* и *самоуверенность / 自信*, присутствующие в мужском сознании, показывают, что у их есть способность и вера, для того чтобы положительно оценить себя; мужская часть учащихся смотрит на ответственность как на *сознание / 意识*, т.е. осознает ответственность. Реакция *ученик / 学生* подчеркивает направленность на будущее: в их сознании присутствует ответственность, которая заставляет их старательно учиться на благо родине.

Ответы представителей женского пола показывают, что появление слов-реакций *семья / 家庭* и *мужчина / 男人* отражает тот факт, что для китайских девушек *семья / 家庭* — это очень важно и символизирует ответственность, а на

мужчине / 男人 держится вся семья, как правило, его называют главной опорой семьи; ответственность играет значимую роль в китайском женском сознании, она отражается в моральных качествах и всесторонне выражается в течение жизни. Слово-реакция *работа* / 工作 — не только отражает личную включенность в систему социальных ценностей, но также и обязанность в системе социальных ценностей. Каждый *гражданин* / 公民 имеет права в государстве, но в первую очередь, он должен выполнить свой долг не только перед родиной, но и перед семьей, а это значит, что каждый гражданин должен иметь чувство ответственности.

Таким образом, мы видим, что в языковом сознании китайских учащихся ответственность образует систему ценностей, основанную на должных поступках человека перед обществом. Это не только норма поведения людей, но весьма ценное качество человека. Ответственность представляет собой базовый элемент в формировании дао. Ответственность лежит в основе личной морали, общественной морали, профессиональной этики и семейных ценностей.

ПРИМЕЧАНИЕ

(1) Школы (начальная, средняя и старшая) и университет.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Леонтьев А.А.* Основы психолингвистики. М.: Смысл: Академия, 2005.
- [2] Современный китайский язык. Пекин, Отдел редакции словаря Института языкознания Китайской академии общественных наук, Коммерческое издательство. 2012. 1627 с.
- [3] *Тарасов Е.Ф.* Языковое сознание — перспективы исследования (предисловие) // Языковое сознание: содержание и функционирование. XIII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. М., 2000. С. 3.

Для цитирования: Чжу Жуйшуан. «Ответственность / 责任» в языковом сознании современных китайских учащихся // Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2016. № 3. С. 68–75.

FREE ASSOCIATIVE EXPERIMENT OF THE WORD “RESPONSIBILITY” / 责任” EMBODYING LINGUISTIC CONSCIOUSNESS IN MODERN CHINESE STUDENTS

Zhu Ruishuang

This article discusses how ethnic and cultural image of «responsibility / 责任» is embodied in linguistic consciousness of Chinese students by means of the free associative experiment, analyzes its associative field, and identify the similarities and differences of associative field of Chinese students in terms of gender. Chinese traditional system of values is expressed by the concept of “responsibility”.

In Chinese traditional society, Responsibility can be directly materialized by the norms of ethical behavior. National culture is an important aspect of the study of language consciousness; and free association experiment can effectively identify the characteristics of the national culture in human's linguistic consciousness and embodies human's linguistic psychology development.

Key words: Responsibility / 责任, free associative experiment, the image of the Chinese ethnic culture

REFERENCES

- [1] Leont'ev A.A. *Osnovy psiholingvistiki*. M.: Smysl; Izdatel'skij centr « Akademiya», 2005. S. 224.
- [2] *Sovremennyy kitajskij jazyk*. Peking, Otdel redakcii slovarja Instituta jazykoznanija Kitajskoj akademii obshhestvennyh nauk, Kommercheskoe izdatel'stvo. 2012. 1627 s.
- [3] Tarasov E.F. *Jazykovoje soznanie — perspektivy issledovanija (predislovie) // Jazykovoje soznanie: sodержanie i funkcionirovanie. XIII Mezhdunarodnyj simpozium po psiholingvistike i teorii kommunikacii*. M., 2000. 3 s.

For citation: Zhu Ruishuang. «Orvetstvinnost' / 责任» v jazykovom soznanii sovremennyh kitajskih uchashhihsja [Free associative experiment of the word “responsibility / 责任” embodying linguistic consciousness in modern Chinese students]. Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Education Issues Series: Languages and Specialty. 2016, no. 3, pp. 68—75. (In Russian)

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЯЗЫКОВОГО ОБРАЗОВАНИЯ. ЛИНГВОДИДАКТИКА И МЕТОДИКА

РЕЧЕВОЙ ЖАНР КАК МОДЕЛЬ ФОРМИРОВАНИЯ ИНСТРУМЕНТАЛЬНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

Т.Т. Черкашина

Государственный университет управления
Рязанский проспект, 99, Москва, Россия, 109542

Речевой жанр рассматривается как педагогически целесообразным способом организованная инновационная модель формирования инструментальной коммуникативной компетенции. В контексте текстоцентрического подхода в лингводидактике сопоставляются различные точки зрения на методику обучения речевым жанрам. Анализируется система упражнений, направленная на развитие прагматической коммуникативной компетенции. Представлены компоненты «паспорта» речевых жанров, востребованных в типичных ситуациях менеджмента, анализируются дидактические приемы создания на основе образца оригинальных текстов.

Ключевые слова: речевой жанр, инновационная модель, текстоцентрический подход, формирование инструментальной коммуникативной компетенции

Проблема разработки, создания инновационных моделей коммуникативной подготовки бакалавров сегодня как никогда является актуальной для современной российской высшей школы. Трудно не согласиться с точкой зрения Т.М. Балыхиной: «... нет ничего сильнее идей, время которых пришло. Инновационные процессы в науках не происходят “вдруг”. Периоду инноваций, как правило, предшествует период накопления фактов, поэтапного развития научных теорий. Теперь можно говорить о том, что филология, педагогика, лингводидактика характеризуются определенной динамикой и даже сменой научных парадигм, концентрацией усилий ученых-исследователей, практиков на главном направлении — формировании системы научных и научно-методических взглядов и идей, в которых осознаются и оцениваются отношения людей к действительности, к обществу, друг к другу... Педагогика и лингводидактика с их трепетным вниманием к личности обучающегося — как ключевой фигуре учебного процесса — и к развитию ее (личности) творческого потенциала оказывают влияние на языковедческие и литера-

туроведческие науки, развивая в них антропоцентризм как принцип изучения научных объектов прежде всего по их роли для человека, по их назначению в его жизнедеятельности, по их функциям в развитии человеческой личности и ее усовершенствовании» [2. С. 45]. Если проанализировать квалификационные требования работодателей к выпускникам вузов, то становится очевидным, что сегодня среди профессионально значимых компетенций лидирует коммуникативная компетенция. Умение выражать свои мысли грамотно, непротиворечиво и целесообразно, навык выстраивания своего речевого поведения в соответствии с ситуацией общения становится «жизненно необходимо» для человека на современном высококонкурентном рынке труда. Значит, усилия методистов должны быть направлены на разработку моделей обучения речи. От качества коммуникативной подготовки профессионалов, призванных работать в системе «человек — человек», зависит смысловая составляющая процесса модернизации отечественного образования в целом. С тем чтобы размышления об инновационных подходах не превратились в модные интенции, дидактам и методистам необходимо обратить особое внимание на формирование прагматической инструментальной компетенции бакалавров. В свою очередь, это, на наш взгляд, предполагает обращение к классическим основам речевой подготовки, которые своими корнями уходят в глубокую древность.

Признаем, что инновации в методике не могут не опираться на незыблемые категории лингводидактики — текст и жанр, ибо внежанровых текстов не существует. Данное утверждение основывается на идеях М. Бахтина, который утверждал: «Мы говорим только определенными речевыми жанрами (РЖ), т.е. все наши высказывания обладают определенными и относительно устойчивыми типическими формами построения целого. Мы обладаем богатым репертуаром устных (и письменных) речевых жанров» [3. С. 179—180].

Начиная с античности, ученые и практики уделяли изучению и обучению РЖ огромное внимание, причем следующие эпохи мало что добавили к античной теории жанров. Известно большое количество определений термина «жанр». В самом общем виде различные словари и справочники определяют жанр как вид, тип произведения искусства с определенными признаками художественной выразительности, сюжетными и стилистическими маркерами, свойственными тому или иному жанру. Известно, что филологические науки дифференцированно подходят к характеристике термина «речевой жанр», выделяя его литературоведческий, риторический, лингвистический аспект. Так, некоторые исследователи считают, что «важным для понимания места жанра в том или ином роде словесности оказывается то, какая действительность в нем отражена и какими языковыми и стилистическими средствами она репрезентирована в связи с ценностными установками данной культуры» [6. С. 16]. Для осмысления концептуальных положений инновационных подходов к созданию модели формирования инструментальной коммуникативной компетенции, в основе которой развитие умений создавать тексты определенных речевых жанров, попытаемся сопоставить некоторые из определений понятия «жанр», имеющих отношение к теме нашего исследования. В педагогическом речеведении под жанром принято понимать такую форму организации речевого материала, выделяемого в рамках того или иного функционального стиля, вид высказываний, которая создается на основе

устойчивых, повторяющихся, т.е. воспроизводимых моделей и структур в речевых ситуациях, где имеют место хоть сколько-нибудь устойчивые, закрепленные бытом и обстоятельствами формы жизненного общения. К.Ф. Седов определяет жанр как устойчивую модель духовной деятельности в определенной социокультурной сфере. Эта модель воплощается в речевых действиях, а значит, в тексте. Таким образом, можно сказать, что ученый предлагает рассматривать РЖ не только как собственно лингвистическое явление. Разделяя и развивая идеи М. Бахтина в определении речевого жанра, К.Ф. Седов настаивает на выделении вербального оформления типических ситуаций социального взаимодействия людей. Авторитетные ученые предлагают обращать внимание на типологию традиционного разделения речевого поведения людей по следующим параметрам: официальное-неофициальное; публичное-непубличное; устное-письменное. Мы солидарны и с К.Ф. Седовым, который настаивал на том, что необходимо не смешивать, а четко разграничивать понятия «жанр-текст». При текстоцентрическом подходе к формированию инструментальной коммуникативной компетенции акцент делается на внутреннем строении текста с точки зрения тех языковых единиц, которые обслуживают межфразовое единство, выполняют композиционную функцию и т.п., в то время как жанроведение опирается на «вербальное отражение интеракции в процессе социально-коммуникативного взаимодействия индивидов» [8. С. 108—110]. Н.В. Орлов считает, что сквозные, или вертикальные, жанровые формы проявляются в различных стилях, сохраняя свою жанровую природу [9. С. 175].

Для педагогики интересной представляется также концепция Т.В. Шмелевой, которая, выделяя информативные, императивные, этикетные, оценочные классы РЖ, в качестве модели их описания и систематизации предлагает «анкету» РЖ, опираясь на которую можно выстроить систему упражнений по формированию навыков распознавания текстов различных РЖ, создания по образцу аналогичных текстов, умения анализировать ликвидность конкретных РЖ, их соответствие ситуации общения. Анкета включает в себя коммуникативную цель автора, содержание текста, фактор коммуникативного прошлого и коммуникативного будущего, языковое воплощение. Хорошо известно, что речевая компетентность влияет на самооценку личности, а умение строить высказывание определенного речевого жанра в соответствии с риторическими законами укрепляет чувство уверенности человека в себе, повышает степень самоуважения и достоинства.

К.А. Долинин настаивает на относительно единообразном речевом поведении членов конкретного социума в стандартных коммуникативных ситуациях, что «обеспечивается механизмом ролевого поведения», это сопоставимо с типичной контекстной моделью Ван Дейка, согласно которой типовой образ адресата регулирует речевую, жанровую роль и поведение адресанта и адресата речи, в рамках которой реализуются их жанровые ожидания, детерминированные установленными предписаниями [5. С. 7—8].

Итак, любое высказывание на интуитивном уровне даже рядовым носителем языка облекается в форму определенного жанра: предложение, комплимент, извинение, просьба, приказ, отчет, мнение, критика и т.п. Эти речевые жанры усваиваются нами так же, как усваивается родной язык. М. Бахтин настаивает на

том, что «научиться говорить — значит научиться строить высказывание». Умеют ли современные студенты строить свою речь? С сожалением приходится констатировать: налицо «онемение» целого поколения учащейся молодежи, которое не способно грамотно, аргументированно, целесообразно выражать свои мысли как в устной, так и в письменной форме. Не случайно с высоких трибун заговорили о необходимости возврата к школьному сочинению как необходимой форме аттестации выпускников. О пагубности пренебрежительного отношения к речевой культуре предупреждал И. Мандельштам: «Онемение двух-трех поколений может привести Россию к смерти: отлучение от языка равносильно для нас отлучению от истории» [Цит. по: 12. С. 127]. Вчерашние выпускники становятся студентами, уроки русского языка и литературы, если это не филологические вузы, образовательными стандартами не предусмотрены, а умение говорить непротиворечиво, убедительно, логично значит в ОК и ПК вуза любого направления подготовки. Что стоит за этими требованиями ФГОС +3? За время обучения в бакалавриате студенту предстоит научиться строить тексты определенных речевых жанров (РЖ), востребованных в типичных ситуациях, обусловленных их будущей профессиональной деятельностью. Трудно не согласиться с тезисом М. Бахтина: «Человек приходит в готовый, устроенный в плане речевого общения мир», создавая «свой» текст в ответ на «чужой», поскольку всякое понимание активно-ответно. Говорящий, являясь инициатором речи, в то же время выступает в роли слушающего, готового ответить на запрос в зависимости от целевой установки автора первичного текста и своего намерения, возможности и желания этот текст воспринять. Бесспорно, на наш взгляд, суждение М. Бахтина о том, что каждый текст «пахнет жанрами...», поскольку единицей речевого общения является не просто продукт говорения одного человека, но и активная ответная реакция слушателя. Мы говорим не просто текстами, мы говорим текстами определенных РЖ, каждый из которых может быть уместен в конкретной ситуации общения, обусловленной как задачами инициатора речи, так и статусом адресанта и адресата, целями и темой, временем, местом ее протекания в рамках диалога.

Вступая в диалогические или иные отношения с говорящим, слушатель, несомненно, опирается на них, полемизируя или соглашаясь. Мы можем сказать, что жанр может быть представлен в виде модели (как типическое) в целях обучения. В этом случае можно говорить о РЖ, который выступает в качестве педагогическим способом организованной инновационной модели обучения речи, где РЖ — это своеобразный посредник между субъектами образовательной деятельности. Но конкретное проявление речевого жанра может существовать только в конкретном индивидуальном высказывании, ибо люди общаются не моделями жанров, а конкретными высказываниями — риторическими текстами, в которых заключены какие-то мысли, облеченные в конкретные языковые, речевые формы. Поэтому в жанре одновременно будет нечто общее, соотносимое с моделью, и индивидуально-конкретное. В нем есть универсальные составляющие в виде композиции риторического текста (композиций достаточно много: каждый тип устойчивого высказывания имеет свои предпочтения в композиционной организации) и есть модели. Когда мы педагогически целесообразным способом организуем процесс освоения или открытия того или иного жанра, мы должны опи-

раться не на индивидуальное (не на бесконечное множество вариантов), а на типическое (правила, канон), которое затем адаптируется индивидуальностью в реальной ситуации. Если у нас нет образа типического, то бесконечное множество вариантов становится непознаваемым. Интересна мысль М.М. Бахтина о том, что человек включается в огромный мир культуры, в котором речевые высказывания существуют как в типическом виде (обобщенный образ действия), так и в конкретном. Человек, живя в мире, все время находится в позиции автора-адресата, он постоянно работает с чужими высказываниями (он их адресат), но одновременно и автор будущего своего высказывания, построенного как отклик на услышанное.

Между тем анализ уровня коммуникативной культуры бакалавров позволяет отметить недостаточно сформированные у них аналитико-синтетические навыки работы с информацией: 1) умение на основе исходного текста создавать свой научно-информативный текст определенного речевого жанра (речь-представление, речь-отчет, речь-мнение, речь-предложение и т.д.); 2) умение действовать в жанре, детерминированном статусно-релевантными отношениями институционального дискурса: «руководитель-подчиненный», «партнер-партнер» и др. Однако текст является для менеджера предметом и продуктом интеллектуального труда, поэтому проблема самореализации личности как процесс и результат приобретения ею статуса субъекта образовательной деятельности, достижения высот профессионального мастерства оказывается сегодня имплицитно связанной с проблемой коммуникативного лидерства.

Компетентностный подход к подготовке будущих управленческих кадров, безусловно, должен учитывать их способность к оптимизации процесса управления с целью сохранения коммуникативного равновесия, что в свою очередь коррелирует умение создавать тексты востребованных в менеджменте жанров: отчет, мнение, предложение, похвальное слово, поздравление, ответное слово, речь на презентации и др. Одна из важных функций управления — контроль, предполагая оценку достигнутых результатов деятельности, выявление негативных последствий и поиск путей совершенствования качества работы, реализуется в процессе проведения совещаний-обсуждений, цель которых — отчет о проделанной работе, анализ выполнения управленческих решений и оценка вклада каждого сотрудника. Участникам и ведущим подобного рода управленческой ситуации нужно владеть такими жанрами речи, как: речь-рефлексия, совет, критика, оправдательная речь и др.

Мы, вслед за М.М. Бахтиным, считаем, что речевые жанры для говорящего имеют нормативное значение. Практическое осмысление понятия «речевой жанр» начинается с анализа текста-образца определенного РЖ, который дает первое представление о «паспорте жанра» и «жанровых ожиданиях». На наш взгляд, в качестве образца могут выступать не только идеальные во всех отношениях тексты, но также тексты «со знаком минус», с тем чтобы путем аналитико-синтетической работы студенты приобрели навык видеть признаки антижанра и научились исправлять ошибки. Например, в качестве самостоятельной работы, учитывая 1) дефицит учебного времени, 2) необходимость закрепить навыки конспектирования, 3) потребность расширить теоретические знания студентов о РЖ, его

типологии, «репертуаре жанров», студентам предлагается выполнить задание «Собери жанр». Действуя в заданной ситуации общения речевом жанре, студенты приобретают навыки точно распознавать коммуникативное намерение автора исходного текста и в соответствии с этим подбирать языковые средства, позволяющие устанавливать и поддерживать диалог с ним. Можно сказать, что переход от рецептивного уровня усвоения к репродуктивному посредством условно-речевых упражнений способствует формированию у студентов стандартизирующего, нормативного языкового навыка использования специальных риторических приемов на уровне имитативных условно-речевых упражнений с опорой на образец. Переход к продуктивным упражнениям, формирующим текстовые и жанровые умения конструктивного характера, позволит использовать дидактический материал, ориентированный на будущую профессиональную деятельность студентов. Так, например, методика обучения построению РЖ доклада-отчета, рассчитанного на диалог, основана на моделях, классифицируя которые по целевой установке автора текста (проинформировать, убедить, усладить и проч.), студенты учатся акцентировать внимание на информации (*что* следует сообщить); на потенциальной или реальной аудитории (*кому* докладывают, *кого* информируют), приглашая ее в соавторы, планируя активно-ответную реакцию, что делает текст адресным, а значит, диалогичным; на выбор языковых средств, при помощи которых предполагается достичь планируемого коммуникативного эффекта.

Сказанное позволяет сделать важный методический вывод: обучая студентов выбирать из жанровой палитры требуемый РЖ, не следует ограничиваться выбором одного-единственного жанра, необходимо учить студентов работать с семантически и структурно близкими разновидностями РЖ. Рецептивно-репродуктивные упражнения позволяют сформировать умение ответственно относиться к выбору РЖ с целью оказать нужное и планируемое влияние на адресата. Выбор квазипрофессиональных и учебно-профессиональных форм обучения отражает текстоцентрический подход к коммуникативной подготовке управленческой элиты. Так, в процессе деловых игр студенты получают реальную возможность последовательно овладеть профессиональными речевыми компетенциями на основе принципа доступности: от менее востребованного жанра (рецензия) к более востребованному (мнение) и от более легкого (конспект) к более сложному (реферат), что позволяет включать приобретенные ранее умения создавать тексты уже освоенного жанра, а также производить компрессию текста (постановка вопроса, номинация проблемы, тезирование) в работу по овладению профессионально ориентированными РЖ: речь-консультация, речь-предложение, речь-отчет и др. Опираясь на составленный паспорт РЖ, студентам предлагается проанализировать текст-образец и ответить на вопросы, выполнить задания:

1. Является ли данный текст «относительно устойчивым высказыванием»?
2. Оправдывает ли текст ваши ожидания по форме изложения, объему, композиции, языку?
3. Достигнута ли цель автора?
4. Докажите необходимость соблюдения положения «паспорта жанра» — создание каждого высказывания зависит от специфических условий — «расшифруйте» этот тезис.

5. Докажите правильность концепции М.М. Бахтина — каждое речевое произведение имеет коммуникативную цель (сообщить сведения) и задачу (убедить аудиторию в важности авторской позиции) — на примере данного текста.

6. Как проявляется в тексте такой признак РЖ, как язык, стиль, что вы можете сказать по этому поводу?

7. Охарактеризуйте композицию текста: постановка проблемы или определение темы и задач сообщения и т.д. Расширьте содержание информации за счет собственных примеров и аргументов. Создайте на основе текста-образца РЖ-мнение и др. Выберите для себя социальную роль.

Известно: каждый жанр речи, отличаясь определенной системой закреплённых за ним специфических признаков, среди которых наряду с набором инвариантных, строго обязательных текстообразующих признаков, постоянно повторяющихся в процессе создания новых текстов одной жанрово-стилистической принадлежности, основанной на стереотипности структурно-композиционных компонентов их организации, все же открывает индивидуально-вариативные возможности как для порождения текста, так и для его восприятия.

Таким образом, инновационные методики преподавания речеведческих дисциплин ориентированы на формирование прагматических знаний, умений и навыков обучающихся, имеют вполне конкретную дидактическую установку — развивать инструментальные компетенции бакалавров. Инновационный подход — это не просто выбор преподавателя, это реальный методический шанс формирования навыков продуктивного взаимодействия субъектов образовательного дискурса, призванный стать основой овладения студентами профессионально значимыми компетенциями.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Арутюнова Н.Д.* Жанры общения // Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейксис. М., 1992. С. 52—53.
- [2] *Балыхина Т.М.* Структура и содержание российского филологического образования. Методологические проблемы обучения русскому языку. М.: Изд-во МГУП, 2000. 400 с.
- [3] *Балыхина Т.М.* Содержательно-композиционная специфика устной профессионально-деловой речи: учеб. пособие. М.: РУДН, 2008. 218 с.
- [4] *Бахтин М.М.* Проблема речевых жанров // Собр. соч. в 7 томах. Т. 5. М.: Русские словари, 1996. С. 159—206.
- [5] *Долинин К.А.* Речевые жанры как средство организации социального опыта // Жанры речи. Саратов, 1999.
- [6] Жанры русской словесности: межвузовский сборник научных трудов / под ред. И.Ю. Чистяковой; сост.: И.Ю. Чистякова, К.Б. Бадалова. Астрахань: Астраханский государственный университет: Астраханский университет, 2014.
- [7] *Матвеева Т.В.* Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика. М.: Флинта: Наука, 2003.
- [8] *Морозова А.В.* Речевая избыточность и речевая недостаточность как одна из проблем культуры речи // Русская словесность. 2004. № 6. С. 75.
- [9] *Орлов Н.В.* Жанры разговорной речи и их «стилистическая обработка». К вопросу о соотношении стиля и жанра // Жанры речи. Саратов, 1997.
- [10] *Седов К.Ф.* Жанр и коммуникативная компетенция. Жанры повседневного общения и повседневная речь // Хорошая речь / под ред. М.А. Кормилицыной и О.Б. Сиротининой. Саратов: Изд-во Саратов. универ., 2001.

- [11] Тартынский В.В. Использование игровых технологий в процессе обучения русскому языку и культуре речи студентов-управленцев // Русская словесность. № 5. 2013. С. 73—76.
- [12] Черкашина Т.Т. Критерии оценки уровня сформированности диалогической компетентности студентов-экономистов // Вестник ТГПУ. 2011. Вып. 2. С. 124—129.

Для цитирования: Черкашина Т.Т. Речевой жанр как модель формирования инструментальной коммуникативной компетенции // Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2016. № 3. С. 76—84.

SPEECH GENRE AS A PEDAGOGICAL METHOD ORGANIZED AND DEMANDED AN INNOVATIVE MODEL OF FORMING TOOL OF COMMUNICATIVE COMPETENCE

T.T. Cherkashina

State University of management
Ryazaskiy Avenue, 99, Moscow, Russia, 109542

Speech genre is seen as a pedagogical method organized an innovative model of forming tool of communicative competence. In the context textcentric approach to didactics are mapped to different points of view on the methods of teaching speech genres. Analyzed the system of exercises aimed at the development of pragmatic communicative competence. Presents the components of “passport” speech genres that are in demand in typical situations, management, analyses the didactic methods of creating on the basis of a sample of the original texts.

Key words: speech genre, innovative model, textcentric approach, the instrumental formation of communicative competence

REFERENCES

- [1] Arutyunova N.D. *Zhanry obshheniya. Chelovecheskii faktor v jazyke. Kommunikacija, modal'nost', deiksis* [Genres of communication. The Human factor in language. Communication, modality, deixis]. Moscow, 1992. P. 52—53.
- [2] Balyhina T.M. *Struktura i sodержanie rossiiskogo filologicheskogo obrazovanija. Metodologicheskie problemy obuchenija russkomu jazyku: Nauchnoe izdanie* [The Structure and content of the Russian literary education. Methodological problems of teaching the Russian language: Scientific publication]. Moscow: Izd-vo MGUP Publ., 2000. 400 p.
- [3] Balyhina T.M. *Soderzhatel'no-kompozicionnaja specifika ustnoi professional'no-delovoi rechi: Uchebnoe posobie* [Content and composition specifics of the oral professional-business communication: textbook]. Moscow, RUDN Publ., 2008. 218 p.
- [4] Bahtin M.M. *Problema rechevyh zhanrov. Sobr. soch. v 7 tomah. T. 5* [Problem of speech genres. Coll. CIT. in 7 volumes. Vol. 5. Moscow: Russian dictionaries]. Moscow, «Russkie slovari» Publ., 1996. P. 159—206.
- [5] Dolinin K.A. *Rechevye zhanry kak sredstvo organizacii social'nogo opyta. Zhanry rechi* [Speech genres as means of organization of social experience. Speech Genres]. Saratov, 1999.
- [6] *Zhanry russkoi slovesnosti: mezhvuzovskii sbornik nauchnyh trudov / pod red. I. Yu. Chistjakovoi; sost.: I. Yu. Chistjakova, K.B. Badalova* [The Genres of Russian literature: interuniversity collec-

- tion of scientific works / under edition of I.Y. Chistyakova; comp.: I.Y. Chistyakova, K.B. Badalov]. Astrahan': Astrahanskii gosudarstvennyi universitet. Izdatel'skii dom / "Astrahanskii universitet" / Publ., 2014.
- [7] Matveeva T.V. *Uchebnyi slovar': russkii jazyk, kul'tura rechi, stilistika, ritorika* [Dictionary: Russian language, speech culture, stylistics, rhetoric]. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2003.
- [8] Morozova A.V. *Rechevaja izbytochnost' i rechevaja nedostatochnost' kak odna iz problem kul'tury rechi* [Redundancy and voice speech impairment as one of the problems of speech culture]. (*Russkaja slovesnost'*) — (Russian literature). 2004. № 6. P. 75.
- [9] Orlov N.V. *Zhanry razgovornoj rechi i ih /«stilisticheskaja obrabotka»/. K voprosu o sootnoshenii stilja i zhanra. Zhanry rechi* [The genres of spoken language and their “stylistic treatment”. To the question of the relationship between style and genre. Speech Genres]. Saratov, 1997.
- [10] Sedov K.F. *Zhanr i kommunikativnaja kompetencija. Zhanry povsednevnogo obshhenija i povsednevnaja rech'. Horoshaja rech' / pod red. M.A. Kormilicynoi i O.B. Sirotininoi* [Genre and communicative competence. Genres of everyday communication and everyday speech. Good speech / under the editorship of M.A. Kormilitsyna and O.B. Sirotinina]. Saratov: Izd-vo Saratov univer. Publ., 2001.
- [11] Tartynskih V.V. *Ispol'zovanie igrovyh tehnologij v processe obuchenija russkomu jazyku i kul'ture rechi studentov-upravlencev* [Use of gaming technology in learning Russian language and speech culture of students-managers]. (*Russkaja slovesnost'*) — (Russian literature). 2013. № 5. P. 73—76.
- [12] Cherkashina T.T. *Kriterii ocenki urovnja sformirovannosti dialogicheskoi kompetentnosti studentov-yekonomistov* [Evaluation criterias of dialogical competence of students-economists]. (*Vestnik TGPU*) — (Bulletin of TSPU). 2011. L. 2. P. 124—129.

For citation: Cherkashina T.T. *Rechevoj zhanr kak model' formirovanija instrumental'noj kommunikativnoj kompetencii* [Speech genre as a pedagogical method organized and demanded an innovative model of forming tool of communicative competence]. Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Education Issues Series: Languages and Specialty. 2016, no. 3, pp. 76—84. (In Russian)

ФОРМИРОВАНИЕ НАВЫКОВ ФОРМАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ У ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО И ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

О.Н. Липатникова

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В статье рассматривается вопрос формирования основ культуры общения у обучающихся в школе, а также роль семьи и школы в этом процессе. В соответствии с требованиями ФГОС выпускник должен обладать достаточным уровнем внутренней культуры, коммуникативной компетенцией, чтобы успешно вести общение формального и неформального характера. Учебно-воспитательная работа по вопросам культуры общения, речи, этикета, делового языка позволит подготовить обучающихся к самостоятельной жизни, адаптации в социуме. Разработка специальных игр, тестов, пособий по развитию речи, книг для чтения поможет сделать учебно-воспитательную работу по формированию основ культуры общения в семье и школе эффективной и успешной.

Ключевые слова: культура общения, культура речи, учебно-воспитательная работа, обучающиеся, выпускники, школа, семья, коммуникативная компетенция, формальное общение

Феномен общения с глубокой древности являлся объектом пристального наблюдения философов, ораторов. Способам решения коммуникативных проблем, культуре речи, коммуникативной компетентности в различных ситуациях формального и неформального общения уделяется внимание во всем мире и сегодня (В. Биркенбил, Л. Браун, Г. Бройниг, Д. Джеймс, М.Х. Маккормак, Х. Рюкле, А. Пиз, Поль Л. Сопер, Р. Фишер, У. Юри, Д. Честара, Р. Шмидт, Р.А. Шнаппауф, Э. Шостром, Д. Шпигель, О. Эрнст и др.).

Проблемы русской речевой культуры, способы снижения конфликтности и агрессии во всех социальных сферах уже давно волнуют российскую общественность. Все чаще исследователи проблем общения говорят о необходимости широкого, массового обучения культуре речи, стилистике, риторике, теории общения (А.А. Акишина, Т.М. Балыхина, Л.К. Граудина, В.Г. Костомаров, К.В. Маёрова, В.И. Максимов, В.П. Синячкин, Н.П. Формановская и др.), о возрастающей потребности в учебниках по общению, как общих, так и ориентированных на людей различных специальностей (А.А. Акишина, М.В. Колтунова, К.В. Маёрова, А.П. Панфилова, Н.П. Формановская и др.), о формировании навыков эффективной речевой коммуникации и способах предотвращения агрессии в речи (Н.Е. Петрова, Л.В. Рацибурская, Ю.В. Щербинина), о широкой, массовой востребованности делового языка (В.П. Андреев, П.В. Веселов, Ф.А. Кузин, М.В. Колтунова, В.С. Кукушин, К.В. Маёрова, Л.В. Рахманин, А.П. Панфилова, И.А. Стернин, П.И. Фролова и др.).

С советских времен в общественном сознании к этикету, правилам речевого поведения закрепилось отношение как к чему-то несущественному, некоему излишеству в повседневной жизни. Этим объясняется тот факт, что вопросам эти-

кета, культуры общения, делового языка практически не уделяется серьезного внимания как в российских школах (1), так и во многих семьях. Занятия по культуре речи часто нацелены на формирование навыков соблюдения орфоэпических, грамматических, синтаксических, стилистических норм и не затрагивают проблем общения в целом. Отсутствие должного внимания к этим вопросам, распространение агрессии в языке СМИ и других стилевых разновидностях литературного языка повлекло за собой снижение культуры речи, культуры поведения, мешает успешному решению многих деловых и бытовых проблем, что приводит к росту социальной напряженности, разжиганию межличностных конфликтов и недопониманий. Вместе с тем в российском обществе происходит понимание того, что «коммуникативная компетентность... может помочь реализовать свои замыслы и намерения, стать преуспевающим человеком, вызывающим уважение...» у окружающих [4. С. 7]. Возрастает потребность в специалистах, обладающих высокими духовно-культурными, морально-этическими принципами, компетентных в деловом общении [3. С. 70—79]. Повышается уровень требований к человеку в обществе, деловой среде: «Умение грамотно писать, оформлять служебные документы в соответствии с нормами стилистики и делового этикета является необходимым требованием времени. ... наряду с профессиональными знаниями и умениями сегодня ценят новые способности, касающиеся устного и письменного общения» [6. С. 4].

Работа в школе, общение с обучающимися, выпускниками показывает, что ученики, как правило, при обращении в административные, муниципальные и т.п. органы (например, при получении паспорта гражданина РФ, подаче документов в учебное заведение) обращаются за помощью к родителям, родственникам, учителям, многие не готовы общаться на официальные темы, понимать текст документа, писать заявление и пр., т.е. не подготовлены к формальным, деловым отношениям. Зачастую ученик школы не чувствует себя равным участником общения, испытывает неуверенность в себе, в своем поведении, в том числе речевом, ощущает свое несоответствие ситуации. Он не знает, как правильно обратиться к собеседнику, каким тоном разговаривать, как получить необходимую информацию и пр., что негативно сказывается на отношении собеседников к нему.

Как правило, до определенного момента неуверенность в ситуациях формального общения воспринимается как естественное явление, не противоречащее статусу обучающегося. Однако через 1-2 года после окончания школы выпускник достигает совершеннолетия и уже имеет право трудоустройства на общих основаниях (2), вступать в брак, получать водительское удостоверение, голосовать на выборах и пр. Бывший школьник ощущает, что к нему предъявляются новые требования: в обществе, в деловой среде от него ожидают умения вести беседу формального характера, отвечать на деловые телефонные звонки, составлять документы и т.п., а отсутствие этих навыков воспринимается обществом как несоответствие статусу взрослого человека.

Воспитание гражданина, проявляющего уважительное, доброе отношение к окружающим людям, формирование основ деловой культуры и речи человека является важной задачей современного образования, поэтому проблема включе-

ния в программу школьного обучения вопросов культуры общения, речи, делового языка уже давно волнует как учителей русского языка, так и родителей.

В Федеральном государственном образовательном стандарте среднего общего образования сформулированы требования к уровню подготовки выпускников школ. Среди личностных характеристик, составляющих «портрет выпускника школы», обозначены такие, как «уважающий мнение других людей, умеющий вести конструктивный диалог, достигать взаимопонимания и успешно взаимодействовать», «готовый к сотрудничеству», «социально активный», «уважающий свой народ, его культуру и духовные традиции». Среди результатов освоения основной образовательной программы отмечаются «умение самостоятельно осуществлять, контролировать и корректировать деятельность»; «умение эффективно разрешать конфликты»; «умение ясно, логично и точно излагать свою точку зрения, использовать адекватные языковые средства», «толерантное сознание и поведение в поликультурном мире» и пр. [5. С. 4—7]. Таким образом, выпускник общеобразовательной школы должен обладать достаточным уровнем внутренней культуры, коммуникативной компетенции, чтобы самостоятельно решать вопросы в ситуациях формального и неформального общения.

Подготовка человека к самостоятельной жизни, его успешная адаптация в социуме является результатом учебно-воспитательной работы и семьи, и образовательного учреждения (детского сада, школы). К сожалению, часто со стороны родителей в адрес воспитателей и учителей можно услышать такие высказывания: «Мы свою задачу выполнили — родили, а воспитывать уже вы должны, это ваша работа» (3). В свою очередь, многие педагогические работники считают, что они должны заниматься исключительно образовательной деятельностью, а функции воспитания полностью выполняет семья (4). Такая позиция родителей и учителей вредна и пагубно влияет на развитие как отдельного человека, так и общества в целом. Образование и воспитание в семье и школе являются двумя взаимодополняющими аспектами одного процесса.

Формирование основ культуры общения представляет собой длительный процесс, который включает в себя усвоение морально-нравственных ценностей, разносторонних знаний о традициях народа, этикете, культуре поведения и речи, деловом языке и охватывает практически все этапы развития личности. Обучение культуре общения в детском и подростковом возрасте положительно влияет на становление системы ценностей человека, его морально-этических, духовно-культурных основ. Язык формального общения, несмотря на наличие штампов, клише, оставляет возможность для творческого подхода. Отсутствие эмоционально окрашенных единиц не означает сухость и безразличие, наоборот, в формальном общении необходимы чуткость, понимание, доброжелательный настрой и т.д. Уважительные отношения к собеседнику, отсутствие агрессии и пренебрежения к потребностям другого человека, позволяют прийти к соглашению на взаимовыгодных условиях, без нанесения личности собеседника моральных, эмоциональных, а иногда и физических травм. Таким образом, мы видим, что изучение языка и культуры становится важным условием успешной деятельности обучающегося в межличностной, общественной, учебной, а впоследствии и профессиональной сфере.

В ситуациях своеобразного формального общения ребенок оказывается еще в детском саду и начальной школе. Он учится строить отношения как с ровесниками, так и со старшими по возрасту и статусу людьми. Традиционно в этот период дети усваивают, что обращаться к старшим нужно по имени-отчеству, на «вы», здороваться при встрече, прощаться при расставании, выражать благодарность, просьбу, применять другие этикетные формулы. Воспитанники и обучающиеся начинают понимать, каким тоном можно разговаривать и какие темы уместно обсуждать с воспитателями, учителями. По интонации, которую ребёнок применяет при общении с другими детьми, можно понять, какие отношения и методы воспитания преобладают в его семье и детсадовской группе. Следует отметить, что дети, особенно дети дошкольного и младшего школьного возраста, чувствительны к манерам родителей, воспитателей, учителей и с раннего детства им подражают [1. С. 209], поэтому при обучении детей речевым нормам и в семье, и в учебном учреждении необходимо стараться создавать такую среду, в которой речевое поведение взрослых соответствует содержанию обучения. Необходима разработка специальных игр, пособий по развитию речи, книг для чтения с родителями и воспитателями, которые способствовали бы не только успешному усвоению норм поведения, но и формированию навыков по выбору интонации, правильному обращению к человеку в различных ситуациях и пр. «Формирование навыков эффективной речевой коммуникации, не допускающей грубости, бестактности, и обучение умению предотвращать проявление агрессии в детской речи...» — одна из задач обучения общению [7. С. 4].

По мере взросления человека расширяется и круг ситуаций формального общения: разговор с учителем, директором, одноклассниками в рамках урока, выступление на конференции, участие в общественной работе. Обучающемуся часто приходится общаться с незнакомыми или малознакомыми людьми в общественных местах. Он уже осознанно стремится соответствовать нормам поведения, принятым в обществе, и начинает самостоятельно ощущать потребность в их изучении.

Можно сказать, что частой проблемой обучающегося в возрасте 12—15 лет является нерешительность, неуверенность в себе [2]. Школьник стесняется обратиться за получением необходимой информации к незнакомому человеку. Испытывая волнение, тревогу, он зачастую не может ясно сформулировать свои потребности. Существует и обратная проблема: некоторые обучающиеся чувствуют себя слишком раскованно, не определяют границ формального и неформального общения, позволяют себе использование не соответствующей ситуации лексики, интонации, проявляют агрессию. Выработка алгоритма действий в типичных деловых ситуациях позволила бы не только преодолеть барьеры и вступить в общение, но и обратить внимание участников на возможные негативные последствия несоответствующего поведения: отсутствие межличностного контакта с человеком, от которого зависит дальнейший успех, потерю статуса в коллективе, появление чувства неуверенности и неудовлетворенности собой, трудности в приеме на работу и пр. В процессе обучения с помощью специально разработанных тестов, деловых игр, анализа художественных текстов полезным будет рассмотрение таких актуальных ситуаций, как звонок классному руководителю, за-

пись в библиотеку, беседа с руководителем межшкольного проекта, обращение к председателю ученического совета, самостоятельный визит к врачу, звонок на работу маме, конфликтная ситуация в общественном транспорте, собеседование с менеджером сетевого кафе для дальнейшего устройства на работу в летний период и пр.

Для учащихся 10—11 классов наиболее актуальным становится знакомство с ситуациями общения, связанными с поступлением в учебное заведение, трудоустройством. Подобного рода ситуации, как правило, требуют от соискателя навыков работы с такими видами документов, как заявление, резюме, деловая автобиография, договор, деловое письмо и т.д. Каждый документ имеет свои особенности. Возможность практиковаться в их создании, разбор ошибок позволили бы ученикам овладеть навыками составления официальных бумаг и свободно применять их в реальной жизни.

Выбор жанров устного делового общения также может определяться практической значимостью для учащихся. Например, большое значение приобретает знакомство с жанром делового телефонного разговора, деловой беседы, примером здесь послужат типичные деловые ситуации: собеседование при приеме на работу, телефонный разговор с начальником, общение с коллегами, клиентами, деловыми партнерами.

Современные программы по русскому языку достаточно насыщены, а временные рамки прохождения материала ограничены, поэтому степень необходимости включения материала по формальному общению в урочную и внеурочную работу определяется каждым учителем индивидуально. Формирование деловых коммуникативных компетенций выполняет не только обучающую, но и воспитывающую функцию, способствует интеллектуальному развитию, повышению уровня внутренней культуры человека, формированию нравственно положительной личности. Рассмотренный минимум средств делового языка является достаточным для успешного решения ряда бытовых, трудовых и социальных проблем человека, он также может стать базой для подготовки к деловому общению на высокопрофессиональном уровне.

В обязательной образовательной программе вопросы русского делового общения, культуры речи практически не рассматриваются, в лучшем случае формирование навыков формального общения осуществляется в рамках элективных и факультативных занятий. Между тем при подготовке по иностранному языку в школе «деловое письмо» является обязательным для изучения и задания по этой теме включены в варианты ЕГЭ. Принимая во внимание сказанное выше, повторим, что деловой речи следует уделять больше внимания в современной школе.

В овладении культурой общения заинтересованы не только российские школьники, но и иностранные учащиеся, дети мигрантов, билингвы, изучающие русский язык в неродной среде.

Формирование навыков формального общения в школе окажет положительное влияние на формирование деловой коммуникативной компетенции широких масс, будет способствовать сокращению культурного разрыва между людьми с высшим образованием и без него, жителями мегаполисов и людьми из регионов, сельской местности.

Включение этих вопросов в программу обучения при правильном распределении материала не потребуют от учителя больших временных затрат. Такие знания, на наш взгляд, соответствуют требованиям ФГОС, так как способствуют достижению личностных, метапредметных, предметных результатов, «дальнейшему успешному профессиональному обучению и профессиональной деятельности» [5. С. 7].

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) В связи с тенденцией объединения школ и детских садов в образовательные комплексы в данной статье термин «школа» включает в себя и дошкольные учреждения.
- (2) Не на особых условиях, как в 14 лет.
- (3) Из диалога родителя и учителя 3 класса.
- (4) Из бесед учителей одной из московских школ.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Гиппенрейтер Ю.Б.* Общаться с ребёнком. Как? М.: АСТ: Астрель, 2012. 350 с.
- [2] *Кон И.С.* Психология ранней юности. М: Просвещение, 1989. 230 с.
- [3] *Маёрова К.В., Анисимова А.В.* Инновационные методики преподавания русского языка делового общения магистрам-филологам, будущим преподавателям. М.: РУДН, 2008. 345 с.
- [4] *Панфилова А.П.* Деловая коммуникация в профессиональной деятельности: учеб. пособие. СПб.: Знание: ИВЭСЭП, 2004. 495 с.
- [5] Приказ Минобрнауки России от 6 октября 2009 г. № 413 «Об утверждении и введении в действие федерального государственного образовательного стандарта среднего общего образования». URL: минобрнауки.рф/документы/543 (Дата обращения 11.01.2016).
- [6] *Фролова П.И.* Аксиомы делового письма и делового общения: учебно-методическое пособие. Омск, 2012. 80 с.
- [7] *Щербинина Ю.В.* Русский язык. Речевая агрессия и пути ее преодоления. М.: Флинта: Наука, 2004. 240 с.

Для цитирования: Липатникова О.Н. Формирование навыков формального общения у детей дошкольного и школьного возраста // Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2016. № 3. С. 85—91.

BUILDING COMMUNICATION SKILLS WITH PRE-SCHOOLERS AND SCHOOLCHILDREN AT HOME AND AT SCHOOL

O.N. Lipatnikova

Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198

The article focuses on the relevance of building the basics of cultural communication with schoolchildren both at school and at home. In compliance with the Federal State Education Standard a school-leaver is expected to have mastered a high enough level of interpersonal culture, communicative competence for formal and informal communication. Teaching communication and speaking

techniques, speech etiquette, business language will enable school-leavers to get adapted to independent life in the society. Developing special games, tests, speech manuals and readers may make the process of building communication skills successful and efficient.

Key words: culture of communication, culture of speech, educational guidance, students, school-leavers, school, communicative competence, formal communication

REFERENCES

- [1] Gippenrejtser Ju.B. Obshhat'sja s rebjonkom. Kak? [Communicating with a child. What are the ways?] Moscow, AST: Astrel' Publ., 2012. 350 p.
- [2] Kon I.S. Psihologija rannej junosti [Adolescence psychology]. Moscow, Prosveshhenie, 1989. 230 p.
- [3] Majorova K.V., Anisimova A.V. Innovacionnye metodiki prepodavanija russkogo jazyka delovogo obshhenija magistram-filologam, budushhim prepodavateljam [Innovative methods of teaching Business Russian to Masters of Philology, teachers of Russian]. Moscow, RUDN Publ., 2008. 345 p.
- [4] Panfilova A.P. Delovaja kommunikacija v professional'noj dejatel'nosti [Business communication during professional activity]. St-Petersburg, Znanie, IVJeSJeP Publ., 2004. 495 p.
- [5] Prikaz Minobrnauki Rossii ot 6 oktjabrja 2009 goda № 413 «Ob utverzhdenii i vvedenii v dejstvie federal'nogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standarta srednego obshhego obrazovanija» [Order of Ministry of Education and Science of the Russian Federation № 413 of October the 6th of 2009 «About the approval and implementation of National Education Standards of general secondary education»]. URL: минобрнауки.рф/документы/543 (accessed 11 January 2016).
- [6] Frolova P.I. Aksiomy delovogo pis'ma i delovogo obshhenija [Axioms of business writing and business communication]. Omsk, 2012. 80 p.
- [7] Shherbinina Ju.V. Russkij jazyk. Rechevaja agressija i puti ejo preodolenija [The Russian Language. Verbal aggressions and the ways of overcoming it]. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2004. 240 p.

For citation: Lipatnikova O.N. Formirovanie navykov formal'nogo obshhenija u detej doskol'nogo i shkol'nogo vozrasta [Building communication skills with pre-schoolers and schoolchildren at home and at school]. Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Education Issues Series: Languages and Specialty. 2016, no. 3, pp. 85—91. (In Russian)

РУССКАЯ И РУССКОЯЗЫЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА: ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ И ОБУЧЕНИЯ. МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД

BAKHTIN: THE DANGERS OF DIALOGUE

A.V. Khorev

Universities of Los Angeles, San Bernardino, and Santa Cruz
196 B Sylvan Way, Boulder Creek, USA, CA 95006

This article focuses on the relation to the Other — the underlying aspect of dialogism — in the works of Mikhail Bakhtin. His approach to heterology (science or knowledge of the Other) is fundamental to analysis of such themes of his oeuvre as carnival (laughter), history, and economy of human existence.

On a certain stage it appears, that two configurations may be distinguished in Bakhtin's conception of the Other. First, the Other dominated and appropriated by the subject, or Author, or Self in the dialogic relation — it is only a provisional Other. The second is the irreducible Other, outside the possibility of adequate knowledge and thus potentially excluded from dialogue. Thus, the end of dialogue, the silence remains as a dark shadow on the horizon of the meaningful discursive logic. Moreover, the concepts of meaning and truth itself seem to be jeopardized here, since “answers to questions is what I call ‘meanings’” (Bakhtin).

Nevertheless, Bakhtin never openly questions the fundamental values of knowledge and final truth; his position may be summed up thus: «The truth is out there. Only it is probably not cognizable to an individual. Or may be not to anybody».

Key words: the Other, heterology, dialogism, the provisional Other, the irreducible Other, communicative dangers of Dialogue

In his writings on Bakhtin, Tzvetan Todorov (and subsequently American translators of Todorov's books) translates ‘*raznorech'e*’, one of Bakhtin's cornerstone notions, as ‘*hétérologie*’ (heterology, science or knowledge of the Other)¹. While Emerson and Holquist's ‘heteroglossia’ (in *The Dialogic Imagination*) may be closer to the Russian term, Todorov's translation is fully legitimate: a possible stress on the aspect of ‘logos’ — thought, knowledge (as in ‘logic’) as well as on the aspect of ‘logos’ — word (as in ‘philology’) is meaningful given the global scope and implications of Bakhtin's ideas. In fact, such fundamental aspects of Bakhtin's heterology as carnival (laughter), history (time and space), economy (appropriation versus expenditure) are all related to the key

concept of his world outlook — dialogism — which, in turn, is rooted in Bakhtin's theory of discourse. The relation to the Other — the underlying aspect of dialogism — is the focus of this essay.

By definition, dialogue presupposes some kind of communication, verbal *par excellence*, with another interlocutor. In Bakhtin's works, dialogue manifests itself, depending on the level of complexity and on the area of implementation (e.g. literary discourse proper vs. history), in a synonymous chain: double- and polyvoicedness (*mnogogolosost'*), polyglossia (*mnogoiazychie*), heteroglossia in additionally varying aspects (*raznorech'e*, *raznogolosost'*, *raznoiazychie*), polyphony, hybridization and so forth. These terms have their antonyms in monologue, homology, one-voicedness and so forth. The limits of dialogism are posed: on one hand it is 'the mutual nonunderstanding represented by people *who speak in different languages*'². This limit is considered by Bakhtin to be only a provisional one, in view of the general ability of, and the modern world tendency to, learning other languages. On the other hand, there is another limit that is altogether more important and indicated in opposition to the very principle of dialogism: this is the word removed from live communication — the monological, and first of all, the authoritative word. (It is worth indicating that for Bakhtin, as is generally the case in Russian, 'word' can also mean 'speech', 'discourse', and even 'language', depending on the context, although more exact equivalents for all these notions exist as well.)

The immediate implication of this premise is the whole system of subsequent oppositions operative in Bakhtin's conception; most importantly, the interactive essence of the dialogical word is opposed to a static word of the language understood as a stable structure (Saussurean 'langage'), and the social dimension of dialogue to individualistic tendencies. At this point, I will focus on the following, closely interconnected, aspects of dialogism.

The staple of carnivalesque and dialogized culture is its collective, anti-individualist basis. Even leaving aside the radical formulations of *Rabelais and his World*, where the individual is sometimes seen as nothing more than a 'fertilizer' for the growth of the collective, formulations like the following are typical: Oppositions between individuals are only surface upheavals of the untamed elements in social heteroglossia, surface manifestations of those elements that play *on* such individual oppositions, make them contradictory, saturate their consciousness and discourses with a more fundamental speech diversity [2. P. 326]. In Bakhtin's theory of literary genres, *individual* is the main characteristic of poetry, which opposes it to the dialogical genre *par excellence*, the novel [2. P. 264—329]. In fact, the poetic and the novelistic become representative of the forces underlying all social, linguistic, and literary phenomena: 'At the time when major divisions of the poetic genres were developing under the influence of the unifying, centralizing, centripetal forces of verbal-ideological life, the novel — and those artistic-prose genres that gravitate toward it — was being historically shaped by the current of decentralizing, centrifugal forces' [2. P. 272—73]. Thus, poetry is essentially 'single-voiced', unlike the 'authentic double-voicedness' of the novel. Furthermore, poetry operates with what Bakhtin calls 'direct word' that 'acknowledges only itself (that is, only its own context), its own object, its own direct expression and its own unitary and singular language' [2. P. 276]. In turn, this [u]nitary language constitutes the theoretical expression of the historical processes of linguistic unification and centralization, an expression of the centripetal forces of language. A unitary language is not something given [*dan*] but is

always in essence posited [*zadan*] — and at every moment of its linguistic life it is opposed to the realities of the heteroglossia [2. P. 270].

However, some important correlations complicate the concept of dialogism at this point. “Every discourse has its own selfish and biased proprietor; there are no words with meanings shared by all, no words ‘belonging to no one’” [2. P. 401]. In fact, it makes sense that the dialogized word is opposed to the dogmatic one, as unique is opposed to unitary; such a uniqueness is, at least in part, constituted by the *individuality* of the personalized interlocutor. Thus, in Bakhtin’s words to this effect: the ‘authentic environment of the utterance, the environment in which it lives and takes shape, is dialogized heteroglossia, anonymous and social as language, but simultaneously concrete, filled with specific content and accented as an *individual utterance*’ [2. P. 272; emphasis added]. Actually, in one short paragraph Bakhtin manages to oppose the ‘poet’s *individuality* as reflected in his language and speech’ to the ‘social heteroglossia and the variety of *individual voices in it, the prerequisite for authentic novelistic prose*’ (p. 264; emphasis added). In addition, the same *individual* poetic idiom is actually equated in the same text (‘Discourse in the Novel’) with a ‘*common* unitary language’ and a ‘system of linguistic norms’ [2. P. 270; emphasis added]. All this requires some further analysis; for now, though, I will turn to another, yet closely related, aspect of dialogism.

The direct, individual, poetic word is formally and essentially completed or finalized (*zavershenno*), whereas the dialogized, carnivalistic, novelistic word is always open to heteroglot operation and is never finalized. Thus, in Dostoevsky’s novels, ‘*nothing conclusive has yet taken place in the world, the ultimate word of the world and about the world has not yet been spoken, the world is open and free, everything is still in the future and will always be in the future*’³. In fact, the opposition between the always contextual dialogized word and the opaque, finalized word leads Bakhtin to the implicit and sometimes explicit valuation of speech and utterance in live form over the written — and thus, in a certain sense, finalized — text⁴.

Here we should recall the economical basis for the dialogized culture of the carnival — the economy of appropriation. Thus, Bakhtin notes that “Paul Lehmann states outright that the history of medieval literature and its Latin literature in particular ‘is the history of appropriation, re-working and imitation of someone’s else property’”... — or as we would say, of another’s language, another’s style, another’s word’⁵. The juxtaposition of word with material property here is characteristic, for the very essence or *force motrice* for the collective progress of humanity in the carnivalesque conception is the ‘material surplus’, quantitative growth of matter, and the consequent valuation of the *thing*⁶. This opaqueness and materiality obviously contradicts the above stated “openendedness” (*nezavershennost’*) of the dialogized word. The following complicates the argument even further.

The problem of reification on the ethical plane is (at some point at least) interpreted by Bakhtin in unambiguously Marxist terms: man becomes thing in class society, particularly under capitalism, where the ‘reifying devaluation of man had permeated into... the very foundations of human thinking’ [3. P. 62]. ‘This is violence in all possible forms of its manifestation: economical, political, ideological; it is not possible to fight these forces except on the exterior plane and by exterior means (a justified revolutionary violence). *Personal self is what is at stake in this fight*’⁷. This confrontational premise leads

to certain deterministic aspects of Bakhtin's heterology, or, to use de Man's expression, to 'dialectical imperialism' in Bakhtin's dialogism with its ideologically sanctioned violence. Speaking about discourse proper, it 'is still warm from that [social] struggle and hostility, as yet unresolved and still fraught with hostile intentions and accents'; generally, Bakhtin's dialogical vocabulary is saturated with the spirit of aggressive confrontation and military-style terminology such as 'enemy territory', 'borders', 'resistance', 'domination' and so forth [2. P. 331 and passim]. The ideological premise of the Marxist class struggle provides, in fact, one more reason for the anti-poetical stance: in a convincing interpretation of Mikhail Gasparov, Bakhtin — a 'man of a new culture' — attacks poetry as a traditional 'high' genre in the literary hierarchy⁸.

Subtracted from the personalized dialogical exchange (for instance, between the speaker or author, and the listener or reader), the word also runs the danger of reification (e.g. poetical word) [6. P. 346]. Hence the all-important opposition of '[t]he thing and person (subject) as the *limits* of cognition'. The most important second part of Bakhtin's syllogism is the opposition of thing to sense (meaning) [6. P. 385, 387]. Thus, the subject (self) participating in dialogue, and a meaning correlated to the dialogized word, are interdependent and to a certain extent are a precondition of each other. With all this, '[o]ne must not forget that thing and person are *limits* and not absolute substances' [6. P. 387]. So that even a reified substance can and should be 'turned into a meaningful context for the thinking, speaking and (creatively) acting *individual*' (ibid.; emphasis added). Thus, opposite processes are always (potentially) at play: '*reification and personalization*', recognizable as versions of centripetal and centrifugal forces [6. P. 391, 392]. However, as we already saw, it is precisely the opaqueness, crystallization, and reification of the individualized word (poetic, authoritarian, centripetal) and to some extent of the written — materialized in brute matter — text, that opposes it to the openness and incompleteness (*nezavershennost'*) of the dialogized word.

The indicated problems are interrelated; in the final analysis they lead to the 'last questions' of Bakhtin's heterology⁹. At this point, however, I would like to turn to the question of the (relative) inherent otherness contained in the figure of Bakhtin-the author.

Frequent allusions to Goethe in Bakhtin's works are by no means accidental occurrences. In fact, from various materials and especially from those prepared for, and used in, *The Bildungsroman and its Significance in the History of Realism*, Russian researchers have concluded that 'it becomes clear that Goethe, alongside Dostoevsky and Rabelais, was the third principal protagonist in Bakhtin's creative oeuvre'¹⁰. It is important to underscore that no clear-cut chronological or thematic boundaries divide Bakhtin's work into a 'Dostoevsky period', 'Rabelais period', or 'Goethe period'; references to Rabelais abound in the works on Dostoevsky, while those on Goethe abound in *Rabelais and his World*. One might see here a manifestation of the principle of dialogism, where words, names and ideas enter into an unencumbered open dialogue as well as into a struggle. At the same time, considering Bakhtin's truly panoramic outlook, one could conjecture that he would in some way group his manifold ideas in and around the proposed thematical clusters. In fact, the suggestion of such a grouping move seems to find confirmation in Bakhtin's own observations of strategic character, as well as when one considers his oeuvre as a whole — from a thematic angle. Thus, in several contexts he juxtaposes, and to a large extent opposes, aesthetics to ethics and to gnoseology¹¹. If we

provisionally accept the possibility of a thematic division, precisely this tripartite structure can be discerned, with concentrations on problematic of an aesthetical, ethical, and gnoseological order. Focusing on a representative figure for these three thematic clusters, we may to a certain extent identify them with, respectively, Goethe (aesthetics), Rabelais (ethics: Bakhtin's 'philosophy of act') and Dostoevsky (generally, gnoseology).

In their overviews of Bakhtin's work, such authorities as Holquist, Clark, Emerson, Todorov, and Morson all seem to agree on the desirability of differentiating between several stages in Bakhtin's creative biography (their approaches, however, focus on different aspects than the ones proposed here). Such conventional periodization seems to be as justified as a simultaneous recognition of an overall coherent pattern, which allows us to speak about the unity of Bakhtin's thought. So we may tentatively discern Bakhtin of the 'earlier' works (concentration on aesthetics); the 'canonical' Bakhtin (ethics, action); and the later Bakhtin ('Dostoevsky' and gnoseology). Despite the fact that in the unity of 'Bakhtin's world' the chronological division is mostly conventional (especially due to the fact that Bakhtin sometimes worked on his texts for decades, reworking, revising and publishing new versions), I will refer to this periodization on those occasions when it involves some meaningful turn in analysis.

The 'Dostoevsky' pole, in particular, presents a certain difficulty in addition to chronological overlappings and intersections. If such works as 'Author and Hero in Aesthetic Activity' or *Rabelais and His World* to some extent bear out the principle of thematic unity (respectively, aesthetics and ethics), the works on Dostoevsky, along with gnoseological problematics, deal extensively with aesthetic and ethics. Again, however, this question itself can be approached in the spirit of the universality of dialogism which, for Bakhtin, is a truly dialectical philosophical principle: 'Dialectics was born from dialogue, in order to return to it on a higher level'¹². In any case, whether we call it dialectics or dialogism, the 'Dostoevsky' or generally speaking gnoseological, pole of the proposed tripartite structure would correspond to the *Aufhebung* of the dialectical synthesis, where the opposition of thesis and antithesis (or inherent contradictions that in fact occur between Bakhtin's aesthetics and ethics, or 'Goethe' and 'Rabelais') would be relieved. For instance, in the 'Rabelaisian' action nexus of Bakhtin's oeuvre, the problem of individuality versus collectivity seems to be 'resolved' in a straightforward manner in favor of the 'collective body' and collective consciousness. Nevertheless, some issues therein were differently approached in Bakhtin's writings related to the conventional 'aesthetics' or 'Goethe' pole. Thus, the analysis of subjectivity in art and literature is the focus of such works as 'Author and Hero in Aesthetic Activity' and 'The Problem of Content, Material, and Form in Verbal Creative Art', both written in the 1920s. And, moreover, Bakhtin continued to elaborate the problematic of subjectivity in his much later works — that is, it remained a central theme in the conventionally gnoseological, or rather synthetic, 'Dostoevsky' corpus (i.e., in the revised edition of the book on Dostoevsky, as well as in his notes and drafts from the 1970s).

In terms of a concern for methodological rigor, it is important that Bakhtin himself practices and formulates grounds for a simultaneous analysis of discourse from aesthetical as well as from epistemological and ethical angles, since the principle of dialogism is relevant to all planes of human existence [2. P. 337—338]. In this vein, for instance, the

‘carnival sense of the world helps Dostoevsky overcome gnoseological as well as ethical solipsism’ [3. P. 177].

The quotation continues: ‘A single person, remaining alone with himself, cannot make ends meet even in the deepest and most intimate spheres of his own spiritual life, he cannot manage without *another* consciousness. One person can never find complete fullness in himself alone’. We are back to the issue of the Other proper.

The problem of the Other is thus formulated by Bakhtin.

The *I* and the *other* are the fundamental *value-categories* that for the first time make possible any *actual valuation*, and the moment of valuation or, rather, that of the valuational attitude of consciousness, is present not only in an act proper, but also in every lived experience and even in the simplest sensation: to live means to take an axiological stand in every moment of one’s life or to position oneself with respect to values [7. P. 187—188].

This position is indicated in the cornerstone notion of *exotopy* (in some earlier texts, ‘transgression’). In fact, exotopy continued to be one of the main props in Bakhtin’s theoretical thought from his early works to the last years. Essentially it is based on the empirical observation that we cannot perceive, conceive of, or represent ourselves with absolute exactness: just as we cannot see the back of our head, we cannot comprehend our own birth or death. Of course, the ramifications and implications of this premise extend very far, but I will concentrate on the following fundamental moment: the fullness of self-being denied to being (esthetically as well as emotionally and cognitively), ‘[t]he values of being a qualitatively defined personality are inherent only to another’ [6. P. 99]. In other words, any qualitatively adequate evaluation, description, knowledge of anything or of anybody is possible only from an exterior position. The basic example of exotopy is the relation of the author to the hero in his creation.

Even if in some early instances Bakhtin differentiates — never very consistently — between application of the exotopical principle to the esthetical, ethical and gnoseological spheres, it fast (often on the same page with a differentiation) becomes quite universal. Thus, in ‘The Problem of Content, Material and Form in Verbal Art’: ‘We shall subsequently illuminate the role of the creative personality of the author as a constitutive moment in artistic form; it is within the unity of his activity that the cognitive and ethical moment finds its unification’¹³.

The exotopical position of the subject creates what Bakhtin calls a ‘*surplus* of vision and knowledge of the author in relation to every one of his heroes’ (see ‘Avtor i geroi’, pp. 16/12, 27/24-25; ‘K pererabotke’, p. 343; ‘Epic and Novel’, p. 32; et passim)¹⁴. This coupling of the visual with the cognitive and the general ‘process of the conclusive spherization and unification of the real world’ are positively exemplified in Goethe, for whom, ‘as is widely known, ... the *seeing eye* was the center, the first and last authority’¹⁵. Bakhtin’s position is extremely characteristic in terms of the conclusively logocentric metaphoricality of eye and circle (preeminently Hegelian, as discussed by Derrida in ‘La mythologie blanche’).

Furthermore, for Bakhtin, the author is the embracing and framing ‘consciousness of the consciousness’, endowed with a surplus of meaning (sense) conversely with the surplus of word, and that of truth¹⁶. Thus, for instance, ‘the author-spectator always embraces temporally the whole; he always *succeeds*, and not only temporally, but *in*

meaning' [6. P. 110]; I will return to this temporal aspect). This hierarchical structure reserves for the author a stable position not in existence but in 'superexistence' [6. P. 361; emphasis added].

In terms of appropriation, the subject acts somewhat like the Borg from the used-to-be popular Star Trek TV series: after 'self-implantation' into (the world of) the other, (s) he literally feeds on the other's life and its sufferings in order to accumulate them as *valuables* and then to return to the exotopical position of the superbeing [6. P. 20, 27–29]. Again, this exotopical program is not restricted to the sphere of aesthetics, since only from this place the material acquired by self-implantation may be comprehended ethically, cognitively, or aesthetically... Strictly speaking, a pure self-implantation, involving the loss of one's own place external to the other, is hardly possible and in any case is absolutely useless and meaningless. Implanting myself into another's sufferings, I experience them precisely as *his* sufferings, inside the category of the *other*... [6. P. 28].

Thus, in Bakhtin's exotopical model of dialogism we have the following key elements: the basis of knowledge-as-appropriation; (self-) identity; the temporal sequence opening onto duration; the theme of the self-domestication of the subject armed with knowledge and word, taking place despite (or because of) his domineering position — so, Bakhtin's exotopical subject 'must feel [him]self at home in the world of other people' [6. P. 105]. (Appropriation and domestication — two aspects of the same human activity — dominate in both the Rabelaisian-carnavalesque and exotopical models in Bakhtin's theory).

Whereas self-sacrifice — a manifestation of loss — is totally alien to Bakhtin's theory, there is a *gift* even in his economy of appropriation. Sharing, in a way, the given (in advance and 'in succession'), acquired, and accumulated surplus, the author bestows on the hero the 'gift of form' which is also the 'gift of love' [6. P. 80–86]. (And again, it is the 'surplus of *vision* [that] is the bud where the form is slumbering' [6. P. 27]. This love is strictly controlled by the subject: it is not a passion but a compassion or sympathy (cf. etymology: Gr. *syn* — together; *pathos* — feeling) to a cripple ('a person with disabilities' in proper parlance), a 'relation of gift to need, forgiveness *gratis* to crime, grace to a sinner' [6. P. 90]. The borderline between this relation and anything more excessive is very exactly located in the difference between compassion (*sochuvstvie*, literally: 'co-feeling') and 'co-suffering' (*sostradanie*) which would endanger the authorial exotopy¹⁷. The word and concept *sostradanie* is extremely rich and developed in Russian language, ethics, aesthetics and theology; for instance, it is a real mode of existence for many of Dostoevsky heroes, and it takes Bakhtin a great deal of dialectical-dialogical skill to circumvent this problem in his writings on Dostoevsky.

All in all, from the dominant position of exotopy, the relation subject-object is characterized by Bakhtin in the following eloquent sequence. 'The other is entirely objectivized for me, and his *I* is only an object for me'; 'completeness of the interior and exterior being in the *other* is experienced [by me] as an *abject and miserable passivity*'; 'the soul of the other [is] the *soul-slave*' [6. P. 40, 116–117, 33], respectively; emphasis added). On the plane of discourse proper, the object corresponds to or is equated with his 'word', or dialogized speech. Accordingly, representation of the object becomes representation of his verbal activity (e.g.: 'Characteristic for the novel as a genre is not the image of a man in his own right, but a man who is precisely the *image of a language*' [2. P. 336]). Thus, accordingly to the 'slavish' image of the other, his is the 'language-

servant', crude material — that is, reified matter — to be worked with, *formed* and *overcome* by the subject-author [6. P. 178, 177]. Between it and master's (subject's) enframing discourse the opposition is established: 'Word as a means (language) versus word as comprehension. The comprehensive word pertains to the domain of goals. Word as the ultimate (highest) goal' [6. P. 357]. And, vis-à-vis the Calibanian language of an 'under-being' (which is nevertheless given to him by the master and is the *same* language for both), violence — supposedly 'loving', 'compassionate', in-forming violence — becomes quite justified: 'artistic completion [is] a kind of violence' [6. P. 335]. Here we find a most interesting connection between the theme of violence in Bakhtin's dialogism, the ideological premise of Bakhtin's anti-poetical stance, suggested by Gasparov, and the parallels drawn later by Paul de Man and Michael André Bernstein: the first one between Bakhtin's 'dialogized' interlocutor and Hegel's slave in the dialectics of master and slave; the second between the same figure in Bakhtin and the slave's reactive consciousness in Nietzsche's *The Genealogy of Morals*¹⁸. And so, in this particular aspect, Bakhtin's exotopical model of relation with the Other generates a version of unmistakably 'colonial discourse' where the 'gift of form' proves to be truly poisonous (and characteristic of the 'dialogical imperialism' noticed by de Man).

At the not very distant limit in this direction, the object is condemned to a near total reification, and can actually be seen and treated as *thing*, even though it is a live human body. Here the laws of the laughing culture are enforced, *vendange* of blood is celebrated, and human flesh is chopped like pork liver, all according to the following principle:

As a distanced image an *object* cannot be comical; to be made comical, it must be brought close. Everything that makes us laugh is close at hand, all comical creativity works in a zone of maximal proximity. Laughter has a remarkable power of making an object come up close, of drawing it into a zone of crude contact where one can finger it familiarly on all sides, turn it upside down, inside out, peer at it from above and below, break open its external shell, look into its guts, doubt it, take it apart, dismember it, lay it bare and expose it, examine it freely and experiment with it... [The contact here means] *laughter, then abuse, then beating... What reigns supreme here is the artistic logic of analysis, dismemberment, murdering the object*¹⁹.

Thus, it is precisely via reification of the object (but by the same token, and unavoidably, of the subject) and violence, that the exotopical model is connected with its opposite in terms of exteriority — the anti-distancing familiarity of the laughing culture.

Similarly to the concept of Other-object, a sequence of shifts occurs with the subject-self. Here I will let Bakhtin's text speak for itself: 'Only *I-for-myself*, unique in all being, and all other *others-for-me*: this is the premise without which there is no value and cannot be any value for me...'; '[T]o be means to be for the other and, through him, for oneself... But the thing is that the real human being is I myself... *I* remain the only one in the world' [6. P. 120—121]; [6. P. 330, 337]. And in a later draft from the 70s, dealing with self-hood, otherness and various possibilities of their relation: "The '*I* hides in the *other* and *others*, wants to be only another one for others, wants to enter the world of others as other, to discard the burden of the unique in the world *I (I-for-myself)*'"²⁰. See also [6. P. 118]. With other as just a provisional shelter for the self (again the motif of 'home'), the very concept of otherness appears to be potentially undermined.

Following this line of thought it becomes difficult to distinguish between the authorial and authoritarian word, which is demarcated in the same exotopical way and ‘requires a *distance vis-à-vis* itself’ [2. P. 343]. In a rather obvious manner a conflict also arises with egalitarian ideology, axiomatic for Bakhtin’s conception. A certain corrective or amortization was required, and it was introduced mainly, though not exclusively, in works leaning toward the synthetical ‘Dostoevsky’ pole. The new configuration comes with the individualization *of the object*.

To avoid reification of the object, Bakhtin establishes new parameters, interactive in today’s parlance, for the relation between the subject and the object; here the author engages the hero in an open live dialogue: e.g. Dostoevsky and his characters [6. P. 343] [3]. First, the hero’s consciousness is defined as ‘in its own right’; furthermore, he becomes upgraded to the status of subject, and now ‘[f]or the author the hero is not ‘he’ and not ‘I’ but a fully valid ‘thou’, that is, another and autonomous ‘I’ (‘thou art’). The hero is the subject of a deeply serious, *real* dialogic mode of address, not the subject of a rhetorically *performed* or *conventionally* literary [dialogical] one’²¹.

At its peak, the ‘thou-model’ quite explicitly contradicts the exotopical one: ‘*In a human being there is always something that only he himself can reveal, in a free act of self-consciousness and discourse, something that does not submit to an externalizing secondhand definition*’ [3. P. 58]. At this point, authorial speech and the speech of his characters are equalized as ‘merely those fundamental compositional unities with whose help heteroglossia can enter the novel’ [2. P. 263]. Conversely, authorial function is that of the ‘transmission belt’, and the author himself is ‘only a participant in the dialogue’ [6. P. 343, 341]. A small detail, however, spoils the picture: Bakhtin adds in parenthesis: ‘and its organizer [of the dialogue]’ (this minimal addition deservedly attracted Todorov’s attention). From here it goes downhill fast: ‘[O]ne may speak of another’s discourse only with the help of that alien discourse itself, although in the process, it is true, the speaker introduces into the other’s words his own intentions and highlights the context of those words in his own way’; ‘An authorial emphasis is present of course, in all these orchestrating and distanced elements of language, and in the final analysis all these elements are determined by the author’s artistic will’ [2. P. 355, 416]. The familiar circle is completed; we are back to the exotopical ‘superexistence’, and the mirage of the ‘autonomous I’ for the object fades away with the very notion of individuality: ‘Individual character and individual fates... are in themselves of no concern for the novel’ [P. 333]; of course one should not forget that for Bakhtin the novel is the utmost realization of the dialogical principle as such).

Here I would like to dwell additionally on a couple of points in Bakhtin’s philosophy of act and project, mainly related to the problem of the subject. The following paragraph introduces important concepts often analyzed in Bakhtinian studies: ‘From within my consciousness, co-participating in being, the world is the object of an act: an act of thinking, act of feeling, act of speech, act of doing... [Objects are opposed to me] in the open, still risky event of (co-) being whose unity, meaning and value are not given [*dany*] but posited [*zadany*]’ [6. P. 93]. (Characteristically, the unity of the cognitive, ethical and aesthetical aspects is again stated by Bakhtin.) The central opposition is that of the highly charged notions ‘given’ and ‘posited’: the latter generally referring to the ever-open, incompletable, free, dialogized world (as we already saw, *de facto* reserved for the subject). However, to repeat part of an already quoted passage, it is the authoritarian ‘unitary

language [that] is not something given [*dan*] but is always in essence posited [*zadan*] — and at every moment of its linguistic life it is opposed to the realities of the heteroglossia' [2. P. 270]. The discursive values, but evidently not the ideological ones, are altogether reversed here — a split that Bakhtin himself would call impossible. To my knowledge, little or no attention has been paid to this detail, which, at the very least, compromises the clarity of Bakhtin's concepts and terminology.

Of course, the 'co-participation in being' (perceptibly slipping back to the 'superexistence') imposes a certain *responsibility* ('answerability' in Liapunov's translation) on the transgredient author. In terms of 'colonial discourse', it is a kind of 'white man's burden' in regard to the object, the responsibility of giving *sense* to and making sense for this 'abject and miserable passivity' [6. P. 116—117, 114, 119]. As to the other, his '[t]emporally completed life is hopeless from the point of view of meaning' and 'I rightly relieve him of the *responsibility* that poses a categorical imperative only for myself' [P. 119, 112—113]; emphasis added). The real problem of the 'mission, or posited givenness' [*zadanie, dannost' zadannosti*] is defined 'not in categories of the temporal being, but in categories of *not-yet-being*, in categories of goal and sense, in the meaningful future inimical to any actual presence of myself in the past and the present' [P. 115—116]. Again, the essence of the project is rigidly linked with goal, sense, and priority of the future versus the present.

A passage from 'Avtor i geroi v esteticheskoi deiatel'nosti' deals with what Bakhtin calls 'the problem of rhythm'. 'Rhythm makes meaning immanent to the experience itself, the goal immanent to the aspiration... It presupposes a certain hopelessness for meaning... [B]eing and responsibility come together as enemies... In rhythmic being... there is no responsibility for the goal... [Here] the totality... is justified without th[e] future' [P. 110—112]. Thus, the pure experience of being, the rhythm of existence opposes meaning and responsibility of the project. A certain analogy to Nietzsche's Dionysian and Apollonian aspects of life appears here and is confirmed by further analysis of Bakhtin's texts. To this end I will briefly examine Bakhtin's notion of *igra* (in Russian: play, game and acting in the sense of performance), which is antonymically related to responsibility.

In the true dialogical spirit, and like all concepts and notions in Bakhtin's theory, 'play-game' is not a stable notion. Its trajectory can be most economically considered in conjunction with the concepts of laughter (and conversely seriousness) and time. In a circular trajectory, Bakhtin's 'laughing culture of the carnival' comes to recognize the 'new', 'better' seriousness [4. P. 94, 122 *et passim*]. Similarly, carnival time -as-crisis is invalidated in duration: for instance, in the exotopical model with its spatial-temporal transgredience. By the same token, the concept of game as a carnivalized heterogeneous moment — "The *stake* is similar to a *crisis*... [It is] 'life taken out of life'" — is reinscribed into the responsible and serious philosophy of act [3. P. 171—172]. The conclusive characteristics of game-play: it is pure fantasy, a dream — a 'surrogate of life' below the level of (serious) representation [6. P. 71—76]. At the very best, it attains the status of a more or less coherent system, secondary in relation to the primary one ('real life'). Thus, for instance, 'such a peculiar substitution of different systems — a game in a game — 'drew the players out of the bonds of everyday life, liberated them from usual laws and regulations, and *replaced established conventions by other lighter conventionalities*'²². It is

precisely via the irresponsibility of game and play that Nietzsche gets evaluated in the context of project and exotopy. ‘The aestheticized philosophy of Nietzsche is a conception which grew on the basis of the key moments of the first type of biography’: here Bakhtin defines Nietzsche’s work in terms of the adventuresque — heroic type of the biographical genre, one of the constituent moments or *value* of which is ‘gambling [playing] with... life, devoid of any *responsibility* in the unified and unique event of (co-)being’ [6. P. 148, 147; emphasis added]. This kind of creativity is also shown to be on the side of rhythm in the indicated opposition, and, furthermore, it is minimally exotopical, due to the maximal proximity of the author and the hero. Finally, and somewhat unexpectedly for present-day views on Nietzsche, the author and the hero in this genre represent a ‘naive individualism linked to naive and ingenuous parasitism’ [P. 144]. Of course there is a direct correlation between the (critical) attitude toward Nietzsche indicated here and the analogy between the participant in Bakhtin’s dialogue and Nietzschean slave, noted by Bernstein.

On the other hand, Bakhtin’s notion of responsibility obviously has much to do with Hegel. Thus, Bakhtin proposes what is a rather faithful version of the Hegelian (and subsequently Engelsian) formula: ‘The better a man understands his determinedness (his thingness) the closer he is to understanding and realizing his true freedom’ [6. P. 362—363]. Note that here Bakhtin actually establishes common parameters for responsibility and reification.

Up to this point in Bakhtin’s conception, the relation to the Other was seen in parameters of domination, at best a stale-mate. ‘Inexhaustability of the second consciousness, that is of the consciousness understanding and answering: there is a potential infinity of answers, languages, codes. *Infinity versus infinity*’ [6. P. 359—360]; emphasis added. But despite the observed shifts of attitude, the “ultimate positions in being are taken” (Bakhtin’s expression), and the borders between the world of the author and the represented world of the other are ‘sharp and categorical’ [2. P. 253]. A symmetrically mirroring picture appears when the situation is transposed into a new perspective.

The transgredient vision of the author resolves the problem of the ‘blind spot’ of vision and knowledge for the hero but not for the author himself (since a full-fledged self-representation is impossible, and attempts to achieve it can lead only to the precarious doubling and to ‘naive and parasitic individualism’ of a Nietzschean kind). Thus appears the third Other, the ‘higher super addressee’, the ‘loophole addressee’: all-seeing and, hopefully, understanding and benevolent (like the good master already portrayed) [6. P. 323]. In fact, his existence is implicit in dialogism, since the word wants to, and must be, heard, answered, and understood. At the same time, despite the ‘fully valid “thou”, ‘the (object and slavish) ‘hero’ cannot comprehend the author, give *sense* to his speech. And, since the exotopical position of the subject-author applies to any *other* on the same plane of existence as his (they are all ‘heroes’), only a higher comprehending entity can resolve the problem.

This Other is called, in ascending succession: artist, author, author-creator, Dostoevsky, Author (with capital A), divine artist, Prometheus, and God — the latter quite logically completing the succession²³. Generally, in the texts collected in *Estetika slovesnogo tvorchestva*, Bakhtin speaks of God explicitly, often, and in a reverential tone appropriate for the true believer²⁴. The following quotation, although not the most characteristic in

this respect, is from one of the most famous passages in Bakhtin, which is widely interpreted in a sense different from the one proposed here.

It is impossible to prove one's *alibi* in the event of being. Nothing answerable, serious, and significant can exist where that *alibi* becomes a presupposition for creation and utterance. Special answerability is indispensable (in an autonomous domain of culture) — one cannot create directly in God's world. This specialization of answerability, however, can be founded only upon a deep trust in the highest level of authority that blesses a culture — upon trust, that is, in the fact that there is another — the highest other — who answers for my own special answerability, and trust in the fact that I do not act in an axiological void. Outside this trust, only empty pretensions are possible [7. P. 206].

The obvious complication here is that this answer of the highest other is undistinguishable from the 'other's sanctified word, and sanctified and authoritarian word in general' [6. P. 356]. Thus: 'Often the authoritative word is in fact a word spoken by another in a foreign language (cf. for example the phenomenon of *foreign-language religious texts* in most cultures' [2. P. 343 note; emphasis added]. Both 'speech in other language' (*inoiazychie*) and the authoritarian word are, at the outset of Bakhtin's theory, posed as limits for dialogism and yet both *de facto* merge here, in his profession of faith.

Here we may recall the issue of Bakhtin's religiosity. He was, of course, an orthodox Christian; but he also was a man of a profoundly dialectical or dialogical persuasion (cf. the already quoted 'Dialectics was born from dialogue, in order to return to it on a higher level' and 'Dialectics is an abstract product of the dialogue' [6. P. 384; 337]. His own authorial ideas, such as the postulates of the laughing culture or dialogism, almost seem to attain the status of religious dogma for Bakhtin. This may explain a remark that sounds shocking to an orthodox believer's ears, the one made in a private conversation and 'in a conspiratorial tone of voice': 'The New Testament is also a carnival'²⁵. Be that as it may, and even if God is left as a skeleton in a personal closet of the anti-authoritarian — heteroglot — free-thinker Bakhtin (as he is most often portrayed), the following list of positive instances and possible avatars of the 'loophole addressee' reads rather as an enumeration of logocentric values, obviously with certain ideological preferences: 'God, absolute truth, the court of impartial human conscience, the people, court of history, science, and so forth' [6. P. 323].

On any level of analysis, the contradictory character of Bakhtin's thought remains always in play. As an alternative to the conception of the authorial truth we might recall a conclusion based on significantly different, 'Rabelaisian-carnavalesque' and collective, premises. Criticizing the 'monistic principle' of the 'unity of consciousness', Bakhtin contends that [i]t should be pointed out that the single and unified consciousness is by no means an inevitable consequence of the concept of a unified [unique, single] truth that requires a plurality of consciousnesses, one that cannot in principle be fitted into the bounds of a single consciousness, one that is, so to speak, by its very nature *full of event potential* and is born at a point of contact among various consciousnesses²⁶.

One can again comment, parenthetically, on the Borg-like character of this universal 'truth', accessible only to a plurality of consciousness²⁷. In a close analysis, however, it seems possible, on a certain level, to reconcile the collective and the exotopical models. The former seems to be antithetical to the latter in terms of the collectivity — individuality opposition. But collective consciousness and truth, just as the 'ring of the finalizing

authorial consciousness' present, in fact, the same encompassing structure, and in this major sense they both are exotopic [6. P. 17]. By the same token, the collective may be considered just a quantitative growth of the 'intersection of two consciousness' (with all that follows in Bakhtin's argument)²⁸. Thus, in a conclusive evaluation of the controversy of 'Rabelais' versus 'Goethe', the exotopical model seems to prevail, at any rate in aspects of gnoseology ('Dostoevsky'). And, be it in the 'collective consciousness' model or in the highest 'loophole addressee', the actual human personality becomes lost, different aspects of the full-fledged human life lose their immediate givenness and rather become *posited* 'image of language', 'image of idea', 'sense of theory', and even: 'Not a belief... but a *sense of belief*' [P. 338].

Overall, two configurations may be distinguished in Bakhtin's conception of the Other. First, the Other dominated and appropriated in the dialogic relation, parameters of which are established in the authorial power-range of the exotopical subject; it is, therefore, only a provisional Other. The second is the 'primary author' or the subject, exotopic to any given level of the 'secondary authorship'. This is the irreducible Other, outside the possibility of adequate knowledge by a 'secondary author' (who is thus put on the plane of protagonist), and thus potentially (and eventually, considering the 'temporal succession') excluded from dialogue.

Primary, not created, and secondary author (the image of the author created by the primary author). Primary author — *natura non creata quae creat*, secondary author — *natura creata quae creat*. Image of the hero — *natura creata quae non creat*. The primary author cannot be an image: he escapes any imaginative conception... That is why the primary author is draped in *silence*²⁹.

Here, still in the frame of Bakhtin's predominant authorial model, the exotopical and authoritative Author, the Other, acquires specific features of *deus otiosus* and is somewhat pessimistically defined in terms of *silence* in his (lack of) response to the eagerness of the 'last questions' posed by participants — intermediate 'authors' — in the presumably all-embracing and all-permeating dialogue. This *silence* is never absolutized by Bakhtin as a negative principle and can even 'adapt different forms of expression, different forms of the reduced laughter (irony), of allegorical narration etc'. [6. P. 373]. Still, it remains as a dark shadow on the horizon of meaningful discursive logic and, for instance, can be recognized precisely in the carnivalized literature, since '[I] laughter is a specific relationship to reality, but not the one that can be translated into logical thought' [3. P. 164]. Moreover, the concepts of meaning and of truth itself seem to be seriously jeopardized here, since '[a]nswers to questions is what I call 'meanings'' [6. P. 369].

On the other side, the staunch logocentric credo in *the ultimate truth* seems to be at odds with (although in the overall scope of Bakhtin's thought it manifestly outweighs) his somewhat 'poststructuralist' formulation of the endless dialogue where there is 'no first or last word' nor 'first or last meaning' [6. P. 393], see also [P. 391; P. 370]. Thus, Bakhtin's optimistic and positivistic thrust sometimes seems to be thwarted as to the cognizability of the final truth; in other words, a certain imbalance between ontology and epistemology appears.

Nevertheless, and however suggestive may seem Bakhtin's formulations concerning the dualistic relation subject — object or self — other, he never openly questions the

fundamental values of knowledge, sense (meaning), and final truth, even when it is relegated on a certain level to the competence of the ever-receding Author.

Meaning, truth, and otherness are inseparable in Bakhtin's theory: truth is a valorized (first of all, ideologically valorized) meaning and is expressed in utterance by a subject or the secondary subject — between whom the relation of otherness exists. In terms of truth, Bakhtin's position may be summed up thus: 'The truth is out there. Only it may be not cognizable to an individual. Or maybe not to anybody'. But Bakhtin himself never explicitly crosses the line of ontological disbelief, and in all versions language and discourse — 'names, definitions and value judgements' — remain at the very least a 'hypothesis of meaning' prodding the 'sober and fearless knowledge of the [historical] process' [2. P. 278].

NOTES

- ¹ In Mikhail Bakhtin: *Le Principe Dialogique* (Paris: Seuil, 1981) and a chapter on Bakhtin in *Critique de la critique* (Paris: Seuil, 1984). The term 'hétérologie' was introduced and developed in the writings of Georges Bataille (1897–1962).
- ² 'Discourse in the Novel', in *The Dialogic Imagination: Four Essays by M.M. Bakhtin* (ed. M. Holquist; trans. C. Emerson and M. Holquist; Austin: University of Texas Press, 1981), pp. 259–422 (356); subsequent references to DN and DI, respectively.
- ³ Bakhtin, M.M. *Problems of Dostoevsky's Poetics* (ed. and trans. Caryl Emerson; Minneapolis: University of Minnesota Press, 1984), p. 166; subsequent references to PDP.
- ⁴ 'Forms of Time and Chronotope in the Novel', in DI, pp. 84–258 (252–53); 'Problema teksta v lingvistike, filologii i drugikh gumanitarnykh naukakh', in *Estetika slovesnogo tvorchestva* (comp. S.G. Bocharov; Moscow: Iskusstvo, 2nd edn, 1986), pp. 297–325 (318); English translation 'The Problem of the Text in Linguistics, Philology, and the Human Sciences', in M. M. Bakhtin. *Speech Genres and Other Late Essays* (ed. C. Emerson and M. Holquist; trans. Vern W. McGee; Austin: University of Texas Press, 1986) pp. 103–31 (122); subsequent references to FTC, 'Problema teksta', EST86, PT, and SG, respectively. Also see 'K metodologii gumanitarnykh nauk', in EST86, 381–93 (385); English translation 'Toward a Methodology for the Human Sciences', in SG, pp. 159–72 and *Marxism and the Philosophy of Language*, passim; subsequent references to 'K metodologii.'
- ⁵ 'From the Prehistory of Novelistic Discourse', in DI, pp. 41–83 (69); see also DN, pp. 293–94.
- ⁶ See *Rabelais and His World* (trans. Helene Iswolsky; Cambridge, Massachusetts and London: The M.I.T. Press, 1968) pp. 373–74, 376; subsequent references to RW. Also see FTC, p. 207.
- ⁷ 'K pererabotke knigi o Dostoevskom', in EST86, pp. 326–46 (342), emphasis added; subsequent references to 'K pererabotke.' See also PDP, p. 62.
- ⁸ M.L. Gasparov, 'M.M. Bakhtin in Russian Culture of the Twentieth Century', in *Studies in the Twentieth Century Literature*, 9.1 (fall 1984): pp. 169–76.
- ⁹ 'Last' or 'ultimate questions of being — Dostoevsky's expression recurrently used by Bakhtin.
- ¹⁰ Notes and comments on this publication were made by the preeminent Russian theorist Sergei Averintsev and Sergei Bocharov, a friend of Bakhtin's and specialist in his work.
- ¹¹ E.g., in 'Author and Hero in Aesthetic Activity', in *Art and Answerability* (ed. M. Holquist and V. Liapunov; trans. Liapunov and K. Brostrom; Austin: University of Texas Press, 1990), pp. 4–256 (88); Russian original 'Avtor i geroi v esteticheskoi deiatel'nosti', in EST86, pp. 9–191; subsequent references to AH, AA, and 'Avtor i geroi', respectively.
- ¹² By the same token, 'the culture of folk humor reflects precisely [the] dialectics in the form of imagery' (RW, p. 410).
- ¹³ 'The Problem of Content, Material, and Form in Verbal Creative Art', in AA, pp. 286–87 et passim.

- 14 'Epic and Novel' in DI, pp. 3—40 (32); subsequent references to EN. 'Surplus' in my opinion is more contextually exact than 'excess,' as in Liapunov's translation.
- 15 'Roman vospitania i ego znachenie v istorii realizma', in EST86, pp. 199—249 (239, 218); English translation 'The Bildungsroman and its Significance in the History of Realism', in SG, pp. 10—59 (49, 27).
- 16 See also 'Iz zapisei 1970—1971 godov', in EST86, pp. 355—80 (361); English translation 'From Notes Made in 1970—71', in SG, pp. 132—58 (136—37); subsequent references to 'Iz 70—71' and N70.
- 17 Cf.: 'It is necessary to underscore the absoluteness of profit, surplus, productivity and enrichment of the compassionate understanding... The key here is not to reflect or duplicate, exactly and passively, another's emotions in myself — in fact, such a doubling is impossible — but to transpose emotion into a radically different stratum of values, into a new category of value and form. The suffering that I co-experience with the other is fundamentally alien, in the most important and essential sense, to the suffering he experiences for himself or the suffering I keep to myself. The only common thing here is the logically identical to itself notion of suffering — an abstract moment that is never and nowhere realized in pure form; in real-life consciousness even the word 'suffering' every time changes its register' (p. 97/102—103). (so)stradanie and strast' (passion) derive from the same etymon (cf. splitting between [Christ's] passions and everyday casual meaning of 'passion' in English). Thus English 'compassion' hypothetically may be located in-between sochuvstvie and sostradanie on the emotional scale.
- 18 Cf. Paul de Man, 'Dialogue and Dialogism', in *Rethinking Bakhtin: Extensions and Challenges* (ed. Gary Saul Morson and Caryl Emerson; Northwestern University Press, 1989), pp.105—14 and Michael André Bernstein, 'The Poetics of Ressentiment', *ibid.*, pp. 197—223. In the present essay, it is not the only time that Hegel and Nietzsche appear as points of, respectively, attraction and rejection for Bakhtin. However, a specialized approach to the theme of Bakhtin vis-à-vis Hegel and Nietzsche requires an in-depth analysis, which is beyond my scope here.
- 19 Emphasized segments replace the following in Emerson and Holquist's translation: 'subject... center... laughter means abuse, and abuse could lead to blows... turning things into dead objects.'
- 20 Bakhtin unambiguously writes here from gnoseological positions (cf. the headline of the passage: 'Essays on philosophical anthropology'). I would like to underscore once again that his, from time to time proclaimed, differentiation between aesthetical, ethical and gnoseological approaches is not rigorous and he easily transgresses categorical boundaries.
- 21 *Problemy poetiki Dostoevskogo* (Moscow: Sovetskii pisatel', 2nd edn, 1963). The bracketed 'dialogical' is omitted in Emerson's translation. Is this 'dialogical' 'just' a lapsus on Bakhtin's part, or more: a Freudian 'slip of tongue'?
- 22 *Tvorchestvo Fransua Rable i narodhaia kul'tura srednevekov'a i Renessansa* (Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1965) p. 252; RW, p. 235, emphasis added. The quotation from *Tvorchestvo* is omitted in Iswolsky's translation.
- 23 In the light of Boris Groys' interpretation, Stalin may be added to Bakhtin's list of authorities (cf. Boris Groys, 'Mezhdue Stalinym i Dionisom', in *Sintaksis* 25 (1989): pp. 92—97).
- 24 For the most part these texts were published after Bakhtin's death; thus, considerations of ideological (anti-religious) censorship and potential — and eventual — repressive measures are mainly uplifted here, which were to different extent imminent, probable or possible at different stages of his life.
- 25 Qtd in M.M. Bakhtin i filosofskaja kul'tura dvadtsatogo veka (Peterburg: RGPU, 1991), p. 28.
- 26 Bakhtin links the themes of collectivity versus individuality, project and work, and the very principle of cognition thus: 'All objects — the sun, the stars, the earth, the sea and so forth — are present to man not as objects of an uninvolved thinking, but exclusively as part of the collective process of labor and the battle against nature' (FTC, p. 209; trans. mod.). By the same token, 'collective labor concerns itself for the future: men sow for the future, gather in the harvest for the future, mate and copulate for the sake of the future' — the last one is a rather unorthodox example of 'collective labor' (p. 207).

- ²⁷ Cf. the following formula: ‘The individual feels that he is an indissoluble part of the collectivity, a member of the people’s mass body. In this whole the individual body ceases to a certain extent to be itself; it is possible, so to say, to exchange bodies, to be renewed...’ (RW, p. 255). Sometimes it almost seems likely that the creators of ‘Star Trek: Voyager’ consulted Bakhtin’s text.
- ²⁸ On the subject of the quantitative growth (characteristic of the economy of appropriation) cf. Bakhtin’s scathing the ‘numerous philosophical, ethical, philosophical-historical, metaphysical, religious theories that we can call impoverishing theories insofar as they tend to explain a productive event by impoverishing it, first of all by the quantitative reduction of the participants’ (‘Avtor i geroi’, p. 83/87).
- ²⁹ ‘It is striking to note that the scholastic definition Bakhtin uses to identify the author was applied, in its original context (for example by John Scotus Erigena), to God and to him alone’ (Todorov T. *Literature and Its Theorists* [Ithaca: Cornell University Press, 1987], p. 81). Bakhtin recurrently uses this and similar Latin formulae. The analogous ‘natura naturans’ and ‘natura naturata’ are known from Latin translations of Averroes and from Spinoza’s texts (cf. EST86, p. 428 n).

REFERENCES

- [1] *Bakhtine Mikhail*. Le principe dialogique suivi de Ecrits du Cercle de Bakhtine. Paris: Editions du Seuil, 1981, 318 p.
- [2] *Holquist Michael*. The Dialogic Imagination: Four Essays (University of Texas Press Slavic Series) by M.M. Bakhtin. Austin: University of Texas Press, 1981, 422 p.
- [3] *Bakhtin M.M.* Problems of Dostoevsky’s Poetics (ed. and trans. Caryl Emerson). Minneapolis: University of Minnesota Press, 1984, 333 p.; subsequent references to PDP.
- [4] *Rabelais and His World* (trans. Helene Iswolsky). Cambridge, Massachusetts and London: The M.I.T. Press, 1968.
- [5] *Gasparov M.L.* M.M. Bakhtin in Russian Culture of the Twentieth Century. Studies in Twentieth Century Literature, 1984, pp. 169—76.
- [6] *Bakhtin M.M.* Estetika slovesnogo tvorchestva (comp. S.G. Bocharov). Moscow: Iskusstvo, 2nd edn, 1986, 444 p.
- [7] *Art and Answerability* (ed. M. Holquist and V. Liapunov; trans. Liapunov and K. Brostrom). Austin: University of Texas Press, 1990, 384 p.
- [8] *de Man Cf. Paul*. Dialogue and Dialogism, in *Rethinking Bakhtin: Extensions and Challenges* (ed. Gary Saul Morson and Caryl Emerson). Northwestern University Press, 1989, pp. 52—55.
- [9] *Isupov K.G.* M.M. Bakhtin i filosofskaya kul’tura dvadtsatogo veka. Peterburg: RGPU, 1991, p. 28.

For citation: Khorev Andrei. Bakhtin: the dangers of dialogue. Bulletin of the Peoples’ Friendship University of Russia. Education Issues Series: Languages and Specialty. 2016, no. 3, pp. 92—108. (In English)

БАХТИН: ОПАСНОСТИ «ДИАЛОГА»

А.В. Хорев

Университет Южной Калифорнии, Лос-Анджелес,
Университеты Сан-Бернардино и Санта Круза
196 “Б” Силван Уэй, Боулдер Крик, Калифорния, США, 95006

Основное внимание в данной статье уделено отношению к Другому — базовому аспекту теории диалогизма в трудах М.М. Бахтина. Подход Бахтина к гетерологии (наука, или знание,

о Другом) имеет фундаментальное значение для осмысления таких тем его творчества, как карнавальная культура (Смех), хронотоп и организация жизненного пространства человечества (экономика).

На определенном этапе становится понятно, что в бахтинской философской концепции Другого можно выделить две основные модели. В первом случае Другой подавляется, «присваивается» субъектом, или Автором, диалога — и тогда это условный Другой. Во втором случае это вненаходимый Другой за пределами возможности его адекватного познания, а потому потенциально исключенный из диалога. Таким образом, по окончании диалога «тишина» (недосказанность) остается своего рода семантической тенью на горизонте смысловой дискурсивной логики. Более того, сами категории значения и истины поставлены здесь под сомнение.

Тем не менее Бахтин никогда не опровергает фундаментальных ценностей знания и конечной Истины; его позиция может быть выражена следующим образом: «Истина где-то там. Только она не может быть познана человеком окончательно».

Ключевые слова: Другой, гетерология, диалогизм, условный Другой, вненаходимый Другой, коммуникативные опасности диалога

Для цитирования: Хорев А.В. Бахтин: опасности «диалога» // Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2016. № 3. С. 85—91.

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ВРЕМЯ КАК КАТЕГОРИЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ (на примере русской литературы 1920-х годов)

А.В. Подобрий, Н.В. Лукиных

Челябинский государственный педагогический университет
пр. Ленина, 69, Челябинск, Россия, 454081

В статье рассматривается, какими способами в произведениях писателей 1920-х годов маркируется категория «время» и какое национально-культурное значение она несет для создания образа «чужого» мира на страницах русскоязычного текста.

Ключевые слова: хронотоп, время, скорость, пространство, образ чужого мира, билингво-литература

Исследователи хронотопа литературного произведения давно заметили, что эта категория явно несет в себе национально-культурный подтекст, причем если категория «пространство» в этом аспекте активно исследовалась, то категория «время» почти не подвергалась анализу с этой стороны.

Однако, как нам кажется, именно *время* в своей неразрывной связи с *пространством* становится одним из наиболее важных маркеров культурного пространства текста и активно включается в диалоговые отношения между автором и читателем, языком произведения и образом «иного» мира (неким «шаблоном», сложившимся в сознании читателя в отношении «чужой» культуры), воссоздаваемым автором.

К примеру, *время* в сознании человека Запада и Востока или кочевника и представителя оседлых народов (в широком смысле понятия) имеет разную направленность. А вместе с этим создается совсем иное отношение к *пространству* и *скорости*. Кочевник живет дорогой, он всегда в движении, он не спешит к какой-то определенной цели, концу своей дороги, поэтому категория *времени* теряет у него какое-либо значение, она не существенна, как и категория *скорости*, зато *пространство* приобретает архиважное значение. Для оседлых народов, наоборот, эти категории меняются местами. Оседлый человек воспринимает дорогу и перемещение в *пространстве* как явление временное, важно преодолеть это неудобство за максимально короткий срок, следовательно, *скорость* становится понятием основополагающим.

В соответствии с этим выстраивается и образный ряд, маркирующий понятия *пути, дома, жизни*. Например, в рассказе Л. Леонова «Туатамур» мотив *дороги* непосредственно связан с мотивом боя-кровапролития и является в повествовании едва ли не центральным. Вокруг этих понятий концентрируется комплекс эпизодов, символика и тропика текста. На протяжении всего повествования Туатамур использует образ арбы как символа судьбы, образ, характерный для восточного фольклора. Начинается рассказ именно с него: «Арба, имеющая две оглобли, идет прямо и хорошо. Арба моего счастья имела только одну» [1].

В четвертой части арба воспринимается в прямом значении — как средство для перевозки грузов и в переносном — как начало конца Туатамура. Характерно,

что сочетание «арба — путь — судьба» — чисто восточный элемент. Но, например, согласно учению кармы (а Туатамур сторонник его, ибо постоянно обращается к Будде), судьба — это творение самого человека. Туатамур творил свою судьбу сам, лишь один раз не послушал он голос разума, а решил сердцем: согласился идти в поход против кипчаков, надеясь на благосклонность Ытмари, а в итоге — остался ни с чем. Два пути — реальный, географический и путь жизненный — слились в новелле в один образ, потому что без *движения* кочевник не мыслит себе жизни. Не случайно несколько раз на протяжении своего повествования Туатамур повторяет: «Мин улымь!» — «Я мертв!», — хотя физически он еще существует.

Если рассматривать другую параллель, то для европейской (западной) культуры характерно движение вперед, *перемещение* в физическом пространстве с максимальной *скоростью*. Для азиатской (восточной) культуры — это путь познания, душевного и духовного просветления, познание Движения и его *сущности*. Иными словами, для Запада *время* протекает в горизонтальной плоскости, а для Востока — в вертикальной. Интересно, что и *пространство* в этих культурах также разнонаправлено.

Для познания Себя и Мира не надо физически перемещать свое тело. Восточный человек поэтому нетороплив, путь его мысли направлен вверх, к небу, или внутрь себя, т.е. вниз. Постижение истины никак не связано с экспериментом над материей, следовательно, душевное состояние и комфорт становятся главным для азиата. Важно украсить все вокруг себя, ибо место твоего пребывания есть центр твоих раздумий. Отсюда и множество подушек, мягких и красивых тканей, посуда, еда и... огромное количество красивых словес, которые азиат буквально обрушивает на собеседника.

Иное дело — человек западной культуры. Для него нахождение в одном месте невозможно, потому что поиск истины происходит вне его физической оболочки. Исследование, эксперимент, постоянный диалог с коллегами и собой, изменение *пространства* вокруг себя — вот путь познания европейца. Отсюда определенный аскетизм в окружающей обстановке и словах, скорость речи, точность в определении времени встречи, беседы и пр. Чем быстрее произойдет то или иное событие, тем больше возможности проанализировать и классифицировать происшедшее, следовательно, продвинуться вперед в постижении истины.

Несомненно, этот сложившийся стереотип в восприятии разных культурных традиций стал одним из маркеров вхождения «чужой» культуры в русскоязычный текст.

На примере произведений И. Бабеля и Вс. Иванова рассмотрим, как и чем маркируются национальные особенности восприятия категории *времени* и связанных с ним категорий *скорости* и *пространства* в русскоязычном тексте.

Вс. Иванов в повести «Возвращение Будды» создал свой новый «Монгольский миф». Сафронов хотел дойти до понимания истинности бытия. Он повторяет тот путь, который до него прошли азиатские мыслители. Смерть Сафронова — это следствие его инициации, обретения нового статуса, близкого к статусу Будды.

Иванов четко маркирует разное понимание Пути, Дороги, Движения в культурах Востока и Запада («профессор Сафронов — европеец. Он знает: чтобы не думать, нужно занимать тело и разум движением. Двигаясь все время, не раз-

мышляя о смысле движения, Европа пришла в тьму. Восток неподвижен. И недаром символ его — лотосоподобный Будда» [2]). Заставляя Сафронова совершить путешествие, гыген и сам вынужден передвигаться в пространстве, отвлекаясь от созерцательности, лишь молитва остается для него частичкой связи с прошлым. К концу пути Дава-Дорчжи отказывается от основ своей национальной философии: плотское, физиологическое берет вверх над душевным, и статуя Будды теряет для него какую-либо ценность. С Сафроновым же происходит обратный процесс: постигая значение Дороги, понимая ее суть, профессор приходит к душевному просветлению.

В восприятии героев повести действительность теряет свои физические качества, *время* и *пространство* изменяются до неузнаваемости: «локомотивы, сгибая шею, рвутся в туман, и туман рвется в них». Западному строю жизни противопоставляется в повести восточное мировоззрение покоя и самоуглубления. Именно на Востоке профессор надеется спасти культуру человечества и самого себя: «Укрепление же — там, подле стад и кумирен — укрепление одной моей души будет самая великая победа, совершенная над тьмой и грохотом, что несется мимо нас...»

Мудрость Востока вступает в противоречие с разрушительной скоростью Запада, и Сафронов вынужден выбирать, что ему ближе: культура Монголии, которую он познавал много лет, или новая революционная действительность, олицетворявшая собой злую разрушительную силу прогресса. И этот выбор он невольно совершает в самом начале повести, даже не догадываясь об этом.

Иванов достаточно четко маркирует *скорость* мышления и передвижения представителей разных культур даже на уровне слова. См., например, как создается аура быстрого бегущего *времени* вокруг Сафронова в начале повествования: «Говорите *короче* [обращается профессор к Дава-Дорчжи]...», «сообщайте причину вашего пребывания *поскорее*...», «профессор *торопливо* поднимает крюк двери», «...он [профессор] не может ездить осматривать все дворцы... — ему надо *немедленно* ехать домой». Тот же образ торопливого движения и вокруг других революционеров: «наконец Анисимов *кидает* портфель и *подбегает* к телефону», «заместитель наркома... говорит *быстро* и с какой-то насмешливой увлеченностью...», «Цвиладзе с внезапным кавказским акцентом *воскликает быстро*, проходя мимо профессора...» и пр.

Иное дело — Дава-Дорчжи и его соплеменники. Их слова и действия неторопливы: «толпа черноволосых и широкоскулых людей... *осторожно* стоит на рогожах... Взгляд толпы рассеянный, *сонный, но как бы вековой*», «иногда... Дава-Дорчжи ложится на спину и *медленно, точно вдевая в иголку нитку*, переводит профессору разговоры солдат» и пр.

Иногда Иванов сталкивает в диалоге эти две скорости, два разных взгляда на мироустройство: «Профессор тяжело дышит... Теперь вот кажется, что здесь, на вокзале, произойдет необычайное важное событие... если задержаться. *Надо спешить*.

— Когда поезд отходит? Анисимов пришел?

— Не беспокойтесь, до отхода поезда *бесконечное количество времени*, и товарищ Анисимов не опоздает...» и т.д.

Но, уже с шестой главы, в которой и начинается перерождение героев, «скоростной режим» вокруг них меняется: «...от женщины гыген возвращается *быстро*», «...он [гыген] *вскакивает и порывается бежать*», «...движения его становятся *быстрее*, спина выпрямляется» и пр. Сафронов же, наоборот, меняет вектор своего пути с горизонтального на вертикальный, отсюда и замедление *скорости времени* вокруг него: «...в песочных струях *сонны* люди, и так же, *как во сне*, сразу забывает профессор виденные лица.... Так и должно быть: у порога иной культуры, опьяненные *сном*, бродят иные, чужие этой культуре люди. Они *сонны, неподвижны...*»

В начале поездки Сафронов задумывается над своей ролью и ролью Дава-Дорджи в этой истории и приходит к парадоксальному выводу. «По его мнению, Дава-Дорджи должен был подчиняться течению событий так же, как подчиняется им профессор. Иначе что же это такое? Русский профессор оказывается большим буддистом, чем буддийский перевоплощенец?» Характерно, что это утверждение полностью реализуется в конце повести: Дава-Дорджи сбежит, отказавшись от инициации в Будду, а профессор, пройдя эту инициацию, погибнет, выполняя свое предназначение.

Образ другого «восточного мира» в столкновении с революцией и образ носителей чуждой этому миру культуры создает И. Бабель в «Конармии» [3]: это ветхозаветное еврейство и казачество. Связывает эти два мира не только образ рассказчика, но и доминирующий мотив Дороги. Правда, способы и направления пути у казаков и евреев разные.

Казаки, как самый мобильный род войск, постоянно в *движении*, перемещении: от дома и обратно к дому. Как профессиональные военные, они были готовы сняться с места в любой момент. Таким образом, Дорога — один из символов казачества (непосредственно связанная с другим — Конем). Дорога была и своеобразным символом воли, простора, *движения* без ограничений. Это качество пути находило особый отклик в душе казака. А воля порождала и вольность в отношении друг к другу и к местным жителям.

В еврейской культурной традиции Дорога — это Дорога к Богу, причем дорога не в физическом/пространственном смысле слова: речь идет не о перемещении тела, а о религиозно-этическом пути души к Богу. Тора — от Бога, Тора — путь к нему, уйти с этого пути, уйти от Книги — гибель веры и культуры.

Оказавшись вне *пространства* и вне *времени* (= в Книге), евреи идут вглубь души, вглубь веры. «Еврейство по быту оторвано от земли, природы, не знает простора: дали, выси... — оно загнано в глубину, в центр, в сердце...», — отметил Г. Гачев [4. С. 235]. Дорога к сердцу, дорога к Богу — вот одна из доминант еврейской культуры.

Бабель последовательно создает топос еврейского местечка, почти «убитого» новым временем, но еще цепляющегося за свою жизнь.

Лютов — еврей, но он тщательно скрывает от окружающих свое еврейство. Цель этой маскировки — не только не оказаться парией среди казаков, имеющих многовековой опыт резни евреев, но и слиться, ассимилироваться с казачьей массой, в которой кипит жизнь.

В истории все повторяется, и эта «повторяемость» напрямую связана с одним из исходных положений Ветхого Завета: мир сотворен Богом, изменить его нельзя, надо соблюдать Закон. Мир не развивается, происходят лишь колебания. Опять евреи оторваны от земли, опять они вынуждены скитаться, чтобы обрести родину.

Путь Лютова — это поиск новой родины, духовной и душевной. Поэтому, видя умирание старого еврейского мира, Лютов стремится «прибиться» к миру новому, славившемуся своей легендарной ксенофобией. Но водораздел между новым и старым миром проходит по линии жизнь / смерть. Следовательно, выбор нового мира Лютовым также в традициях еврейства.

Уже в первой новелле цикла Бабель, выстраивая целый ряд семантических аллюзий, возвращающих нас к событиям двухтысячелетней давности, зафиксированными в Талмуде и Торе, тем самым показывал, что все в мире возвращается на круги своя, что *время* циклично.

Библейские мотивы нужны, чтобы включить «Конармию» в библейский контекст, а вместе с тем в бытийный, космический контекст, чтобы продемонстрировать «повторяемость» истории и незыблемость Книги и ее философии. Душа человека — целый мир, учит Книга: «...Тот, кто губит хоть одну человеческую душу, разрушает целый мир, и кто спасает одну душу, спасает целый мир...» (Трактат Сангедрин, 37). Бабель считает так же.

Например, широко используется в «Конармии» мотив греховности людей, растления земли («Иваны», «Переход через Збруч»), который явно соответствует библейской картине: «И воззрел Бог на землю, — и вот она растлена: ибо всякая плоть извратила свой путь на земле» (Бытие, 6; 12).

Отсюда и мотивы, сродни апокалипсическим: дождь, заливающий все живое, как начало великого наказания человечества — потопа («Аргамак», «Замостье»); непонимание конармейцами друг друга (ср. с Вавилонским столпотворением; «Их было девять», «История одной лошади» и др.); непонимание мирными людьми друг друга («Сын рабби», «Солнце Италии», «Пан Аполек» и пр.).

Также отчетливо выделяется мотив святых мучеников (отец в новелле «Переход через Збруч», Сашка Христос в одноименной новелле, дьякон Агеев в «Иванах» и т.д.). Другие библейские мотивы не столь отчетливо выписаны Бабелем, но заметить их все же можно. Кормление взрослого мужчины молоком женщины («Замостье»), осквернение трупов врагов («Иваны»), мотив загаженной земли («Иваны»), почтение к мертвым («Кладбище в Козине»), искупление греха смертью («Эскадронный Трунов»), возжелание чужой вещи, чужой собственности («История одной лошади»).

Характерно, что в «чисто» хасидских новеллах («Гедали», «Рабби», Кладбище в Козине» и «Сын рабби») *время* будто останавливается, рассказчик попадает в «патоку» еврейской жизни и философии. См., например, начало «Гедали»: «В субботние кануны меня томит густая печаль воспоминаний»; начало «Рабби»: «...Все смертно. Вечная жизнь суждена только матери. И когда матери нет в живых, она оставляет по себе воспоминание...»; начало «Кладбища...»: «Кладбище в еврейском местечке. Ассирия и таинственное тление Востока на поросших бурьяном волынских полях»; начало «Сына рабби»: «...Помнишь,.. когда суббота кралась

вдоль заката, придавливая звезды красным каблучком?.. Пустыня войны зевала за окном...»

Иное дело начала «казацких» новел, сразу исполненных *движения*, резкого, порывистого. См., например: «На деревне стон стоит. Конница травит хлеб и меняет лошадей» («Начальник конзапаса»), «Завесы боя продвигались к городу. В полдень пролетел мимо нас Корочаев...» («Смерть Долгушова»), «Крошили мы шляхту по-за Белой Церковью. Крошили вдосталь, аж деревья гнулись» («Конкин»), «Мы дрались под Лешнювом. Стена неприятельской кавалерии появлялась всюду» и т.д.

Противопоставление *покоя и движения* у носителей разных культурных и философских начал заметен и в образе Песни. Логос русского народа, как заметил Г. Гачев, это не только Дорога, но и «песня, поэзия, мат, блатной язык — и безмолвие» [4. С. 222]. Характерно, что во многом у евреев и казаков эти понятия противопоставлены. Мат в основном связан с опошлением процесса зачатия и рождения, следовательно, самой «уязвимой» в материне становится мать. Для еврейской культуры, обожеествлявшей Мать как символ продолжения рода, символ жизни, подобный цинизм по отношению к дающей жизнь невозможен. Как невозможна и громкая раздольная Песня. Еврейская манера исполнения, скорее, камерная.

Например, в «Афоньке Биде» представлены две повествовательных манеры — Лютова и Биды, которые не только контрастируют в стилистическом плане, но и создают разный образ *скорости движения*. Неторопливость передвижения характерна для манеры рассказчика, резкость, «неплавность» — для Биды. Даже на этом контрасте заметна несхожесть мировосприятия представителями разных культурно-национальных традиций: познание неизменности мира, его волнообразного движения, пути к Богу еврея и резкость, «галоп» движения казака на просторе, удалая песня и сквернословие как радость от ощущения этого простора. Поэтому и звучит в устах Биды песня «О соловом жеребчике». Но пел он не только о нем, он пел Песню смерти в храме Берестечка: «...Их было множество — Афонькиных песен. Каждый звук был песня, и все звуки были оторваны друг от друга. Песня — ее густой напев — длилась мгновение и переходила в другую...».

А в новелле «Переход через Збруч» возникает образ песни-победы, громкой и резкой: «Река усеяна темными квадратами телег, она полна гула, свиста и песен, гремящих поверх лунных змей и сияющих ям».

Песни Сашки Христа тоже стали гимном дорогам войны: «...один Сашка устилал звоном и слезой утомительные наши пути. Кровавый след шел по этому пути. Песня *летела* над нашим следом». И даже в котомке Ильи Брацлавского, порвавшего со старой верой, страницы «Песни песней» соседствовали с револьверными патронами. Тем самым создавался мотив разрушения, мотив Хаоса. Этот мотив заметен и в новелле «Костел в Новограде», где «рядом с домом в костеле *ревели* колокола, заведенные *обезумевшим* звонарем», и в «Пане Аполеке»: «звуки гейдельбергских песен огласили стены еврейского шинка».

Евреи в «Конармии» не поют (даже у Гедали отобрали единственный источник музыки — граммофон), они стонут, плачут, и этот плач «выплакивается» на страницы цикла с глубокой экспрессией (в том числе и высоким библейским стилем),

начиная с первой новеллы «Переход через Збруч» («И теперь я хочу знать, — сказала вдруг женщина с ужасной силой, — я хочу знать, где еще на всей земле вы найдете такого отца, как мой отец...»), заканчивая последней «Их было девять»: «Мириады пчел отбивали победителей и умирали у ульев... Я ужаснулся множеству панихид, предстоявших мне».

Опьяненная свободой, разгулом страстей казачья вольница разрушает все на своем пути, готовя площадку под строительство нового мира. Все прежние чувства забыты, мораль и нравственность видоизменились, и только самое глубинное чувство — любовь казака к Коню — осталось неизменным.

Образ Коня для казацкой культуры едва ли не центральный. Действительно, в сознании казака конь не средство передвижения, а, скорее, часть самого воина. Понятна поэтому обида Хлебникова на Савицкого, забравшего коня («История одной лошади»; «Продолжение истории одной лошади»); понятна ненависть Тихомолова к рассказчику, практически загубившему аргмака («Аргмак»).

В «Учении о тачанке», как бы забыв о своей национальности, Лютов напрямую отождествляет себя с казаками: «Я — обладатель тачанки и кучера в ней. Тачанка! Это слово сделалось основой треугольника, на котором зиждется наш обычай: рубить — тачанка — кровь...». Поэтому сказ о тачанке — это сказ казака. Нет ни одного слова, ни одного жеста, позволивших бы в этом усомниться. Но последний абзац новеллы перечеркивает все старания рассказчика казаться казаком. И, конечно, введение этого абзаца в текст новеллы позволяет говорить о «диалоге» двух национальных и языковых традиций.

Большая часть повествования — патетический гимн тачанке. В.Скобелев заметил: «Возникает некий эквивалент водевилю с переодеванием, где все вывернуто наизнанку, — эквивалент, исполненный, однако, драматизма, ибо смешное оборачивается смертельно опасным» [5].

Резкость и быстрота движения создаются в этом монологе, но вдруг ритм повествования резко затормаживается: вместо галопа тачанки и простора бешеной скачки статичность и безжизненность еврейского местечка, где «прикрытая раскидистыми хибарками, присела к нищей земле синагога, безглазая, щербатая, круглая, как хасидская шляпа», где «узкоплечие евреи грустно торчат на перекрестках».

Не только темп, но и пафос повествования резко изменился: вместо «восторга первого обладания» рассказчик испытывает иное чувство: «...я понял жгучую историю этой окраины». И это понимание вновь возвращает Лютова в свой мир, мир еврейства, пусть даже только на уровне поверхностного видения и чувствования.

Объединенные в один цикл новеллы «Конармии», рассказанные от имени нескольких повествователей, стали своеобразным полем соположения различных, во многом даже взаимоисключающих друг друга культур — еврейской и казацкой. Это и создало особый эффект восприятия стиля «Конармии» как разорванного [6], совместившего несовместимое, запечатлевшего фрагментарность, «лоскутность» строящегося мира. Доминирующие архетипические символы двух культур приходят в столкновение друг с другом, не могут найти точек опоры. И одним из маркеров «разности» культур становится образ *времени* и связанные с ним *образы пространства и скорости*.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Леонов Л.* Повести и рассказы. Л.: Лениздат, 1986. 538 с.
- [2] *Иванов Вс.* Возвращение Будды // Избранные произведения: в 2 томах. Т. 1. М.: Худож. литература, 1958. 488 с.
- [3] *Бабель И.* Замостье // Сочинения: в 2 т. Т. 2: Конармия; рассказы 1925—1938 г. М.: Худож. лит., 1990. 478 с.
- [4] *Гачев Г.* Национальные образы мира (Курс лекций). М.: Academia, 1998.
- [6] *Скобелев В.П.* Масса и личность в русской советской прозе 20-х гг. Воронеж, 1975. С. 43.
- [7] *Эйдинова В.В.* О стиле Исаака Бабеля («Конармия») // Литературное обозрение. 1995. № 1.

Для цитирования: Подобрий А.В., Лукиных Н.В. Художественное время как категория национальная (на примере русской литературы 1920-х годов) // Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2016. № 3. С. 109—116.

ART NATIONAL AS NATIONAL CATEGORY (by the example of Russian literature 1920-s)

A.V. Podobrii, N.V. Lukinykh

Chelyabinsk State Pedagogical University
Lenina str., 69, Chelyabinsk, Russia, 454080

The article discusses the ways to mark the category “time” in the works of writers of the 1920s and what the national cultural importance it carries for creating an image of “foreign” world on the pages of Russian text.

Key words: time-space, time, speed, space, image of an alien world, bilingual literature

REFERENCES

- [1] Leonov L. *Povesti i rasskazy* [Novels and short stories]. Leningrad: Lenizdat Publ., 1986. 538 p.
- [2] Ivanov Vs. *Vozvrashchenie Buddy* [Return of the Buddha] // *Izbrannye proizvedeniya*: in 2 volumes. T. 1. Moscow, Art Literature Publ., 1958. 488 p.
- [3] Babel I. *Sochineniya: v 2 t. T. 2: Konarmiya; rasskazy 1925—1938 g.* [Coll. works in 2 volumes. V. 2: Red Cavalry; short tales 1925—1938 g.]. Moscow, Art Literature Publ., 1990. 478 p.
- [4] Gachev G. *Nacional'nye obrazy mira (Kurs lekcij)* [National images of the world (The course of lectures)]. Moscow, Academia Publ., 1998. P. 235.
- [6] Skobelev V.P. *Massa i lichnost' v russkoj sovetskoj proze 20-h gg.* [Mass and personality in the Russian Soviet prose of the 20-es]. Voronej, 1975. P. 43.
- [7] Eydinova V.V. *O stile Isaaka Babelya («Konarmiya»)* [About the style of Isaak Babel («The Red Cavalry»)]. The literary review. 1995. № 1.

For citation: Podobrii A.V., Lukinykh N.V. Art national as national category (by the example of Russian literature 1920 s years) [Hudozhestvennoe vremja kak kategorija nacional'naja (na primere russkoj literatury 1920-h godov)]. Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Education Issues Series: Languages and Specialty. 2016, no. 3, pp. 109—116. (In Russian)

ИРОНИЧЕСКИЙ НАРРАТИВ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ: ПАРАМЕТРЫ КОГНИТИВНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ

З.А. Заврумов

Пятигорский государственный лингвистический университет
пр. Калинина, 9, Пятигорск, Россия, 357503

В статье рассматривается иронический нарратив с позиций когнитивной лингвистики, что позволяет уточнить параметры модели иронии, реализуемой в семантическом пространстве художественного текста. Иронический нарратив рассматривается автором статьи как вербальная и текстообразующая ирония, объективирующая характеристики языковой личности и индивидуально-авторской картины мира. Определяющее значение для когнитивного моделирования иронического нарратива приобретают «интерпретативные» маркеры ментальных пространств, репрезентированные в микро- и макроконтестах.

Ключевые слова: иронический нарратив, художественный текст, семантика, когнитивное моделирование

Современная лингвистическая парадигма, антропоцентрическая по своему характеру, трактует сложившиеся терминологические системы в инновационном ключе, что детерминировано в том числе и акцентированием внимания на реализации когнитивной функции языка. К такому кругу проблем принадлежит и ирония, исследованная в координатах структурно-функционального подхода, но недостаточно изученная с позиций теории нарратива. Сейчас уже очевидно, что функционирование языка происходит в соответствии с риторическими законами прежде всего на основе четырех основополагающих ассоциаций, организующих когнитивную деятельности индивида — тождества, сходства, смежности и контраста. Поэтому мышление человека, как, впрочем, и язык, неизбежно обладает эстетической спецификой, художественно по своей природе. Данный постулат вполне применим и к любому научному знанию, которое функционирует в форме некоего художественного текста, а сама «художественность» придает этому знанию стройность и завершенность. Именно поэтому нарратив как таковой становится важнейшей характеристикой человеческого бытия. Наиболее влиятельными теоретиками нарратологии являются Жан-Франсуа Лиотар [6] и Фредрик Джеймисон [2], благодаря которым мир начинает осознаваться как «литературный», «художественный» дискурс, в котором представители любых научных сфер «повествуют» об изучаемых объектах, а весь мир предстает в рецептивно-интерпретативной деятельности языковой личности как совокупность рассказов о нем. С теорией нарратива связана и так называемая постмодернистская чувствительность, в координатах которой утверждается значимость художественного мышления и его жанровых форм для любой области знаний.

Ирония в этой связи выступает как фактор, формирующий сюжетный модус и топос с целью упорядочивания последовательностей событий, а признаки жанров, включенных в координаты иронического нарратива, вступают во взаимо-

действие с модальностью и интенциональностью иронического нарратива. На наш взгляд, уточнение параметров иронического нарратива позволит выявить не только особенности функционирования иронии в семантическом пространстве дискурса / текста, но и установить координаты иронии в языковой и индивидуально-авторской картинах мира.

Ж. Женетт, один из ведущих теоретиков нарратива, в своей фундаментальной работе «Нарративный дикурс» (1972) указывает, что поэтика и критика тесно связаны и взаимообусловлены, при этом формирование поэтики как теории форм может быть непротиворечиво осуществлено только посредством применения дедуктивно-индуктивного метода на всех уровнях филологического исследования. Понимание нарратива как «лингвистического производства, которое предназначено для рассказа об одном или более событиях» [4], расширенного словесного утверждения, позволяет установить три конституирующие категории в его структурно-семантической структуре: «время» как временные отношения словесного дискурса и событий, о которых он повествует; «наклонение» как совокупность модальностей нарративной репрезентации, «голос», посредством которого рассказчик осуществляет нарратив, направленный на конкретную аудиторию. Истолкование нарратива с позиций этих трех категорий позволяет осмыслить язык как структурированное явление, а сам нарратив — как модель, имеющую определенные лингвистические параметры, прежде всего бытийность.

Отметим также, что такой ракурс позволяет выявить зависимость нарративного знания от культурного контекста, в пределах которого оно реализовано, и от культурного кода, который применяется в его сфере. Подтверждение данному тезису находим прежде всего в том, что не существует ни одной культуры, которая бы транслировалась без помощи нарратива, и поэтому нарратив представляет собой универсальную характеристику культуры.

Теория нарратива представляет собой ту исследовательскую парадигму, которая позволяет изучать многоуровневый феномен иронии в новом ракурсе. Так, ирония в художественном тексте, осмысленная посредством акцентирования внимания на понятиях контекста, подтекста, текстовой импликации, оказывается «втянутой» в категориальную систему нарратологии. Кроме того, важное место в изучении иронического нарратива занимает также взаимодействие с теорией речевых жанров, что позволяет рассматривать иронию с позиций коммуникативно-прагматического подхода [3].

Для лингвистики принципиально важным оказывается дискурсивная природа нарратива как повествования, цель которого — репрезентация последовательности связанных между собой событий. Поскольку художественный текст всегда личностен, характеризуется субъективностью, что отражается и на уровне манифестирования модальности (эксплицитной или имплицитной), события в нем предстают как события жизни, а сам нарратив в таком тексте представлен в виде жизнеописания литературной личности (автора или персонажа). На наш взгляд, вербализация личного нарратива структурирует в семантическом пространстве художественного текста особую нарративную идентичность личности. Реальность текста и реальность внутреннего мира литературной личности становятся в нарративе тождественны. Концептуальная значимость нарратива для структуриро-

вания нарративной идентичности литературной личности состоит в его детерминированности ее спецификой — национальной и индивидуальной.

Иронизирование как одна из когнитивных способностей манифестирована в определенных механизмах, действующих иронически маркированные языковые единицы. Ироническое преобразование смысла находит свое объяснение в основных категориях нарратива, что уточняет в том числе и онтологический статус семантических типов слов, наиболее частотно применяемых в ироническом нарративе, и те лексические значения, которые являются результатом реализации иронии в дискурсе / тексте.

Рецептивно-интерпретативная деятельность, осуществляемая по отношению к ироническому нарративу, основана не только на языковых компетенциях, но и на знаниях о мире в целом. Тем не менее стоит здесь упомянуть об известном постулате, выдвинутом Е.С. Кубряковой, о том, что сколько бы сведений помимо языковых ни требовалось для правильного понимания дискурса / текста, отправной точкой адекватной интерпретации служит изначальная языковая форма, и других оснований, кроме репрезентированных языком, для изучения глубинных когнитивных структур не существует: «Вопрос заключался всегда лишь в том, что конкретно можно извлечь из языкового материала и как далеко могут зайти процессы абстракции в ходе его описания» [5. С. 42].

Иронический нарратив реализуется как посредством применения классического антифразиса, возникающего на основе семантического конфликта словарного и контекстуального значений слова, так и более широким набором языковых единиц, маркированных иронически в определенных коммуникативных условиях (таковы, например, каламбуры, метафоры, аллюзии и пр.). Безусловно, иронический нарратив — это и ирония в «узком смысле», т.е. вербальная, и ирония в «широком смысле» как текстообразующий фактор, характеристика языковой личности и ее картины мира.

Моделирование когнитивных структур, посредством которых реализуется иронический нарратив, на наш взгляд, возможно прежде всего на основе осмысления вербальной иронии. Такие когнитивные структуры могут быть в дальнейшем транспонированы на организацию иронического нарратива в целом как отдельного вида повествования.

Продуцент иронии обращается к широкому репертуару средств, при этом для распознавания и декодирования иронии, разумеется, необходим достаточный объем фоновых знаний реципиента. Художественный текст содержит некоторые маркеры, которые позволяют декодировать иронический смысл в нужном ракурсе: тем самым, возможные варианты интерпретации смысла приобретают определенные координаты, и их выбор становится в известной мере ограниченным.

Такие «интерпретативные» маркеры, присутствующие в художественном тексте, приобретают особую значимость в диалогах, описаниях места действия, внешности персонажей, их внутренней речи, в целом на всех уровнях художественного мира, воссоздаваемого авторским сознанием. Тем самым индивидуально-авторская картина мира приобретает определенные черты в осуществлении диалога с читателем, а значит, и в структуре нарратива. Иронический нарратив в таком ракурсе предстает как совокупность маркеров, фиксирующих иронию —

вербальную и текстообразующую, а определяющий характер приобретает тезаурус реципиента художественного текста и его фоновые знания. Когнитивное моделирование иронического нарратива может быть осуществлено при опоре на «интерпретативные» маркеры ментальных пространств.

Рассмотрение иронического нарратива в терминологии теории дискурса позволяет выявить его синтаксические и семантические характеристики, представляющие собой интегральные и дифференциальные признаки данного феномена по отношению к другим нарративам как семиотическим системам. Исходной классической моделью нарратива признается такая модель, в которой представлены в тесной связи принципы и ограничения, способствующие осуществлению семантической связности и логической корректности [1], в то же время иронический нарратив всегда демонстрирует определенные нарушения таких принципов и норм. В изучении иронии особое значение приобретает понятие *тема*, которое акцентирует соотношения определенных типов нарративных структур, в том числе и их контрастивность, принципиально важную для формирования иронического нарратива. Нарративные контексты предстают как совокупности цитат, коллажи, в которых ирония как ведущий конструктивный принцип может быть реализована в полной мере. Кроме того, именно художественный текст становится тем исследовательским полем, в котором иронический нарратив как объект исследования обладает значительным эвристическим потенциалом.

Определенные конфигурации позиций субъекта, объекта и адресата манифестированы в ироническом дискурсе как коммуникативное событие посредством нарративных стратегий. Любая нарративная стратегия отражает дискурсивную стратегию конкретной эпохи, лингвокультуры, языковой / литературной личности, вследствие чего само повествование приобретает определенные параметры: таковы система эпизодов, характеризующаяся единством пространственно-временных форм, набор актантов, а также микродискурсы, выделенные композиционно и объединенные субъектом речи и способом высказывания. В таком ракурсе нарративные стратегии иронического дискурса предстают как определенные риторические индексы, способствующие манифестированию картины мира автора в соответствии с предполагаемыми свойствами его реципиента.

Ключевым для выделения нарратива как особого вида текстов становится понятие события, совершение которого в тексте квалифицируется посредством ряда условий:

- идентичность изменяемого субъекта;
- семантическая сочетаемость нарративных высказываний;
- хронологическая последовательность фактов, представленных в пространстве нарратива;
- фактичность / реальность события;
- осуществление события вплоть до достижения результата.

Иронический нарратив, на первый взгляд, не отвечает ни одному из приведенных требований, за исключением первого. Однако событийность художественного текста позволяет нам осмысливать этот вид нарратива как самостоятельный, обладающий рядом параметров. Прежде всего наиболее важно здесь требование

нетривиальности события, которое реализуется в ироническом нарративе за счёт оценочной модальности как вида модальности субъективной. Субъективность художественного текста, как указывалось выше, неоспорима, а оценка имманентно присуща в целом речемыслительной деятельности человека. Также облигаторно требование непредсказуемости, осуществляемое в ироническом нарративе, прежде всего, в его авторской сфере. Безусловно, событийность иронического нарратива закономерно вовлекает в исследовательское осмысление требование консекутивности как возможности квалификации наиболее релевантных событийности изменениям во внутреннем и внешнем мире автора / персонажа. Облигаторными для иронического нарратива становятся также требования необратимости и неповторяемости.

Одним из основных отличительных признаков нарративного подхода следует считать вовлечение в исследовательскую парадигму широких контекстов, что позволяет моделировать и трансформировать событийность, саму оценку внешнего и внутреннего мира, что с необходимостью становится наиболее востребованным в координатах иронического нарратива. Построение процесса коммуникации в соответствии с теми историями, которые рассказываем мы сами или другие о нас, диктует рассмотрение его развития с имманентно присущих нарративному подходу позиций. Безусловно, иронический нарратив берет свое начало в личном опыте литературной личности, когда мы обращаемся к изучению художественного текста. К тому же каждая культурно-историческая эпоха диктует свои требования и определенного рода ограничения по отношению к иронии. Эти ограничения касаются прежде всего реализации иронии в конкретных жанрах. Иронический нарратив, имеющий значение не только в личностном общении, но и в более широких социальных слоях, в межкультурной коммуникации, приобретает возможность продуцирования определенных оценок и норм на основе ниспровержения, деконструкции предшествующих.

Именно в ироническом дискурсе событие рассказа и событие рассказывания способны выступать как единое целое, что, однако, не исключает применения различных нарративных стратегий, каждая из которых актуализирует различные виды иронии посредством набора повествовательных приемов.

Безусловно, дискурсивный статус продуцента нарратива определяет манифестирование определенной картины мира, отношение нарратора к событиям, описываемым дискурсом, что в целом позволяет соотносить иронический дискурс с категориями оценочности и модальности, выявляя их конституирующую функцию по отношению к феномену иронии. Риторическая оформленность иронического нарратива и фоновые знания реципиента оказываются взаимосвязанными в двусторонней рефлексии, осуществляемой по поводу художественного текста, поскольку художественная коммуникация всегда имеет диалогический характер.

Процесс коммуникации, в том числе и эстетической, приобретает сегодня характер иронического нарратива, и это неслучайно. Ирония, представляя собой доминанту современного социокультурного пространства постмодерна, моделирует нарратив, имеющий гипертрофированный характер, позволяющий импли-

цировать истину полностью либо отчасти, что отражается и на возможности реализации когнитивно-прагматического потенциала текста / дискурса. Постмодерн, представляя собой совокупность различных контекстов, создает необходимую основу для реализации иронического нарратива за счет возможности манифестирования различных, зачастую противоречащих друг другу культурных кодов, опыта, аксиологических систем и норм [7]. Возможность возникновения противоречия, противопоставления составляет когнитивный фундамент иронии, в которой традиционно выделяют контраст первичной семантики лексем, их сочетаний, целостных высказываний и пр. и вторичной имплицатуры. Когнитивное моделирование иронии позволяет выделить в ее структуре структурно-экспрессивные принципы, реализующие двойной смысл. Иронический нарратив семантически разнороден и неоднозначен: ирония подвергает осмеянию реальность, сомневается в ее истинности, предполагает отсутствие референтности; также указывает на существование некоего идеала, который сопоставляется с реальностью, и выявляет ее несоответствие идеальным представлениям.

Иронический нарратив в контексте постмодерна открывает множественность миров Говорящих, очерчивает пространство жанров и контекстов для обозначения объектов реальности. Иронический нарратив фиксирует «здесь» и «сейчас», тем самым, обыгрывая практически любое событие в форме иронии и/или самоиронии, часто в виде коннотативной оговорки. Значимость иронического нарратива в постмодернистском коммуникативном пространстве тесно связана с его гипертрофированностью и полифункциональностью: ирония транслирует целый комплекс значений, что обуславливает глубину когнитивно-прагматического потенциала иронического нарратива. Этот комплекс значений фиксирует самооправдание, приуменьшение / преувеличение, пренебрежение, сокрытие истинности значения события, высмеивание негативных качеств. Значительна роль иронии в продуцировании защитных механизмов личности, т.к. часто ирония, направленная на субъект или объект, маркирует преодолеваемую зависимость от этого субъекта или объекта. Семантическое пространство реальности / дискурса / текста структурируется языковой / литературной личностью, а также лингвокультурным сообществом, что позволяет выстроить нарративные связи повествования в соответствующем стилистическом и когнитивном регистре. Значит, иронический нарратив становится в контексте постмодерна посредством коммуникативных практик некоей формой эскапизма, вытеснения зависимости от «навязанного» дискурсом власти, того, что находится в зоне постоянного контроля.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Греймас А.Ж., Фонтаний Ж.* Семиотика страстей: От состояния вещей к состоянию души. Изд. 2-е. М.: Ленанд, 2015. 334 с.
- [2] *Джеймисон Ф.* Постмодернизм и общество потребления // *Логос*. 2000. № 4. С. 63—77.
- [3] *Дементьев В.* Непрямая коммуникация. М.: Гнозис, 2006. 560 с.
- [4] *Женетт Ж.* Повествовательный дикурс // *Женетт Ж.* Фигуры. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. Т. 1-2. 944 с. С. 308—435.
- [5] *Кубрякова Е.* Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика — психология — когнитивная наука // *Вопр. языкознания*. 1994. № 4. С. 34—47.

- [6] Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна (1979) / пер. с фр. Н.А. Шматко. М.; СПб., 1998. 160 с.
[7] Постмодернизм: Энциклопедия. Мн.: Интерпрессервис: Книжный Дом, 2001. 1040 с.

Для цитирования: Заврумов З.А. Иронический нарратив в художественном тексте: параметры когнитивного моделирования // Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2016. № 3. С. 117—123.

IRONIC NARRATIVE IN THE LITERARY TEXT: PARAMETERS OF COGNITIVE MODELING

Z.A. Zavrumov

Pyatigorsk state linguistic university
Kalinin Prospect, 9, Pyatigorsk, Russia, 357503

The article discusses the ironic narrative from the viewpoint of cognitive linguistics that allows us to refine the model parameters irony realized in the semantic space of a literary text. Ironic narrative regarded by the author of the article as verbal and text-forming irony, objectifying language personality characteristics and individual author's view of the world. Decisive importance for the cognitive modeling ironic narrative become "interpretive" markers of mental spaces, which represented in the micro- and macrocontext.

Key words: ironic narrative, literary text, semantics, cognitive modeling

REFERENCES

- [1] Greimas A.J., Fountains J. *Semiotika strastej: Ot sostoyaniya veshchej k sostoyaniyu dushi. Izd. 2-e.* [Semiotics of passions: The state of affairs to the state of the soul. Ed. 2nd.]. Moscow, LENAND Publ., 2015. 334 p.
[2] Jameson F. *Postmodernizm i obshchestvo potrebleniya* [Postmodernism and consumer society]. Logos. 2000. №. 4. P. 63—77.
[3] Demytyev V. *Nepryamaya kommunikaciya* [Indirect communication]. Moscow, Gnosis Publ., 2006. 560 p.
[4] Genette G. *Povestvovatel'nyj dikurs. Zhenett Zh. Figury* [Genette narrative dikurs. Genette G. Figures]. Moscow, Publishing house them. Sabashnikov, 1998. V. 1-2. 944 p. P. 308—435.
[5] Kubryakova E. *Nachal'nye etapy stanovleniya kognitivizma: lingvistika — psihologiya — kognitivnaya nauka* [Initial stages of cognitivism: Linguistics — Psychology — Cognitive Science]. *Vopr. yazykoznavaniya* [Problems of Linguistics]. 1994. № 4. P. 34-47.
[6] Lyotard J.-F. *Sostoyanie postmoderna (1979) / per. s fr. N.A. Shmatko* [A condition of a postmodern (1979) / Transl. from Fr. by N.A. Shmatko]. Moscow; SPb., 1998. 160 p.
[7] *Postmodernizm: Entsiklopediya* [Postmodernism: Encyclopedia]. Minsk: Interpresservis: Knizhnyi Dom, 2001. 1040 p.

For citation: Zavrumov Z.A. Ironicheskiy narrativ v hudozhestvennom tekste: parametry kognitivnogo modelirovaniya [Ironic narrative in the literary text: parameters of cognitive modeling]. Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Education Issues Series: Languages and Specialty. 2016, no. 3, pp. 117—123. (In Russian).

CONCEPTUAL ARTWORK AS A POLYCODE TEXT

V.A. Berest

Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198

The present article analyses a conceptual artwork as a polycode text whose perception requires interactions of multiple sensory channels of an individual. It emphasizes relationships of all artwork's components in different perception levels. It also describes artistic method of famous conceptual artists as an intellectual practice inspecting its own language development.

Key words: polycode text, creolized text, artwork, conceptual art, verbal and nonverbal components, icon

Conceptual art is one of the most questionable movements in contemporary art. The term was coined in the 1961 by the artist Henry Flynt. Now we can use it talking about the art based on ideas or concepts instead of the materialistic representations. One of its main branches can be summarily described as the result of putting image and text on the same level.

“To interpret a text is not to give it a (more or less justified, more or less free) meaning but on the contrary to appreciate what plural constitutes it” [5. P. 4]. Contemporary cultural researches suggest different methods for producing various kinds of knowledge and discussion. The most part of them requires a multidisciplinary approach. In Roland Barthes's view there is a big difference between a Work and a Text. “The difference is this: the work is a fragment of substance, occupying a part of the space of books (in a library for example), the Text is a methodological field” [6. P. 74]. Therefore, one can consider contemporary or even modern artwork as a Text, possessing certain properties. Among them are intertextuality, literariness, informativity, modality, address, sustainability, entirety, coherence, auto-semantics, hypertextuality etc.

We can apply almost all these properties to the artwork analysis, thereby some of them are more essential for our inquiry. Swiss linguist Charles Bally's research indicates that a sentence consists of two fundamental parts known as dictum and modus. The first one is defined as impersonal content, meaning of context, and the second one expresses author's attitude towards the expressed statement. For conceptual artworks interpreting this division is essential. According the conceptual art ideology the idea of artwork is a dictum, and its representation is a modus. Consequently, studying the modus apart from the dictum enables us to gain depth in artwork understanding. Modus is the basic conception for modality of the text, which means the way in which subject or idea exists or is done. It is quite certain that, the concept of modality in conceptual art can be criticized, because of abstraction factor in the conceptual artistic approach and notorious death of the author. But we have to insist on its existence, while modus is aligned with context of the speech and personal experience of the author even if he denies it.

By way of example, hypertextuality becomes really important part of contemporary artistic method without any references to art forms. Each viewer can form new interpretation and meanings. He is a sort of co-author, collaborator or more accurately — a contributor, weaving his own ideas into the artistic sight. All alterations of meanings occur because of the circumstances, personal experience, exhibition forms, and, thanks to the multiple transmission channels used by contemporary artist. Therefore, taking the artwork (more accurately — conceptual artwork) to be the text we can interpret it using semiotic methods and models: at first Ferdinand de Saussure's two-side model of sign, using to analyze all kind of relationships between different levels and parts of the artwork. The more complicated analytical model is the triangle of reference or triangle of meaning. Conceptual artworks are the best way to explain this semiotic triangle that describes form of relationships between the author as subject, a concept as object or referent, and its designation.

According to linguistic theory conceptual artworks can be described as “creolised”. The term was adopted in 1990 by Yuri Sorokin and Evgeni Tarasov. Some researchers use term “polycode texts” or even “semiotically complicated texts”. As defined the term describes different kinds of texts that consists of two non-homogenous parts: verbal and non-verbal. Polycode text coherence appears in verbal and non-verbal components' coordination, and presents in substantial, lingual, compositional levels. Art of the twentieth century differs from the art of earlier times. The first part of the twentieth century marked the end of the traditional perceptive art. Technical innovations influences, social and political circumstances, creative activity inspiring by new way of life triggered the mechanism of contemporary art and radical artistic ideas. One of that ideas was to create metatext involves use of texts messages, icons or even real life objects. By contrast with traditional research, focused on the icon as a second semantic system, we will try to analyze the inverse process of text incorporation into the visual artwork.

It is really important that the text had been used in artworks long before this. The history of art is full of examples of artists who used it in different ways. Russian Constructivist artists created images with combinations of different printer's types to actualize new social meanings attempting to form a new type of utilitarian art. Dada, Cubist or even Futurist artists appropriated the collage techniques, presenting cut-and-pasted text fragments and illustrations in one artwork. That was kind of a new visual language used to glorify advanced technology and urban modernity.

Nevertheless, many Conceptual artists used the text in place of their usual means of production. One of the originators of Conceptual art, American artist and theoretician Joseph Kosuth has created a lot of text-based artworks since 1960s. His piece “One and Three Chairs”, made in 1965, became an icon for all the art movement. “Since no form is intrinsically superior to another, the artist may use any form, from an expression of words (written or spoken) to physical reality, equally” [9. P. 82]. Kosuth's artwork is an installation that consists of wood chair, photography of a chair and a copy of dictionary definition of a chair. It is a perfect presentation of one object using three different forms of representation: an image, an object, and text. “There are many elements involved in a work of art. The most important are the most obvious” [9. P. 83]. The artwork gives insight into relationships between text (or language), display image and object. And this is the way in which contemporary art develops nowadays.

The main Kosuth statement was: “The art I call Conceptual art is such because it is based on an inquiry into the nature of art” [8. P. 40]. Conceptual art is a kind of intellectual practice inspecting its own language development. “Works of art are analytic propositions. That is, if viewed within their context — as art — they provide no information whatsoever about any matter of fact. A work of art is a tautology in that it is a presentation of the artist’s intention, that is, he is saying that that particular work of art is art, which means, is a definition of art” [1. P. 165].

Kosuth’s method partly resembles French surrealist Rene Magritt’s work. He also constructed visual and logical antinomies, such as “The Treachery of Images” (“This is Not a Pipe”) in 1928—1929 to analyze the nature of art. Proposing us visual representation of the subject (a pipe) and its verbal negative assumption (the negative statement) he created a mind trap, motivating us to accept only one pose: of the spectator or reader, but not both of them. The mentioned artwork is a kind of metatext. It turns visual artwork into a means to speak about itself.

The word became an important part of artwork creation in contemporary art. In the beginning was the Word. Such theological references generate unique meanings and metaphysical reasoning to conceptual artworks’ creation. “If words are used, and they proceed from ideas about art, then they are art and not literature; numbers are not mathematics” [9. P. 83].

In 1971 American conceptual artist John Baldessari created “I Will Not Make Any More Boring Art” — piece used the text instead of the image. The first its version was created at Nova Scotia College of Art and Design without artist’s presence. “As there wasn’t enough money for me to travel to Nova Scotia, I proposed that the students voluntarily write “I Will Not Make Any More Boring Art” on the walls of the gallery, like punishment. To my surprise they covered the walls” [13. P. 188].

Baldessari provided the students with direction on main idea, but they had some space to perform it. Therefore, the question of traditional author’s role has been risen or according to Roland Barthes’s theory — the question of the death of the author was placed. But the main idea of his art was the power of a Word transmitting into the visual artwork, which could be interpreted in different symbolic levels.

In conceptual art a viewer and an artist both are active makers of meaning. “Signs, therefore, are clues with which the speaker “furnishes” the addressees, enabling them and leading them to infer the way in which the speaker intends to influence them. Signs are not [...] containers used for the transport of ideas from one person’s head to another. Signs are hints of a more or less distinct nature, inviting the other to make certain inferences and enabling the other to reach them” [7. P. 90]. This relationship is dynamic and in Roland Barthes’s view depends on cultural level and multiple sensory channels of each of them. The viewer uses his learning and understanding channels for translating and transferring verbal and nonverbal artist’s signs into the personal experience. At the same time “a work of art may be understood as a conductor from the artist’s mind to the viewer’s. But it may never reach the viewer, or it may never leave the artist’s mind” [9. P. 82].

It is commonly known that polycode text or creolized one can consist not only of the text and the image, but also can be presented in other sensation levels. In the history of

contemporary art we can find new art forms such as video art works, new performative practices, happenings and installations. All this modern forms based on conceptual art ideas that explored author-artwork-spectator possible configurations.

In such a manner we can realize French artist Gina Pane's artworks. Her artistic method involved her own body participation. And presented thereby a complex synthetical artwork, consists not only of the action, but also of its photo and video presentation.

In 1973 at the Rodolphe Stadler's gallery in Paris the French artist of Italian origin Gina Pane has presented performance in three parts called "Self-Portait(s)". In spite of the traditional approaches to defining and analyzing performative practices that was a unique form putting together the action in itself and its photo documentation. This special relationship between an action (or a dictum) and its representation (or a modus) became a key aspect of Pane's work.

All the process was recorded by Swiss filmmaker and feminist Carole Roussopoulos — the first woman in France directed the documentary for portable Sony Portapak camera. She was also well-known for her scandal socially oriented documentaries.

Despite the modern technical capabilities of the media photographic images of the process was more important for Gina Pane. The entire series of pictures taken during the performance were strictly planned by the artist. Together with the French photographer Françoise Masson she worked through all the details of the composition, then she selected the pictures, crop them and arranged in a certain order for the subsequent exposition. Her final goal was to create a photo installation with a focus on viewer reflection and perception.

A great number of her artworks are largely based on biblical stories, lives of saints and legends of the martyrs. Her artworks include different citations of Old Testament scenes, literal references and links to some famous saints and events proposing varying interpretation. In such a manner she has created a unique visual system with a head motif of the Saint (or Martyr) purifying through the prism of his physical pain in the name of the Other. This author's conception is critically conceptualized by new representation in the museum space where the photo documentation of a process instead of the action in itself is placed.

Although we already have scrutinized conceptual artworks as text-based examples, we have not previously thought about their exhibiting or presentation.

In 1968 American art-dealer Seth Siegelaub organized the first exhibition, in which the catalogue, displayed in a private apartment, was the exhibition in itself. That kind of exhibition show became the first example of exhibitions-as-books shows, which were continued later with famous Xerox Book. Siegelaub started his experimental actions to support young conceptual artists. Art-dealer invited American artists Carl Andre, Robert Barry, Douglas Huebler, Joseph Kosuth, Sol LeWitt, Robert Morris, and Lawrence Weiner to create twenty-five-page works on paper to be reprinted as a part of the entire book called Xerox Book. It was not the usual artist's book but the most available and cheapest way to diffuse conceptual art ideas all over the country.

Next year in 1969 after completing the Xerox Book, he organized the most famous group exhibition in which the print catalogue became the main object instead of artworks. The exhibition absence is a perfect example of Barthes's zero sign. A zero or null linguistic

sign is a sign whose signifier is empty. It has some meaning or context, but has not any form. “While the null is bad in real life, it is in fact still important in thought. One cannot think without null” [2. P. 262].

And the absence of exhibition itself means here a new level of perception. It is a some sort of aposiopesis, where the curator leaves his sentence incomplete. By presenting the exhibition catalogue without any real exhibition he proposes us to make our own choice and sits in judgment on new conceptual art and new artistic methods.

This survey covers some current uses of the term “creolized” and “polycode text” applying to conceptual artworks created from 1960s to 1970s. It proposes some new analytical methods using cross-disciplinary approach. Today’s lack of convenient methodological ways to research in the contemporary art field is not surprising, nevertheless new knowledge about contemporary art and relevant methods, which make its understanding more progressive, are critically important.

REFERENCES

- [1] Alberro A., Stimson B. *Conceptual Art: A Critical Anthology*. The MIT Press, 2000. 624 p.
- [2] Reformatskij A.A. *Lingvistika i poehtika* [Linguistics and Poetics]. Moscow, 1987. 264 p.
- [3] Sorokin U.A., Tarasov E.F. *Kreolizovannye teksty i ih kommunikativnaya funkciya* [Creolized textes and their communication function]. *Optimizaciya rechevogo vozdejstviya* [Optimization of speech influence]. 1990, pp. 180–186.
- [4] Bally Sh. *General Linguistics and Questions of the French Language*. M.: Publishing House of Foreign Literature, 1955. 416 p.
- [5] Barthes R. *S/Z*. Farrar, Straus & Giroux Inc., 1975. 282 p.
- [6] Barthes R. *From Work to Text. Textual Strategies: Perspectives in Poststructuralist Criticism* Ithaca, NY: Cornell UP, 1979, pp. 73–81.
- [7] Keller R. *A Theory of Linguistic Signs*. Translated by Kimberley Duenwald. Oxford; New York: Oxford University Press, 1998. 280 p.
- [8] Kosuth J. *Art After Philosophy and After: Collected Writings, 1960–1990*. Cambridge: MIT Press, 1991. 289 p.
- [9] LeWitt S. Paragraphs on Conceptual Art. *Artforum* 5, 1967, no. 10, pp. 79–83.
- [10] Pane G. *Lettre a un(e) inconnu(e)*. Paris, 2012. 178 p.
- [12] Foucault M. *This is Not a Pipe*. University of California Press, 1983. 104 p.
- [13] Wye D. *Artists and Prints: Masterworks from The Museum of Modern Art*. New York: The Museum of Modern Art, 2004. 288 p.

For citation: Berest V.A. Conceptual artwork as a polycode text. *Bulletin of the Peoples’ Friendship University of Russia. Education Issues Series: Languages and Specialty*. 2016, no. 3, pp. 124–129. (In English)

ПРОИЗВЕДЕНИЕ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО ИСКУССТВА КАК ПОЛИКОДОВЫЙ ТЕКСТ

В.А. Берест

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, д. 6, Москва, Россия, 117198

Данная статья посвящена анализу произведений концептуального искусства, рассматриваемых как поликодовый текст, чье восприятие требует актуализации и взаимодействия всех каналов чувственного восприятия личности. Исследование определяет отношения между всеми компонентами художественного произведения на разных уровнях восприятия. Также описан творческий метод известных художников-концептуалистов с точки зрения интеллектуальной практики, исследующей развитие собственного языка.

Ключевые слова: поликодовый текст, креолизованный текст, произведение искусства, концептуальное искусство, вербальный и невербальный компоненты, иконический знак

Для цитирования: Берест В.А. Произведение концептуального искусства как поликодовый текст // Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2016. № 3. С. 124—129.

НАШИ АВТОРЫ

Бахшиева Фидан Сурат гызы — кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка Бакинского славянского университета

E-mail: fidan_baxsiyeva@mail.ru

Берест Валерия Адлеровна — научный сотрудник Государственного центра современного искусства, старший преподаватель кафедры теории и истории культуры факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов, соискатель кафедры всеобщей истории искусств исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

E-mail: berest_va@pfur.ru

Заврумов Заур Асланович — кандидат филологических наук, доцент, проректор по научной работе и развитию интеллектуального потенциала университета Пятигорского государственного лингвистического университета

E-mail: k_mika@mail.ru

Лавицкий Антон Алексеевич — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков филологического факультета Витебского государственного университета им. П.М. Машерова

E-mail: anton_lavitski@mail.ru

Липатникова Оксана Николаевна — аспирант кафедры русского языка и межкультурной коммуникации факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов

E-mail: okcatole@mail.ru

Лукиных Наталья Витальевна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского языка, литературы и методики обучения русскому языку и литературе Челябинского государственного педагогического университета

E-mail: lukinyhnn@cspu.ru

Никитенко Татьяна Васильевна — кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой английской филологии, филологический факультет Витебского государственного университета им. П.М. Машерова

E-mail: tatnikita@gmail.com

Омашева Жанар Магауяевна — старший преподаватель кафедры русского языка Карагандинского государственного медицинского университета

E-mail: omzhan@mail.ru

Подобрий Анна Витальевна — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, литературы и методики обучения русскому языку и литературе Челябинского государственного педагогического университета

E-mail: podobrij@yandex.ru

Файзрахманова Юлия Сулеймановна — аспирант кафедры английской филологии Камчатского государственного университета им. Витуса Беринга

E-mail: juliafayz@gmail.com

Хорев Андрей Викторович (Khorev Andrei) — кандидат филологических наук (МГУ); доктор философских наук (Университет Южной Калифорнии, Лос-Анджелес, США); автор многочисленных статей и переводов с французского и английского языков; преподаватель русского и французского языков и литературы в университетах Лос Анджелеса, Сан-Бернардино и Санта Круза (штат Калифорния, США). 196 «Б» Силван Уэй, Боулдер Крик, Калифорния, 95006, США

E-mail: dorogia@yahoo.com

Черкашина Татьяна Тихоновна — доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка и лингвистических коммуникаций в управлении Института иностранных языков и лингвокоммуникаций в управлении Государственного университета управления

E-mail: ttch2004@yandex.ru

Чжу Жуйшуан — аспирант, сектор этнопсихолингвистики, Институт языкознания РАН

E-mail: kaixinzhrsh@hotmail.com

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Научный журнал «Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования: Языки и специальность» публикует статьи, доклады и сообщения как известных российских и зарубежных ученых, так и молодых специалистов, докторантов и аспирантов, а также рецензии, обзоры, информацию о научных проектах. Материалы публикуются на русском, английском, французском, немецком, испанском языках. Журнал выходит 4 раза в год.

<http://193.232.218.56/web-local/fak/rj/index.php?id=23&p=147>

<http://ru-rudn-ru.lgb.ru/node/2>

Внимание! С 2016 года редколлегия будет принимать статьи аспирантов и докторантов только при наличии рецензии на статью от научного руководителя, отчета из системы АнтиПлагиат ВУЗ (оригинальность текста не менее 87%), заявления (образец заявления см. ниже).

Главному редактору научного вестника РУДН
Серия «Вопросы образования. Языки и специальность»
д.ф.н., проф. В.П. Синякину
аспиранта (соискателя), докторанта кафедры....
ФИО

ЗАЯВЛЕНИЕ

Прошу опубликовать мою статью под названием (указать название статьи) в очередном (ближайшем) номере журнала «Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования: языки и специальность».

Разрешаю использовать полный текст публикации для некоммерческого информационного обслуживания читателей вестника РУДН.

Разрешаю передачу полного текста публикации и персональных данных в ООО «Научная электронная библиотека (eLIBRARY.RU)» в целях осуществления поисковых операций в базе данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) и доведения их до всеобщего сведения.

К заявлению прилагаю:

1. рецензию научного руководителя – (указать уч. степень, уч. звание, должность и место работы), ФИО;
2. отчет из системы АнтиПлагиат ВУЗ

Дата. Подпись.

Каждая статья проходит анонимное (**внешнее**) рецензирование журнала. Редакционная коллегия принимает решение о публикации с учетом мнения рецензентов, в число которых входят как российские, так и зарубежные ученые.

После принятия редколлегией серии решения о возможности публикации статьи ответственный секретарь серии информирует об этом автора и указывает сроки публикации.

Обязательна подписка на журнал, минимум на полугодие (журнал выходит 4 раза в год), по каталогу *Роспечати индекс журнала — 20830*.

Требования к рукописи, представляемой в редакционную коллегию

1. Блок 1 — на языке статьи: название статьи; ФИО автора(ов); адрес организации, авторское резюме; ключевые слова.

2. Блок 2 — полный текст статьи.

3. Блок 3 — список литературы на русском языке («Литература»), оформленный по ГОСТ Р 7.0.5-2008 (факультативен для публикаций на иностранном языке).

4. Блок 4 — информация Блока 1 в романском алфавите (если статья на русском языке) или на русском языке (если статья на английском) (транслитерация и перевод соответствующих данных) в той же последовательности: заглавие (перевод), ФИО авторов (транслитерация); название организации (перевод), адрес организации (транслитерация + перевод), аннотация (перевод), ключевые слова (перевод).

5. Блок 5 — список литературы в латинском алфавите (транслитерация + перевод) (“REFERENCES”). Если список литературы по п. 1.3 представлен в латинском алфавите, блок 5 не требуется.

6. Блок 6 — сведения об авторе/ авторах статьи должны быть представлены в конце рукописи и содержать следующую информацию: ФИО полностью, ученая степень и ученое звание, должность, место работы, круг научных интересов, названия двух-трех наиболее важных научных работ, электронная почта, номер (мобильного) телефона.

Авторские резюме (аннотации) должны быть:

1) информативными (не содержать общих слов); 2) оригинальными (не быть дословным переводом); 3) содержательными (отражать основное содержание статьи и результаты исследований); 4) структурированными (следовать логике статьи); 5) резюме на английском языке должны быть «англоязычными» (написаны стандартным английским языком); компактными (объем текста авторского резюме определяется содержанием публикации (объемом сведений, их научной ценностью и/или практическим значением), но не менее 700 знаков.

Резюме должно сопровождаться несколькими **ключевыми словами (словосочетаниями)**, отражающими основную тематику статьи и облегчающими классификацию работы в компьютерных поисковых системах. Размер ключевого словосочетания не может быть больше 100 знаков, включая пробелы (ограничение для e-library).

Ссылки на источники даются в виде алфавитного списка литературы с нумерацией после текста. Сначала идут источники на русском, затем на иностранных языках. В самом тексте (после цитирования) информация об источнике печатается в квадратных скобках с указанием номера по списку. Библиографическое описание источника в списке **ЛИТЕРАТУРА** составляются в соответствии с действующими нормами ГОСТ Р 7.0.5-2008 (для e-library).

Ниже приводятся примеры описания источников для списка **REFERENCES**.

Описание статьи из журналов

Zagurenko A.G., Korotovskikh V.A., Kolesnikov A.A., Timonov A.V., Kardymon D.V. Tekhniko-ekonomicheskaya optimizatsiya dizaina gidrorazryva plasta [Techno-economic optimization of the design of hydraulic fracturing]. *Neftyanoe khozyaistvo — [Oil Industry]*, 2008, no. 11, pp. 54—57.

Описание статьи из электронного журнала

Swaminathan V., Lepkoswka-White E., Rao B.P. Browsers or buyers in cyberspace? An investigation of electronic factors influencing electronic exchange. *Journal of Computer-*

Mediated Communication, 1999, vol. 5, no. 2. Available at: <http://www.ascusc.org/jcmc/vol5/issue2/> (Accessed 28 April 2011).

Описание статьи с DOI

Zhang Z., Zhu D. Experimental research on the localized electrochemical micromachining. *Russian Journal of Electrochemistry*, 2008, vol. 44, no. 8, pp. 926–930. doi: 10.1134/S1023193508080077

Описание статьи из продолжающегося издания (сборника трудов)

Astakhov M.V., Tagantsev T.V. Eksperimental'noe issledovanie prochnosti soedinenii «stal'-kompozit» [Experimental study of the strength of joints “steel-composite”]. *Trudy MGTU «Matematicheskoe modelirovanie slozhnykh tekhnicheskikh sistem»* [Proc. of the Bauman MSTU “Mathematical Modeling of Complex Technical Systems”], 2006, no. 593, pp. 125–130.

Описание материалов конференций

Usmanov T.S., Gusmanov A.A., Mullagalin I.Z., Muhametshina R.Ju., Chervyakova A.N., Sveshnikov A.V. Osobennosti proektirovaniya razrabotki mestorozhdeniy s primeneniem gidrorazryva plasta [Features of the design of field development with the use of hydraulic fracturing]. *Trudy 6 Mezhdunarodnogo Simpoziuma “Novye resursosberegayushchie tekhnologii nedropol'zovaniya i povysheniya neftegazootdachi”* [Proc. 6th Int. Symp. “New energy saving subsoil technologies and the increasing of the oil and gas impact”]. Moscow, 2007, pp. 267–272.

Описание книги (монографии, сборники)

Nenashev M.F. *Poslednee pravitel'stvo SSSR* [Last government of the USSR]. Moscow, Krom Publ., 1993. 221 p.

Ot katastrofy k vrozozhdeniju: prichiny i posledstviya razrusheniya SSSR [From disaster to rebirth: the causes and consequences of the destruction of the Soviet Union]. Moscow, HSE Publ., 1999. 381 p.

Lindorf L.S., Mamikonians L.G., eds. *Ekspluatatsiya turbogeneratorov s neposredstvennym okhlazhdeniem* [Operation of turbine generators with direct cooling]. Moscow, Energiia Publ., 1972. 352 p.

Описание интернет-ресурса

APA Style (2011). Available at: <http://www.apastyle.org/apa-style-help.aspx> (accessed 5 February 2011).

Pravila Tsitirovaniya Istochnikov (Rules for the Citing of Sources) Available at: <http://www.scribd.com/doc/1034528/> (accessed 7 February 2011).

Описание диссертации или автореферата диссертации

Semenov V.I. *Matematicheskoe modelirovanie plazmy v sisteme kompaktnyi tor*. Diss. dokt. fiz.-mat. nauk [Mathematical modeling of the plasma in the compact torus. Dr. phys. and math. sci. diss.]. Moscow, 2003. 272 p.

Описание ГОСТа

GOST 8.586.5—2005. Metodika vypolneniia izmerenii. Izmerenie raskhoda i kolichestva zhidkosti i gazov s pomoshch'iu standartnykh suzhaiushchikh ustroystv [State Standard 8.586.5—2005. Method of measurement. Measurement of flow rate and volume of liquids and gases by means of orifice devices]. Moscow, Standartinform Publ., 2007. 10 p.

(Рекомендуем также обращаться на сайт издательства EMERALD [HTTP://WWW.EMERALDINSIGHT.COM/AUTHORS/RUIDES/WRITE/HARVARD.HTIN?PART=2](http://WWW.EMERALDINSIGHT.COM/AUTHORS/RUIDES/WRITE/HARVARD.HTIN?PART=2)

Поля страницы — 2 см; размер бумаги А4 (210×297 мм); **шрифт** “Times New Roman”, **кегель** — 12; **межстрочный интервал** — 1,5.

Рекомендуемый **объем** статьи — 20 000 знаков.

Примечания в тексте статьи заключаются в круглые скобки и выносятся в конец статьи (перед списком литературы); используется сквозная нумерация.

Транслитерация. На сайте <http://www.translit.ru> можно воспользоваться программой транслитерации русского текста в латиницу. Для транслитерации литературы следует пользоваться вариантами без обозначений твердого и мягкого знака.

Адрес страницы на сайте рецензируемого научного издания в сети «Интернет», где размещены правила направления, рецензирования и опубликования научных статей: <http://193.232.218.56/web-local/fak/rj/index.php?id=23&p=147>

Адрес страницы «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: Языки и специальность» на сайте «Электронной научной библиотеки “ELibrary.ru”» http://elibrary.ru/title_about.asp?id=11968

Адрес эл. почты: Bulletin.LanguageTeaching@yandex.ru

Доп. адреса: word@list.ru; uldanai@mail.ru

Благодарим за сотрудничество!

INFORMATION FOR AUTHORS

The journal «Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series of Education Issues: Languages and Speciality» welcomes research articles, book reviews, literature overviews, and research project announcements by experts in the field and young scholars. The editors are open to thematic issue initiatives with guest editors. The languages of publication are Russian, English French, German, Spanish. The journal publishes 4 issues a year.

SUBMISSION REQUIREMENTS

Manuscripts should be submitted as WORD files online at edulangjournalrudn@pfur.ru

The submission should include 700 to 1000 word abstract, 6 to 8 key words and a cover sheet with the following information: Name of the author(s), affiliation, title, degree, telephone and email address. A manuscript should not exceed 30,000—40,000 characters with spaces, including bibliography and footnotes. The recommended font is Times New Roman, 12-point with line spacing 1.5.

Submissions are subject to blind review by two experts in the field. Authors who wish to receive the journal issue with their publication should commit themselves to 1-year-long subscription to the journal.

Further information and submission guidelines can be found at <http://193.232.218.56/web-local/fak/rj/index.php?id=23&p=147>

AUTHORS GUIDELINES

The articles submitted to the editorial board undergo a reviewing procedure.

The volume of the article should not exceed 1 publication base (40 000 printable characters). No more than three illustrations, diagrams or schemes can be placed within the article.

The article should be e-mailed in English or in Russian with abstract & keywords both in English and Russian.

The following are the requirements for manuscripts submitted to the editorial board.

1. The materials submitted to the editorial board must be presented in electronic and in print format. The text-based editor is Word. The materials should be signed by the author on the title page near the name of the author.

2. The title page of the article must contain the complex of the elements located on the page in the following order. At the top of the page the title of the article is printed in capital letters bold font. Surnames of the authors follow the heading and are printed by lower case letters.

3. References should follow the body of the text in alphabetical order, first the sources in Russian language, then the sources in foreign languages. References to the cited sources, and notes should be incorporated in the text of the article, after the quotation in square brackets, with the number from the list of references. Bibliographical description of the source in the list of references is implemented in accordance with the rules of GOST 7.0.5-2008. Font and line spacing, is the same as in the article.

4. Margins: top — 2 cm; bottom — 2 cm; left — 2 cm; right — 2 cm; the size of a paper — A4 (210×297 mm); font «Times New Roman» № 12; line spacing — 1.5.

5. Notes and quotations incorporated in the body of the text should be numbered consecutively. 6. Materials without substantiated research support or not corresponding to the rules mentioned higher will not be considered.

7. The following data about the author should be attached to the manuscript: first name, middle name initial, last name, academic degree, academic title, place of employment, postal address, work address, home address, office phone number, home telephone number, fax, e-mail.

8. A short abstract of the article in Russian and English, the title of the article in English and the list of key words (no more than 15) are to be attached.

9. Please address the materials to the following address: FGBOU VPO Peoples' Friendship University of Russia, *Miklukho-Maklaya str., 10 A, Moscow, Russia, 117198*

Editorial board of the journal “Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series of Education Issues: Languages and Speciality”

E-mail: edulangjournalrudn@pfur.ru

We look forward to your submissions!

Научный журнал

ВЕСТНИК
Российского университета
дружбы народов

Серия:
ВОПРОСЫ ОБРАЗОВАНИЯ:
ЯЗЫКИ И СПЕЦИАЛЬНОСТЬ

2016, № 3

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ПИ № ФС 77-61172 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов» (ул. Миклухо-Маклая, д. 6, Москва, Россия, 117198)

Редактор *И.В. Успенская*
Компьютерная верстка: *О.Г. Горюнова*

Адрес редакции:
Российский университет дружбы народов
ул. Орджоникидзе, д. 3, Москва, Россия, 115419
Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: ipk@pfur.ru

Адрес редакционной коллегии
серии «Вопросы образования: языки и специальность»:
ул. Миклухо-Маклая, дом 10, корпус 3, Москва, Россия, 117198
Тел.: (495) 433-01-01
e-mail: edulangjournalrudn@pfur.ru

Подписано в печать 16.09.2016. Выход в свет 30.09.2016. Формат 70×100/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «NewtonС».
Усл. печ. л. 11,29. Тираж 500 экз. Заказ № 832

Цена свободная

Типография ИПК РУДН
ул. Орджоникидзе, д. 3, Москва, Россия, 115419, тел. (495) 952-04-41

Scientific journal

BULLETIN
of Peoples' Friendship
University of Russia

Series:
PROBLEMS OF EDUCATION:
LANGUAGES AND SPECIALITY

2016, № 3

Editor *I.V. Uspenskaya*
Computer design: *O.G. Gorunova*

Address of the editorial board:
Peoples' Friendship University of Russia
Ordzhonikidze str., 3, Moscow, Russia, 115419
Ph. +7 (495) 955-07-16; e-mail: ipk@pfur.ru

Address of the editorial board
Series «Problems of education: languages and speciality»:
Miklukho-Maklaya str., 10/3, Moscow, Russia, 117198
Ph./fax +7 (495) 433-01-01
e-mail: edulangjournalrudn@pfur.ru

Printing run 500 copies

Open price

Address of PFUR publishing house
Ordzhonikidze str., 3, Moscow, Russia, 115419
Ph. +7 (495) 952 0441

ф. СП-1

ФГУП «ПОЧТА РОССИИ»

АБОНЕМЕНТ на журнал

20830

(индекс издания)

ВЕСТНИК РУДН

Серия «Вопросы образования: языки и специальность»

Количество комплектов:

на 2016 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

на журнал

20830

(индекс издания)

ПВ	место	литер

ВЕСТНИК РУДН

Серия «Вопросы образования:

языки и специальность»

Стоимость	подписки	_____ руб. ____ коп.	Количество комплектов:	
	переадресовки	_____ руб. ____ коп.		

на 2016 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)